

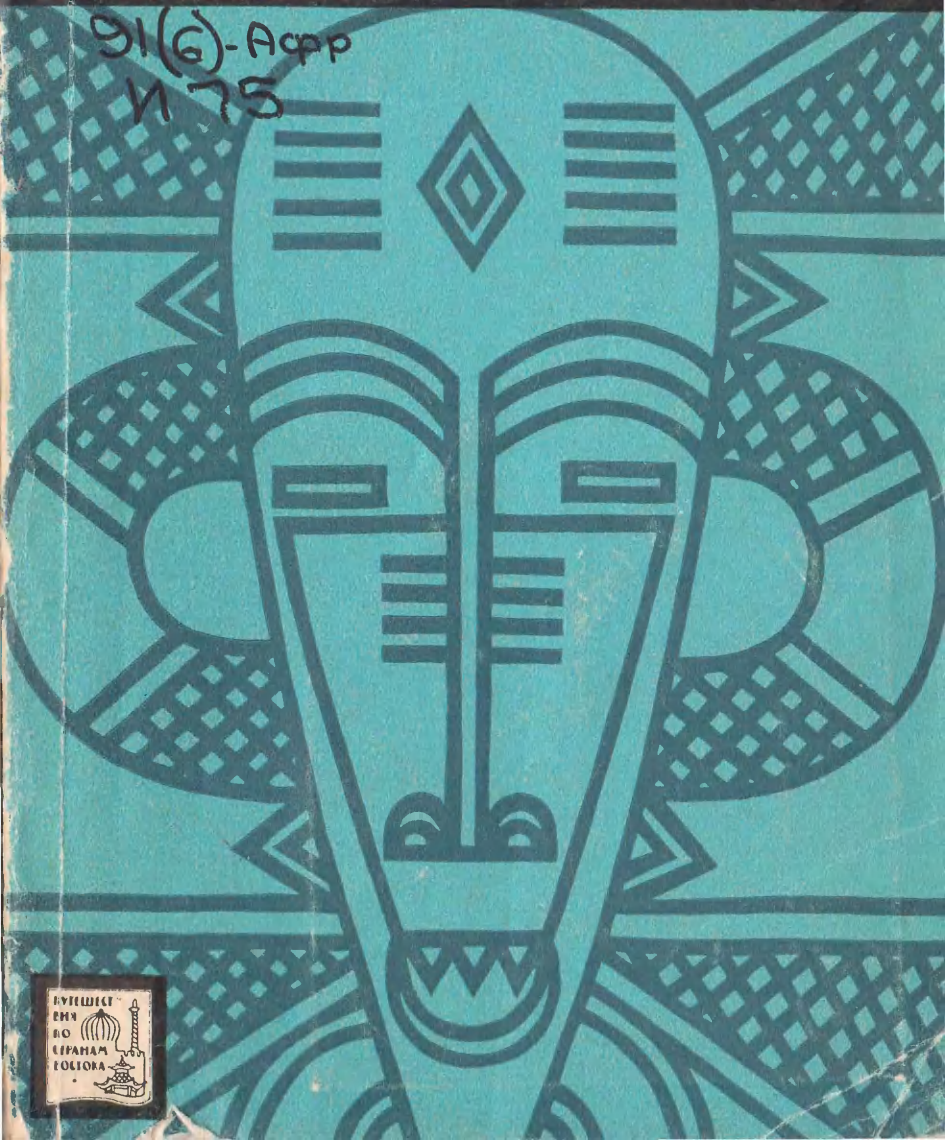
№ 10.3167
И 75

Сыпленные иероглифы

В. Б. ИОРДАНСКИЙ

И 75

91(6)-Асрр
И 75

В. Б. ИОРДАНСКИЙ
ОГНЕН-
НЫЕ
ЦЕРОГ-
ЛИФЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1968

Иорданский В. Б.

И75 Огненные иероглифы, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968.

248с. (Серия «Путешествия по странам Востока»).

Автор этой книги около четырех лет провел в Африке. В его поездках, посвященных Гвинее, Гане, Нигерии, Берегу Слоновой Кости, ярко проступает многоликость этого, в сущности еще мало знакомого нашему читателю, континента: жители саванны в Северной Гане имеют иные традиции и предания, чем соседние племена Нигера; юг Гвинеи не похож на горное плато центра страны. Автор рассказывает о новом в жизни африканской деревни, о культуре и искусстве, об изменениях, происходящих в городах континента.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В странах Тропической Африки журналисту трудно работать. Скажем, в Англии достаточно знать английский. Но, по подсчетам лингвистов, население Тропической Африки говорит примерно на девятистах языках и диалектах, что вряд ли по силам самому одаренному полиглоту. Постоянно нужна помощь переводчика, а он далеко не всегда передает услышанное. В иных случаях, когда переводчик почему-либо недоволен вопросами или ответами, он становится непрошеным цензором происходящего разговора.

Очень бедна местная печать. Есть страны, где по сей день не выходит ни одной газеты и единственным источником новостей служит радио. Почти всюду существуют министерства информации, но обычно у служащих там чиновников трудно получить какие либо материалы кроме речей местного премьера или президента. Такие страны, как Нигерия, Сенегал, Гана, Кения, где выйдут десятки периодических изданий, пока что исключение в Африке.

Бывает тягостен климат — то слишком сухой, то слишком влажный и всегда чрезмерно жаркий. Вряд ли кого может обрадовать изобилие местных заболеваний — от проказы до менингиального энцефалита.

И все-таки работа в Африке на редкость увлекательна. При встрече с любой африканской страной встают тысячи вопросов, и очень часто ответ подсказать некому, его надо искать самому.

Если заходит речь об истории, нужно забираться в архивы, разыскивать знающих прошлое людей, распу-

тавать противоречивые сообщения в редких книгах. Еще сложнее понять перспективы, открывающиеся перед африканскими народами. Африканская современность — это клубок напряженнейших противоречий, исход которых только намечается.

Мне посчастливилось провести несколько лет корреспондентом «Комсомольской правды» в Гане. Часто приходилось выезжать и в другие страны, иногда на противоположном конце континента. Это было очень полезно, позволяло сравнивать, сопоставлять. Я видел, как по-разному страдали и радовались люди, хотя в общем-то у них были одни и те же причины и для счастья и для горя. За бесконечным разнообразием континента начинали приоткрываться некоторые общие черты его движения вперед, его отступлений и побед.

Когда, вернувшись в Москву, я начал писать эту книгу, то словно заново пережил проведенные в Африке годы. Перед моими глазами проплывали лица старых друзей, в памяти всколыхнулись давние споры. Десятки людей, каждый по-своему, помогали мне, когда я был в Гане. Теперь они стали моими соавторами.

Благодаря их поддержке я смог довести до конца эту книгу.

ГВИНЕЯ БЕЗ ЭКЗОТИКИ

У каждого города Западной Африки есть свой, только ему присущий аромат.

В Бамако, столице Республики Мали, воздух чуть горек от дыма, поднимающегося от сжигаемой по дворам листвы, от дыма, приносимого ветром из окрестной саванны. Этот воздух обжигаете сух, и к горечи дыма примешивается сладковатый привкус всепроникающей красной пыли. Ее поднимают машины на дорогах, мальчишки, играющие на улицах. Когда налетает северный ветер «харматтан», тучи донесшейся из Сахары тончайшей пыли облаками повисают над городом.

Ганская столица Аккра пахнет подгоревшим пальмовым маслом, рыбой и морской солью. На рыбном рынке толстые торговки под громадными плетеными шляпами со смехом и шутками расхваливают свои креветки, лангусты, с неудержимым красноречием расписывают вымышленные и подлинные достоинства только что доставленной рыбы. А рядом на переносных жаровнях кипит в глубоких сковородах пальмовое масло, в котором купаются золотистые пончики «кенке». Уставшие от рыночной суеты покупательницы охотно подкрепляются горячими пирожками.

Морской ветер подхватывает пряные, острые запахи рынка и разносит их по всему городу. В воздухе ганской столицы висят тысячи мельчайших брызг, особенно когда ветер усиливается и поднимается могучий океанский прибой.

Конакри пахнет тропиками. Здесь влажно, и от громадных деревьев, кроны которых словно зонтом при-

крывают гвинейскую столицу от солнца, тянет сладковатой прелью. Нежный аромат неведомых цветов доносится с островов Лос, расположенных в нескольких километрах от берега. Распаренное море лениво плещется у рифов, окружающих город.

Когда-то гвинейская столица находилась на острове, но вскоре городу стало тесно, и он был соединен с полуостровом Калум узким перешейком. Однако Конакри так и не удалось освободиться целиком из морского плена. С конца мая по сентябрь океан обрушивается на город страшными ливнями, превращая улицы в бурные реки, а площади — в озера. За немногие месяцы здесь, говоря языком метеорологов, выпадает свыше четырех тысяч пятисот миллиметров осадков.

Если бы не океан, не было бы и стоящих по берегу деревьев-великанов. Когда созревают оранжевые манго, ребяташки палками сбивают сочные плоды. Они достают только до нижних веток; нужно быть олимпийским чемпионом, чтобы сбить плоды с вершины. А сырые деревья, стволы которых опираются на толстые, вылезавшие из земли корни, еще более могучи, еще более высоки.

Из этих стволов получают надежные долбленки — пироги. Они не утратили былой популярности среди рыбаков. За много километров от берега уходят они на своих лодчонках, опасаясь только неожиданного шквала. Иногда на корме укрепляется моторчик, но обычно на пироге ставится парус. Вечером десятки парусов собираются со всех концов горизонта к берегу.

С морем связана вся жизнь города, и без многообразных запахов океана исчез бы неповторимый аромат Конакри. Конакри дышит морем.

ГОРОД И МОРЕ

В Конакри я впервые побывал в 1960 году. Столичный аэродром расположен на берегу моря, вдоль моря идет и дорога от аэропорта к городу.

Я думаю, каждый из нас приезжает в чужую страну с более или менее установившимися представлениями об ее облике, традициях, культуре. Они складываются незаметно из чтения, из рассказов друзей, из увиденных

кинофильмов. Они живучи, и часто мы долго продол- жаем видеть новый мир сквозь призму, которую давно бы пора отбросить.

Опасна банальность ходячих мнений. Среди европей- цев в Африке часто слышишь: «Африка бедна, но го- лодных тут нет — плоды падают с деревьев сами, толь- ко наклоняйся», «Континент первобытный, отсталый, и все здесь примитивно», «Африканцы — прирожденные танцоры, но работать не умеют». От этих ядовитых пошлостей оказываются незащищенными даже люди, в общем хорошо знающие жизнь континента.

Иногда вокруг предрассудков, рожденных слепотой и предубеждением, возникают целые идеологические си- стемы. Мне вспоминается книга, в которой были собра- ны мнения африканских священников о характерах аф- риканцев. Одни из них утверждали, что их соплеменни- кам чуждо рациональное видение мира, который вос- приимается ими чисто эмоционально и поэтически. Другие повторяли, что африканцы не понимают мате- матики и вообще точных наук, что их мышление — мыш- ление художника, а не ученого.

Столкнувшись с подобными мнениями, проще всего отделаться пожатием плеч. Но разве можно забывать, что заблуждения, вращаясь в сознание, становятся силой? Что они способны вызвать взрывы страстей, несущих гибель тысячам и тысячам людей? Определенная пред- взятость была и у меня, когда я впервые приехал в Гви- нею. Правда, она была скорее идеалистического свойст- ва. И потребовалось немало времени, прежде чем я смог смотреть вокруг действительно открытыми глазами.

Уже те 15 километров, что я проехал от аэропорта до города, были для меня великим путешествием. Было душно и жарко. Под кокосовыми пальмами, за широкой листвой банановых деревьев стояли глинобитные круг- лые хижины под серыми конусами крыш. Вдоль дороги шли люди — одни в длинных, до земли, голубых и бе- лых халатах, другие — в пестрых рубахах, в шортах. Глядя по сторонам, я говорил себе: если попросить гви- нейского и нашего школьника нарисовать, как они пред- ставляют себе дом, дерево, одежду, то первый нари- сует эти круглые хижины, пальму, длинные халаты, а другой — многоэтажный дом, ель или березу, пиджак. За самыми обиходными словами здесь, в Гвинею, скры-

палось, видимо, совсем иное конкретное содержание, чем у нас.

Поселился я в гостинице на авеню Нигера. Босоногий старик взял у портье ключи и провел меня на второй этаж. Номер был темен; окно, закрытое деревянными ставнями, почти не пропускало света. И, пожалуй, к счастью. Я только утром следующего дня увидел эти обшарпанные стены, рыжеватую от пыли москитную сетку и, самое удручающее, крупных и очень подвижных тараканов, шевелящихся в углах. Всем своим обликом мой жалкий номер буквально кричал о скаредности владельцев гостиницы. Наверное, не один год минул со времени последнего ремонта, если таковой вообще когда-нибудь проводился.

Впрочем, повторяю, это я разглядел уже утром следующего дня. Тогда же, бросив чемодан, я спустился на улицу и отправился посмотреть город.

Центральный городской рынок оказался прямо перед гостиницей. Позднее мне довелось видеть скромные деревенские базары, где несколько торговков под соломенными навесами часами сидят у мисок с подгнившими помидорами, пышный рынок Зиндера с его розовыми холмами земляного ореха, ночной базар Лагоса, где в мерцании коптилок идет бойкая торговля съестным, тканями, посудой и вообще всем, что может приглянуться страдающему бессонницей покупателю. Но первую встречу с конакрийским рынком я, наверное, никогда не забуду.

Глаза слепило от яркости красок. В плетеных корзинах или навалом на столах лежали лохматые кокосовые орехи, груды колючих ананасов, связки ярко-желтых бананов, похожие на баклажаны лиловато-зеленые авокадо. Какой-то паренек продавал веточки, усыпанные черными, плоскими, как аптечные таблетки, орешками. Он уверял меня, что орешки снимают жажду, и предложил попробовать. Действительно, косточка покрыта кисло-сладкой мякотью, чудесно освежающей рот.

Африканский рынок не так-то просто узнать. Прошло много недель, прежде чем я добрался до торговца, продающего выкованные из меди детские игрушки — мотыжки, шипчики, ножницы, лопаты — все как у взрослых, только размером в три-четыре сантиметра. Не сразу я нашел и прилавок, заваленный сделанными

из ракушек каури ожерельями. Когда-то эти ракушки заменяли почти по всей Африке разменную монету и еще сегодня служат украшением мужчин-танцоров.

Часа два бродил я между рядами, смотря, расспрашивая. Пестрая толпа вокруг спорила, смеялась, улыбалась, переругивалась, торговала и покупала. Потом я узнал, что многих в тропиках оскорбляет, когда приезжие европейцы заглядываются на местную «экзотику». Может быть, считают, что эти рынки — оскорбительная отсталость, что бедность Африки там слишком обнажена? Не знаю. В тот день я не подозревал, что, возможно, задеваю чьи-то чувства, и чистосердечно любовался и пестрой базарной «экзотикой», и жизнерадостной, темпераментной толпой.

Национальное самолюбие... В Тропической Африке, долгое время бесправной и униженной, оно особенно остро. Но как противоречиво! Мне приходилось видеть людей, которые презирали народное искусство. «В Европе наши маски помещают в музеях под рубрикой „первобытное искусство“, — говорили мне. — И оно действительно первобытно. Чем быстрее мы уйдем дальше, тем лучше».

А потом я встречался с людьми, которые готовы были доказывать святость и неприкосновенность самых жестоких обрядов. «Наши традиции нельзя трогать. Разрушая их, мы разрушаем душу народа», — убеждали меня. Одни демонстративно шили себе национальные костюмы, хотя и из европейских синтетических тканей, тогда как другие подчеркнуто одевались по последней европейской моде и даже под палящим солнцем не снимали черных фетровых шляп.

Только очень мудрые да простые люди не стыдятся правды. Крестьянин с гордостью принимает гостя, как бы ни была бедна его хижина и ни оборванны дети. Его сердечность столь же искренна, как гостеприимство традиционно. На дружелюбие он всегда ответит дружелюбием. Он будет обижен, если отвергнут предложенное им пальмовое вино, но как на глупца посмотрит на человека, который спросит, почему в его хижине нет холодильника или телевизора.

Напротив, именно отсутствие холодильников и телевизоров столь смущает иных людей. И они глубоко обижаются, когда посторонний замечает это отсутствие.

Впрочем, я забежал вперед. А в тот день после рынка я отправился бродить по городу, стремясь выйти к океану.

Конакри небольшой и хорошо спланированный город. Его улицы прямые, пересекаются под прямыми углами, и сбиться с пути просто невозможно. К тому же он почти со всех сторон окружен морем, так что, в каком бы направлении я ни пошел, я бы вышел к набережной. И все-таки я полпутал немало, прежде чем увидел синюю полосу океана за частоколом пальм.

Был прилив, волны плескались у парапета, по горизонту медленно полз белоснежный корабль.

В «Отель де Франс», тогда лучшую гостиницу города, я попал в этот день случайно. Просто, идя по набережной, увидел впереди ярко освещенное, из стекла и бетона здание, обнаружил, что это гостиница с рестораном, и вспомнил, что еще не обедал, хотя пора ужинать.

Было около восьми вечера, и в круглом ресторанном зале почти все столики были заняты. Но метрдотель, невысокого роста француз с седыми волосами бобриком, нашел мне свободный стол у громадного, выходящего на море окна. Сразу же подошел официант.

Заказав ужин, я осмотрелся. Вокруг звучала многоязыкая речь. Невдалеке сидели несколько американцев, выглядевших так, словно все они одевались у одного портного, стриглись у одного парикмахера и учились говорить в одном детском саду. За соседним столиком располагалась группа чехов, что-то спокойно обсуждавших между собой. Вошло несколько молодых французов, с шумом разместившихся на креслах у бара. Женщин в зале почти не было видно, чувствовалось, что в своем большинстве присутствующие принадлежат к многочисленному племени «командированных».

Но, оказавшись вместе, эти люди остались взаимно отчужденными. Словно бесконечные государственные границы мира проникли и в этот ресторанный зал, пробежав между столиками. Только приезжие из социалистических стран переговаривались между собой, шутили друг с другом, ели вместе. Французы, англичане, американцы, немцы из ФРГ не замечали друг друга, будто невидимые шлагбаумы, пограничники и таможенники стояли между ними.

Когда позднее я поделился с гвинейскими друзьями своим впечатлением от ресторанного зала «Отель де Франс», они засмеялись. Студент из Парижа Барри объяснил, что Запад, убедившись в провале политики экономической блокады Гвинеи, сейчас меняет тактику и пытается определить, как восстановить свое влияние в стране. Особенно активны американцы, но не теряют времени и англичане и немцы. Десятки различных миссий стучат в двери гвинейских учреждений. И каждая из них боится соперников, остерегается конкурентов.

— Шакалы и пантеры не охотятся вместе, — улыбаясь, закончил Барри.

Глубокой ночью возвращался я в свою гостиницу. Город еще не спал. У колонок с водой стояли группки женщин, вдоль тротуаров мигали огоньки коптилок уличных торговков. Откуда-то издали доносились звуки гитары, пение. В тропиках любят ночь с ее мягкой прохладой, свежестью ветра, любят мерцание тысяч загорающихся повсюду огоньков. Далеко за полночь засыпают здесь города.

Но у меня сил больше не оставалось. Ноги подкашивались. Дремавший на соломенной циновке у входа в гостиницу сторож снял с пояса ключ. Быстро поднялся и по лестнице в свою комнату и через минуту спал.

Раннее утро в Конакри едва ли не лучшее время суток. Влажная от росы листва на деревьях сверкает в лучах молодого солнца. Еще свежо, еще не устали люди, и их движения легки, лица светлы. Улицы оживают мгновенно, заполняясь шумом громких голосов, гулками автомашин, криками бродячих торговцев. Тысячи велосипедистов торопятся на работу — в порт, в лавки, в учреждения. Пройдет час, и, кроме спешащих по своим делам женщин да кучек безработных молодых парней, никого не останется на ставших душными и пыльными улицах.

Проснувшись с первыми лучами солнца и наспех позавтракав, я отправился на поиски моего давнего друга Бубакара Камапа. Мы познакомились в Москве, куда Бубакар приезжал в составе делегации гвинейской молодежи, и часто встречались. Я не предупредил его о своем приезде, не зная, продолжает ли он работать в Конакри или переведен в провинцию. Мне было известно, что последнее время он был в министерстве плани-

рования; там я и надеялся либо встретить его самого, либо узнать, где он сейчас находится.

Но Бубакар увидел меня первым. Я проходил мимо книжного магазина на площади Независимости, когда оттуда стремительно выскочила высокая худая фигура в развевающемся темно-синем халате и бросилась ко мне. Мы обнялись. Оказалось, что, покупая газеты, Бубакар увидел меня через стекло витрины и сначала не поверил своим глазам. Но когда я подошел к витрине и начал рассматривать выставленные книги, он больше не сомневался.

Разговаривая, мы подошли к министерству, где он работал, и условились встретиться вечером.

Наверное, я никогда не узнал бы Конакри, если бы не Камара. О крупном городе более или менее просто собрать статистические сведения, не трудно разобраться в городской планировке, посмотреть достопримечательности, его музеи и театры, изучить историю. И все-таки он будет оставаться чужим, словно окруженным прозрачной, невидимой, но очень прочной стеной, которую невозможно ни обойти, ни перешагнуть. До тех пор, пока не помогут местные друзья.

Бубакар, родившийся в деревне, но выросший в Конакри, получивший здесь образование и начавший самостоятельную жизнь, и был как раз тем человеком, который способен открыть душу города: он был очень тонок, знающ и часто подмечал то, мимо чего равнодушно проходили другие. Вечером, когда мы встретились в баре на пляже, расположенном неподалеку от городского рыбного рынка, он вновь меня обнял и принялся расспрашивать о моих планах.

— Ну, вот и сбылась твоя мечта побывать в Гвинее,— улыбался он.— Кто бы смел подумать еще два года назад, что советский журналист сможет свободно приехать к нам?

Мы оба рассмеялись.

На пляже, в скобках замечу — платном, было пустынно. Кроме нескольких французов, играющих в шары, да двух гвинейцев, сидевших за соседним столиком, — только вездесущие длинноногие белые птицы с длинными клювами. Нам подали ледяной ананасный сок местного производства, и мы принялись за разработку программы моих конакрийских встреч.

Маленькая мама на одной из конакрийских улиц

— Я хочу, чтобы ты побывал у моих друзей, — говорил Бубакар. — Люди это очень разные, и тебе будет интересно. Я уверен, что будет интересно и им. Ты знаешь, белых у нас почти никогда не приглашают в дома, но у русского есть шансы. От русских ожидают широты, которой мы не видели у других европейцев.

Предложение Бубакара не могло меня не обрадовать. Работая в газете, я, естественно, часто читал речи и статьи африканских политических деятелей, и мне было в общем известно, что они говорили о своих странах, как они представляли ход событий. Но что думали в народе? Какие идеи его волновали, что его заботило, радовало или возмущало? Между тем, что находишь в иных речах африканских политических деятелей, и тем, чем насыщена местная жизнь, мне чувствовался иногда глубокий разрыв. Так ли это?

Среди конакрийских официантов не существует обычая бросать свирепые взгляды на посетителей, занимающих полотну столику стаканом ледяного сока. Поэтому мы с Бубакаром пробыли на террасе бара часа два. Было жалко уходить от моря с его свежестью, с его мягким и успокаивающим плеском, нежными палевыми красками. Мы поднялись, когда на горизонте возникли косые паруса лодок. Значит, до заката недолго.

На соседнем рынке в ожидании рыбаков уже собрались женщины.

— Ты знаешь, — объяснял мой друг, — в Конакри есть много рыбаков с Нигера. Жители приморья переселились сюда с гор, моря не знали, и рыбу сюда, на побережье, для них привозили с Нигера. А потом вслед за рыбой сюда перебрались и рыбаки из племени бозо. Они потомственные рыбаки, и некоторые их считают не особым племенем, а кастой народа бамбара.

Мы решили дождаться лодок вместе с женщинами. Ветер дул с моря, и лодки быстро приближались. И вот подошла первая, вторая. К ним бросились ребяташки, помогая усталым отцам и братьям поскорее выгрузить улов. Он тут же на месте делился между семьями. Добыча была скудной, редкая женщина уносила с собой полную корзину.

— Тяжелый, опасный труд, — повернулся ко мне Бубакар. — И неблагодарный. Много ли заработаешь за день? Гроши.

— Так почему же эти парни не меняют занятие? Я понимаю, это трудно для мужчин постарше. Но молодежь?

— Они — как поезд на рельсах. До стрелки не свернешь с пути. Ты думаешь, в Конакри было легко найти работу? Отнюдь нет. Вот они и держатся за дело своих отцов. Может быть, теперь и у рыбаков появится «стрелка» в жизни — возможность выбора? — спрашивал сам себя мой друг. — Пока говорить об этом рано.

Он проводил меня до гостиницы: «Зайду в воскресенье утром. Жди»

Ранним утром в воскресенье под моим окном раздавался автомобильный вопль. Через мгновение он повторился. Выглянув, я увидел черную, весьма потреланную автомашину, в которой, судя по ее внешнему виду, только гудок и сохранил свою молодость. Рядом с машиной стоял Бубакар.

Опасаясь, что машина взрвет в третий раз, я спустился, прыгая через ступеньки. Бубакар ждал меня с приятелем, молодым парнем по имени Дауди.

— Он работает на почте, как когда-то наш президент, — шутя представил его Бубакар. — Подождем, не сделает ли и он столь же блестящую карьеру.

Не знаю, какое будущее ожидало Дауди. Но тогда жил он в скромном домике на узкой незамощенной улице. По двору бегали куры, неумоимо копаясь в сухой пыли, здесь же росли две папайи, банановое дерево. В тени играли голопузые ребятишки. Их было очень много, и я недоуменно посмотрел на совсем молодого Дауди.

— Со мной живут мои братья, — пояснил он. — Пока что им трудно найти работу, и они пользуются моим гостеприимством.

Когда я вошел в дом, то увидел, что у Дауди жили не только его братья, но и сестры, их мужья, жены братьев, их дети. Отдельную комнату занимал лишь его отец, все остальные сгрудились в трех небольших клетушках с узкими окнами без стекол.

Пока Дауди хлопотал, расставляя на столе бутылки с лимонадом, стаканы и тарелки, я шепотом спросил у Бубакара, как умудряется его друг прокормить на свою скромную зарплату эту толпу людей.

— Что поделаешь, обычай. Иначе жить нельзя.

Так впервые я столкнулся с одной из сложнейших проблем сегодняшней Африки. Это острое чувство родственной близости, эта убежденность в необходимости родственной взаимопомощи на сухом жаргоне социологов-африканистов называется «почвой семейного паразитизма».

В доме Дауди я увидел одну сторону проблемы — человек «при должности» помогал своим родным перебиться в тяжелое для них время. Это выглядело в высшей степени человечно, даже благородно.

Но есть и другая сторона, которая мне стала понятна позднее. Чиновник, сумевший сделать карьеру, будет использовать все свое влияние, чтобы пристроить на доходные места своих сородичей. К этому его обязывают нормы традиционной морали и подстегивает желание освободиться в конце концов от кучи нахлебников. Страдает дело? В ответ чиновник только пожмет плечами.

Другой пример — развертывающий бизнес предприниматель. Этот пристроит часть сородичей в собственной лавке или мастерской и будет выжимать из них все силы. Но те, кто останутся «за бортом», будут съедать все его доходы. У предпринимателя останется не слишком много шансов поднять свое дело.

Не нужно обладать фантазией, чтобы представить, какой громадный вред причиняют государственному аппарату тысячи обремененных «свитой» сородичей, как эти же толпы нищих родственников тормозят становление национальной буржуазии. Какому реформатору окажется по плечу эта громадная проблема? Может быть, только времени...

У Дауди мы пробыли около двух часов. Меня познакомили с его отцом — худым, высоким стариком с морщинистым лицом. Этот старик был полным хозяином в доме, и к его тихому голосу прислушивались все, от мала до велика. Он посмотрел на меня внимательно, пронизывающе, сказал несколько любезных слов, и аудиенция была закончена. Мы вышли из его комнаты, при всей ее бедности самой уютной в доме.

Как-то раз Бубакар заехал за мной днем.

— Поедем в архив. Там нас ждут,— предложил он мне. Я, конечно же, согласился.

Оказалось, что архив находится рядом с Институтом документации и исследований на берегу океана. С некоторым недоумением остановился я у низкого, барачного типа здания, где, по словам Бубакара, был архив. В его узкой тени примостился седой негр и на примитивном ткацком станке ткал длинную белую ленту. Потом эта лента будет разрезана на куски, куски шиты по всей длине, так что получится пригодная для изготовления халата широкая ткань. Ткач кивнул нам головой — проходите, мол. Видимо, по совместительству он исполнял и обязанности сторожа-швейцара.

В небольшой, заставленной столами комнате, куда мы вошли, царил полумрак. Повсюду груды старых брошюр, запыленные папки, пухлые газетные подшивки. Нам навстречу поднялся уже немолодой человек в темном костюме.

— Мариус Синкун,— представился он.

Бубакар назвал меня.

— Мне нечем особенно похвастаться,— говорил Синкун.— Вы сами видите, в каком здании мы работаем. В дожди крыша протекает, сырость портит документы. К тому же перед своим уходом в 1958 году французы уничтожили значительную часть архивов. Я помню, как бумаги плавали в волнах этого заливишка,— и он махнул рукой в сторону окна, за которым виднелась небольшая бухта.

На мою просьбу разрешить осмотреть здание Синкун охотно согласился и пригласил Бубакара и меня пройти вперед.

Длинный зал был целиком заставлен стеллажами, на которых были видны зеленоватые корешки папок, на столах лежали пропыленные, пожелтевшие газеты. Я просмотрел газеты. Среди них были и местные издания, и публикации из Дакара, Абиджана, Катону, Бамако. Многие я видел впервые.

— Вот первый номер газеты «Гвинейский маяк»,— обратился ко мне Синкун, протягивая листки жесткой, грубой бумаги.— Эта газета была первым периодиче-

ским изданием Демократической партии Гвинеи и печаталась на ротаторе.

Я взял в руки газету. На серой бумаге с трудом можно было прочитать тусклые, кривые строчки. Больших статей в номере не было, только короткие заметки, напечатанные машинисткой через один интервал. Тираж газеты, видимо, не превышал нескольких сот экземпляров.

— А это,— продолжал Синкун,— газета профсоюзов «Рабочий».

И он протянул мне опять-таки отпечатанный на ротаторе номер. Бумага была такой же, как и у «Гвинейского маяка»,— грубой, желтовато-серой.

Скромный ротатор самых примитивных моделей сыграл исключительную роль в политическом пробуждении Африки. Конечно, в африканских странах были и типографии, часто очень неплохие, но они были недоступны для демократических организаций. Дело не во враждебности хозяев типографий, хотя и это имело свое значение, а в цене их услуг. Только крупные газетные тресты Европы да колониальные власти иногда решали начать выпуск газеты в той либо другой африканской стране, главным образом для живущих там европейцев. Местной интеллигенции, даже местным предпринимателям эта операция долгое время была не под силу.

В Гане, когда эта страна еще называлась Золотым Берегом, первые газеты писались от руки. Я не знаю их тиража, но думаю, что в лучшем случае издатели умудрялись выпустить десяток-другой копий одного и того же номера. Во французских колониях именно ротатор произвел подлинную демократизацию местной печати, дав возможность организациям выпускать газету.

И после второй мировой войны начинают выходить десятки газет. Они издаются молодежными ассоциациями, объединениями бывших фронтовиков, мелкими и большими профсоюзами, возникающими партиями. Ведь для выпуска нужны лишь пишущая машинка, краска, бумага да дешевенький, обычно подержанный ротатор. Конечно, с его помощью невозможно добиться больших тиражей, но это не столь важно в странах, где умеет читать ничтожное меньшинство.

Газета предназначалась тогда прежде всего для тех, кто создавал общественное мнение,— учителей, чиновников, конторских служащих, получивших элементар-

ное образование солдат. Пересказывают прочитанные статьи, они распространяли влияние на первый взгляд жалких листков на широчайшие массы. Поэтому для того, чтобы представить подлинный размах газетного поздействия в странах Тропической Африки, цифру тиража нужно умножить на число тех, с кем делились ее содержанием первые читатели.

У колониальных властей Конакри «Гвинейский маяк» вызывал, видимо, серьезные опасения. С газетой расправились с помощью многих судебных процессов и колоссальных штрафов. Столь же несчастливо сложилась судьба и преемника «Гвинейского маяка» — газеты «Удар бамбуком». Она также была вынуждена закрыться после нескольких судебных процессов.

С моей просьбой разрешить поработать в архиве Синкун охотно согласился. Мы договорились, что я буду приезжать по утрам, когда Синкун сравнительно свободен. А он поможет мне разыскать интересующие меня материалы. Без проводника было бы невозможно найти дорогу среди архивных завалов.

С этого дня я стал регулярным посетителем архивов. Каждое утро пораньше, до большой жары, я приходил к Синкуну, здоровался со стариком-сторожем, который никак не мог закончить своей бесконечной ленты, занимал свое место в углу и погружался в бумаги.

Меня особенно интересовали послевоенные годы. Это было время рождения первых профсоюзов, первых политических партий. Вся интеллектуальная жизнь страны тогда концентрировалась в Конакри, и я надеялся, что из местных газет мне удастся выяснить, как появлялись ростки национального движения. Гвинея даже среди других французских колоний считалась одной из самых бедных, самых экономически отсталых. Почему же эта страна вдруг оказалась в политическом авангарде всей Африки?

Очень скоро мне стали привычными названия первых политических организаций вроде Союза Манде, Землячества Жильбера Вьейяра, Союза Лесной Гвинеи и др. Их насчитывалось свыше десятка — этих групп и группочек, объединявших по несколько человек или из одной области, или из одного племени, а иногда и из одной деревни. Лидеры этих «землячеств» хорошо знали друг друга и ревниво наблюдали, не становится ли кто из них

влиятельнее, авторитетнее остальных. На этой почве личного соперничества в крошечных организациях иногда возникали весьма шумные распри.

Какие идеи двигали этими людьми? Когда между ними вспыхивали раздоры, они не скупались на громкие слова во взаимных обвинениях. Но, в сущности, большинство из них думали об одном и том же — как облегчить участь родного народа. Тогда еще никто в Гвинее не говорил о независимости страны, но много спорили о том, какими должны быть отношения с Францией, о праве гвинейского народа на самоопределение. Пожалуй, главной была идея равноправия африканских и французского народов, и только десять лет спустя из этой идеи возникнет требование полной независимости.

В сознании политических деятелей резко сталкивались два принципа — верности своему племени и служения всему народу. Как-то раз я спросил у Синкуна, чем он объясняет этот внутренний конфликт. Его ответ, как мне кажется, довольно хорошо раскрывал сущность противоречия.

— Видите ли, — говорил Синкун, — первые политические союзы, по сути дела, не имели своей организации. Они не имели уставов, твердо установленного членства, какой-либо структуры. Поэтому их лидеры были просто вынуждены опираться на традиционные в наших краях формы организации — племенную и клановую солидарность, власть вождей и старейшин, молодежные ассоциации. Иначе они не могли надеяться, что их влияние выйдет за пределы Конакри.

— Но разве они не понимали, что подобные союзы в отдельности будут беспомощны?

— Конечно, понимали, но в своем большинстве они надеялись, что договорятся между собой о единстве действий, чтобы общий фронт всех мелких групп стал реальной силой. Так, они пытались примирить и свою преданность племенным интересам, и свое общенациональное патриотическое чувство. В те годы Гвинея знала множество подобных верхушечных блоков.

Если я верно понял Синкуна, политические деятели страны не могли не оставаться пленниками племенной системы, пока не появилась современного типа полигическая организация, охватывающая всю страну; одна-

ко долгое время никто в Конакри отчетливо не сознавал необходимости строить политическую деятельность не на племенных, а на современных основах. При своем возникновении летом 1947 года Демократическая партия Гвинеи также была всего лишь верхушечным блоком лидеров. Потребовалось несколько лет, чтобы исторический опыт подсказал важность создания общенациональной, имеющей свои ячейки по всей стране партии.

На первых порах молодая партия была крайне слаба. Ее генеральным секретарем стал начинающий этнограф, сотрудник конакрийского отделения Французского института Черной Африки Мадейра Кейта, раньше возглавлявший Прогрессивную партию Гвинеи. Он часто совершал поездки по стране, выступал с беседами перед населением. Кое-где возникали ячейки партии. Но и сам Мадейра Кейта и другие активисты движения сразу же столкнулись с грозной силой — колониальной администрацией.

Когда я читал на страницах «Гвинейского маяка» яростные диатрибы против колониальных властей, против самоуправства отдельных чиновников колониального аппарата, то вспоминал легенду о Давиде и Голиафе. В распоряжении губернатора Гвинеи были жандармерия, армия, мощные финансовые средства, печать и радио, административная власть. Что касается партии, то ее средства ограничивались несколькими страничками газеты. Казалось, стоит губернатору шевельнуть пальцем — и молодая организация окажется буквально раздавленной. Но этого не произошло, как власти ни старались.

Какие же средства пустили в ход власти против новой партии? Прежде всего административные перемещения. Дело в том, что в руководстве Демократической партии Гвинеи было много служащих колониальных учреждений, и администрация рассчитывала обезглавить движение, отправив его лидеров в глубинку или на другие территории. Секу Туре, тогда выдвигавшегося на первый план в политической жизни страны, попытались перевести на работу в Нигер. Многих назначили в глухие провинциальные центры, подальше от бурлящего Конакри.

Конечно, использовались и другие методы. Диатри-

мер, в Нзерекоре, центре области Лесная Гвинея, был подожжен дом, где размещалась ячейка Демократической партии Гвинеи. Полицейское следствие было непродолжительным, несколько человек были задержаны немедленно. Это были... активисты партии.

Пожар в Нзерекоре был гвинейским «пожаром рейхстага». В Лесной области влияние Демократической партии поддерживалось гвинейцами, вернувшимися с соседней территории — Берега Слоновой Кости, где действовала братская гвинейская партия. Эти гвинейцы активно участвовали в ее работе, проникались ее идеями и по возвращении на родину оказались в глазах администрации «сеятелями беспорядков». С помощью пожара власти явно надеялись покончить с их деятельностью, полностью разгромить партию в области. Несмотря на бурные протесты общественности страны, обвиненные в поджоге активисты были осуждены.

Но особые усилия администрация приложила к тому, чтобы расколоть Демократическую партию Гвинеи на этнические группировки. В конечном счете она добилась успеха. Мало кто из первоначальных организаторов партии остался в ее рядах к 1950 году. Из партии вышли все без исключения этнические союзы, которые в 1947 году объединились вокруг ее программы. Лишь кучка энтузиастов продолжала дело с самоотверженностью, которую не могли сломить никакие репрессии.

И в тот момент, когда казалось, что еще один натиск администрации — и с партией будет совершенно покончено, она вдруг обнаружила неожиданные признаки силы. Сами поражения стали для ее лидеров источником успеха. Вынужденное раньше опираться на этнические группировки, вынужденное считаться с их претензиями, руководство ДПГ, не создавшее собственной партийной организации, теперь к этому делу приступило. Повсюду активисты ДПГ разоблачали продажных лидеров этнических ассоциаций, образовывали партийные ячейки.

... Мариус Синкун, с которым я часто разговаривал о событиях тех лет, порекомендовал мне познакомиться с профсоюзным движением.

— Вы не поймете ДПГ, если не обратите внимание на профсоюзы, — не раз говорил он. И я последовал его совету.

Синкун подсказал мне и наилучший источник — издававшуюся в Дакаре еженедельную газету «Ревей», или «Пробуждение». На ее страницах мне встречались первые выступления в печати нынешнего президента Гвинейской Республики Ахмеда Секу Туре, председателя Национального собрания республики Сайфулая Диалло и многих других, в те годы учителей, почтовых служащих, фельдшеров, а сегодня видных государственных деятелей. Читая газету, было интересно наблюдать, как от статьи к статье росли люди, становились точнее их оценки событий, глубже понимание закономерностей колониального мира.

Давние газеты часто бывают увлекательнее самого блестящего приключенческого романа. Вот мелькнула первая заметка о каком-то событии, она чисто информационно сообщает о факте. Иногда это событие не имеет продолжения, но обычно уже через несколько номеров газета вновь обращается к затронутой теме, показывает ее в каком-то развитии. Если речь идет о действительно важном явлении, на газетных страницах вспыхивает полемика, сталкиваются различные точки зрения. Наконец, наступает развязка — забастовка закончилась, завершились сложные переговоры, принят важный законопроект, и газета переходит к новым событиям, ищет новые факты.

Копаясь в подшивке «Ревей» за 1947 год, я сразу же столкнулся с интереснейшими сообщениями о конфликте на железных дорогах Французской Западной Африки. Железнодорожники-африканцы требовали приравнения их зарплаты, отпусков, пособий к уровню европейцев. Для администрации железных дорог удовлетворение этой претензии означало бы резкое увеличение фонда заработной платы, и она решительно отказывала африканцам. Шли переговоры, встречались представители администрации и профсоюзов — все безрезультатно. И тогда железнодорожники предъявили ультиматум — либо удовлетворяются их требования, либо забастовка.

В полночь с 18 на 19 октября 1947 года поезда остановились по всей Западной Африке. Организаторов забастовки больше всего беспокоила возможность провокаций, и они разослали всем профсоюзным ячейкам специальную инструкцию, в которой рекомендовали тща-

тельно наблюдать за сохранностью паровозного и вагонного парка, за состоянием путевого хозяйства, избегать открытых столкновений со штрейкбрехерами. Опасения не были напрасными, — провокаций, иной раз самого гнусного характера, было немало.

В Гвинее власти освободили некоторых заключенных, согласившихся начать работу на железной дороге. О профессиональной подготовке этих людей, естественно, не расспрашивали. И произошла катастрофа — с рельсов сошел поезд.

Началось расследование. Был арестован машинист-штрейкбрехер. А потом колониальная печать стала распускать слухи, что подлинными виновниками несчастья были забастовщики. Власти арестовали двух ответственных работников гвинейского профсоюза железнодорожников и предъявили им обвинение в подготовке крушения. Кампания клеветы против профсоюзов достигла своей наивысшей точки.

Но забастовка продолжалась и тянулась без малого шесть месяцев. Шесть месяцев лишений, голода, усиливающейся нужды... Она прекратилась только в конце марта победой железнодорожников.

Чем жили рабочие все эти бесконечные шесть месяцев? Чем они кормили своих детей, из каких средств находили деньги на одежду, оплату жилья? Эти вопросы первоначально поставили меня в полный тупик. Но потом я вспомнил встречу с Дауди, свое посещение его семьи, и кое-что мне стало яснее. Действительно, если бы не существовало в Тропической Африке системы клановой взаимопомощи, то, конечно, железнодорожники не продержались бы так долго.

И еще одно обстоятельство привлекло мое внимание. Пригороды Конакри усеяны небольшими огородиками, где женщины выращивают помидоры, салат, ананасы, идущие на рынок. В обычное время доход от этих «плантаций» служит скромным подспорьем в бюджете семьи, но в дни забастовок — иное дело. Тогда эти мелкие огороды поддерживали всю семью. Так еще не забытые рабочим классом навыки сельского быта поддерживали его в часы столкновений с колониальными властями.

Знакомясь по совету Синкуна с профсоюзным движением Гвиней, я увидел, как богата история страны напряженными классовыми боями. Именно опираясь на

рабочие союзы, сумела Демократическая партия в конце концов создать современную организацию, охватившую всю страну.

Сейчас не редкость встретить даже в весьма ученых трудах слова о молодости, о незрелости африканского пролетариата. Часто говорят, что его сознание еще остается в плену идей и представлений, принесенных им с собой из деревни. Обычно, когда я слышу или читаю подобные высказывания, я вспоминаю о поистине героических забастовках гвинейских рабочих. Стачка железнодорожников не была единственной. В начале 50-х годов страну периодически сотрясали забастовки, некоторые были всеобщими. И Гвинея не исключение. История Сенегала, например, не менее богата острыми классовыми столкновениями. Как это совместить с упреками рабочего класса в незрелости?

В этих упреках заключается только часть правды. Нельзя оспаривать утверждение о молодости африканского пролетариата, о силе в его среде традиций, унаследованных у крестьянства — этого отца всех классов африканского общества. Но почему забывать о том положительном, что есть в этих традициях? Может быть, именно они делают такой прочной объединяющую рабочих солидарность. В Гане, например, большинство забастовок начиналось, когда администрация предприятия пыталась уволить кого-нибудь из рабочих. Эти стачки были крайне упорными и часто завершались успехом.

Западная Африка знала и политические забастовки, знала выступления рабочего класса за цели, волнующие весь народ. Я думаю, если бы не эта борьба, еще долго Африканский континент оставался бы за колючей проволокой колониализма. И, конечно, не была бы независимой Гвинея, обязанная профсоюзам своим освобождением.

Этими наблюдениями я делился со своими гвинейскими друзьями. Особенно часто мы говорили с Бубакаром, который не прекращал своего «шефства» надо мной. Он соглашался с моими выводами, а если говорить точнее — для него в моих наблюдениях не было ничего нового. Иногда, по-моему, ему казалась даже чуть-чуть забавной горячность, с которой я принимался ему доказывать, как молодость гвинейского рабочего класса при определенных обстоятельствах оборачива-

лась его силой. Как участник нескольких забастовок, он прекрасно представлял себе и силу и слабость местного профсоюзного движения.

— Только не впадай в преувеличение,— остерегал он меня. — Не забывай, что если профсоюзы помогли партии выжить, то победу ей принесло крестьянство. А работать в деревне было много труднее, чем в городах. Рабочий класс, в сущности, концентрировался в Конакри, поэтому его легко было сплотить. Крестьянство же рассеяно по тысячам деревень.

Сейчас я не припомню, кто именно познакомил меня с французским коммунистом и ученым Жаном Сюрэ-Каналем. Этот на редкость динамичный, целиком увлеченный своими историческими исследованиями человек работал в то время преподавателем в лицее Донка на окраине Конакри, а также в Институте документации и исследований, что находился рядом с архивом. В его кабинете на третьем этаже института мы и встретились впервые. Позднее я бывал и на его скромной вилле рядом с лицеем, где познакомился с его женой — сотрудницей министерства информации и туризма.

Сюрэ-Каналь — географ по образованию. Он с гордостью показывал мне оттиски своих первых, сделанных еще во Франции работ. В первые послевоенные годы он работал преподавателем в Дакаре, где сотрудничал в газете «Ревей». Становление национально-освободительного движения происходило на его глазах, и широкий поток народной борьбы увлек молодого ученого. Он начал тщательно изучать социальную структуру народов Тропической Африки, их историю. За последние годы он опубликовал несколько блестящих исследований и исторического и социологического характера.

Тогда Сюрэ-Каналь с головой был погружен в подготовку своих капитальных работ. Меня поражало и его умение выкроить время на научные исследования, и его неутомимость, которую я мог объяснить исключительно увлеченностью. Он хорошо знал гвинейскую деревню и первым приоткрыл секрет успеха среди крестьян идей Демократической партии Гвинеи.

— Эту партию противники в насмешку называли партией мальчишек и женщин, — как-то заметил он. — Доля правды здесь есть.

Широкими мазками обрисовал Сюрэ-Каналь жизнь

гвинейской деревни. Я увидел портреты кантональных старшин, окруженных «дворами» прихлебателей — слуг, полицейских, грио — певцов, знахарей. Старшины были полными хозяевами в своих волостях — кантонах, и крестьяне несли по отношению к ним множество мелких и крупных повинностей. Сюрэ-Каналь рассказал о положении молодежи и женщин — наиболее угнетенной прослойки африканской деревни. Он вспомнил о власти стариков, жестоко эксплуатирующих труд молодежи и женщин.

— Партии удалось привлечь на свою сторону всех недовольных среди крестьянства. Пожалуй, молодежь и женщины были особенно активны, — закончил разговор Жан Сюрэ-Каналь.

Независимость пришла в Гвинею в сентябре 1958 года, и в общем неожиданно. По газетам того времени видно, как менялось настроение страны. Тревога майских дней, когда крайняя реакция подняла мятеж в Алжире, когда в Париже пало правительство, сменилась напряженным ожиданием после прихода к власти генерала де Голля. Вскоре пошли разговоры о том, что генералом разрабатывается проект новой конституции для Франции и ее колоний. По мере того как из Парижа приходили все новые слухи о характере проекта, в Конакри начались дискуссии о будущем страны.

История любого народа изобилует крутыми, зачастую неожиданными поворотами. Весной 1958 года на пороге резкого поворота находилась Гвинея. Народ этой бедной и небольшой страны был готов не спешить с требованиями независимости ради сохранения единства с другими французскими колониями. Лидер гвинейцев Ахмед Секу Туре утверждал в то время, что ждет от новой конституции признания полного равенства прав африканских и французского народов, а также сохранения теснейшей федерации всех африканских колоний Франции. При выполнении этих условий он готов был призвать свой народ к голосованию за проект новой конституции. Потянулись дни тягостного ожидания — какой будет реакция Парижа на эти требования Конакри.

Париж не пошел на уступки. Он предпочел скорее предложить африканским странам, не согласным с его конституционным проектом, независимость, чем признать их равноправие с Францией в составе будущего

Французского Союза. Это был жест высокомерный, но смелый. Для разъяснения своей позиции генерал де Голль предпринял поездку в Африку, прибыл он и в Конакри. Здесь он вновь подтвердил, что народам, которые проголосуют против его проекта, будет предоставлена независимость.

Выбор, вставший перед лидерами Гвинеи, был очень сложен, очень труден. Все последние годы Секу Туре выступал за сохранение единства федерации Французской Западной Африки, подчеркивал слабость разобщенных территорий, их экономическую и политическую нежизнеспособность. Если бы Гвинея оказалась единственной страной, отвергнувшей конституцию, она автоматически была бы исключена из этой федерации, была бы скомпрометирована одна из важнейших политических задач Демократической партии Гвинеи. Кроме того, как были убеждены многие в Конакри, изолированная от других африканских стран, Гвинея встретила бы неисчислимы трудности на пути экономического и социального развития.

С другой стороны, мириться с новой конституцией в Конакри также не могли, ибо она закрепляла подчиненное, порабощенное положение африканских народов. Возникшая дилемма была мучительна, и только после многих сомнений, после длительных переговоров с политическими лидерами других африканских стран Секу Туре принял решение. Оно было одобрено на чрезвычайной конференции Демократической партии Гвинеи всего за несколько дней до предстоящего референдума. Гвинея решила отвергнуть французскую конституцию.

Мариус Синкун рассказывал, с каким напряжением в Конакри ожидали результатов народного волеизъявления. У активистов было так мало времени в распоряжении, что даже в столице не везде были сорваны про-французские плакаты, изображающие слона — эмблему ДПГ, — несущего лотарингский крест — эмблему де Голля. В самую последнюю минуту были распространены новые плакаты со слонем, трубящим «нет».

Несмотря на это, страна поистине единодушно поддержала решение партии. К концу дня 28 сентября стало ясно, что абсолютное большинство народа высказывается за независимость. В атмосфере всеобщего ликования были объявлены итоги референдума.

Генерал Шарль де Голль сдержал слово. 2 октября 1958 года, через четыре дня после референдума, Гвинея провозгласила себя республикой. Ее первым президентом стал Ахмед Секу Туре.

КОНАКРИ И КИНДИЯ

Прошло несколько лет, прежде чем я снова приехал в Конакри.

На первый взгляд, город изменился мало. Я узнал гигантское хлопковое дерево, закрывающее своей тенью чуть ли не всю площадь у порта. По утрам через перешийек из предместий лился в город поток торопящихся на работу велосипедистов. У кинотеатра на центральной улице мальчишки по-прежнему торговали сигаретами и жевательной резинкой.

На этот раз я встречался с Конакри как со старым знакомым, но тем заметнее мне были и перемены. В центре столицы закрылись французские лавки и рестораны — и магазинные витрины были затянуты стальными шторами. На зданиях, где раньше размещались отделения крупнейших французских банков, появились вывески различных гвинейских учреждений. В окнах единственного в Конакри книжного магазина больше не было видно пестрых обложек французских журналов и книг. Продавалась лишь местная газета «Хоройя» («Свобода»).

Столица словно стерла с лица яркий колониалистский грим, ее лицо посуровело и возмужало.

Легче ли стало жить людям? Конечно, да. Уменьшилась армия безработных, рассосавшихся по многочисленным стройкам и в Конакри, и в провинциальных центрах. Детям из рабочих и крестьянских семей теперь было проще получить начальное и даже среднее образование. В деревнях крестьянство вздохнуло свободнее после ликвидации прослойки кантональных старшин. Народ почувствовал, что в Конакри — его власть, считающаяся с его интересами и думающая, как улучшить его положение.

Но и трудности, возникшие после достижения страной независимости, были серьезны. Многие из них Гвинея почувствовала сразу, как только страну по приказу из Парижа оставили почти все иностранные специали-

сты. Квалифицированной замены не было, и, конечно, массовый выезд врачей, администраторов, учителей, инженеров существенно сказался на гвинейской экономике, на дееспособности государственного аппарата. Возникшие «пустоты» пришлось затыкать чем придется, и, наверное, ущерб был бы еще больше, если бы из других африканских стран не откликнулись знающие свое дело люди.

Крестьяне построили в деревнях школы, но для них не было учителей. В новых диспансерах кое-где обосновывались дряхлые знахари. Директорами торговых фирм приходилось назначать людей, только что закончивших школу. Если бы не закаленный годами борьбы партийный аппарат, поддержавший своим плечом государственную машину, она могла бы развалиться уже в первые месяцы испытаний.

Когда я был в Гвинее впервые, она преодолевала еще начальные трудности независимости. Теперь, как я увидел, перед страной возникли новые, еще более сложные проблемы.

В министерстве планирования меня принял один из его ведущих сотрудников. В прежние времена он был учителем, и экономика была для него новым делом. Однако сложные дилеммы гвинейского народного хозяйства он представлял довольно-таки точно. Говорил он чуть суховатым, продолжая, видно, где-то в глубине души чувствовать себя преподавателем, оказавшимся в очень большом классе.

Я спросил у него, чем объясняются перебои в снабжении Конакри товарами первой необходимости: мясом, рисом, сахаром, маслом.

— Причин довольно много. Можно назвать и недочеты в деятельности торговых органов, и финансовые трудности. Но, может быть, главная заключается в том, что наши границы открыты.

Мой собеседник напомнил, как по решению правительства были резко снижены цены на сахар, рис. Эта мера была продиктована желанием облегчить положение трудящихся. А что получилось? Из соседних территорий стаями хлынули в Гвинею торговцы, скупили все запасы товаров, на которые были снижены цены, и вывезли их за границу. Там все было перепродано с большой выгодой для спекулянтов.

— Контрабанда подрывает всю нашу экономику. — говорил мой собеседник. — Долгие годы Гвинея была частью более широкой экономической зоны — бывшей Французской Западной Африки. Там существовала единая валюта, единая система цен, между отдельными районами зоны действовали довольно прочные торговые связи. Когда Гвинея стала независимой, оказалась вынуждена строить обособленную экономику, эти давние торговые связи начали работать против нас. Спекулянтам было выгодно играть на различиях цен, складывающихся у нас в стране и в соседних территориях, они извлекали доходы также из разницы в курсах национальной гвинейской валюты и валюты соседних стран.

— Какие меры предпринимаются, чтобы покончить с контрабандой? — был мой второй вопрос.

Я услышал об усилении охраны границ, о введении законов, сурово карающих за контрабанду. Партия широко привлекает население к этой кампании, что дало положительные результаты. Но границы страны очень протяженны, часто проходят по малонаселенным и труднодоступным районам, так что вопрос еще далек от окончательного решения.

— Как осуществляется планирование? Какие проблемы возникают в этом деле?

В ответ мне пришлось выслушать короткую и весьма интересную лекцию. Мой собеседник начал следующими словами:

— Когда Гвинея стала независимой, а в особенности после создания в марте 1960 года национальной валюты, в стране прекратили деятельность все иностранные торговые фирмы и многие промышленные предприятия. Получилось так, что государство было вынуждено, несмотря на слабость своего аппарата, взять на себя руководство всей хозяйственной жизнью страны — торговлей, банковским делом, частью промышленности. Это было очень и очень трудно, в особенности из-за зависимости нашей экономики от импорта. Все, до последней мелочи, государству приходилось закупать самому, самому распределять по стране, самому продавать.

Я внимательно слушал плановика. Если я правильно его понял, самая сложная проблема заключалась в том, что перестали действовать стихийные экономические про-

цессы в снабжении и перераспределении товаров между районами, теперь нормальная экономическая жизнь страны и населения зависела от качества работы государственного аппарата. Малейший просчет какогонибудь мелкого чиновника — и с рынка исчезали те или иные товары, те или иные продукты. Теперь государство, а не стихийные частные капиталовложения, определяло также становление промышленности, развитие торговой сети. Нагрузка временами оказывалась непосильной для государственной машины.

— Без преувеличения можно сказать, — говорил мой собеседник, — что без планово осуществляемой помощи социалистических стран, Советского Союза мы оказались бы в невыносимо тяжелом положении. Эта помощь позволяла нам заткнуть многие бреши в нашей экономике, больше того, двигаться вперед.

Наша беседа закончилась. Откровенно говоря, она оставила у меня двойственное впечатление. Теперь я лучше понимал, почему накануне независимости Ахмед Секу Туре с такой страстностью добивался сохранения органического единства всех французских колоний в Африке, почему он мечтал об их совместном вступлении в независимость. Раздробленность Западной Африки на полтора десятка мелких и очень мелких государств подрывала саму ее способность к самостоятельному экономическому развитию. Насколько легче было бы сегодня Гвинее, если бы на первых порах она оказалась в Западной Африке не одна.

И в то же время я восхищался смелостью, даже дерзостью, с какой гвинейцы искали и в общем находили выход из возникающих тупиков. Там, где сохранялась эта возможность, они использовали и экономический потенциал западных держав, но основную ставку делали на собственные силы. В частности, благодаря этому они смогли полностью реализовать помощь социалистических стран.

Выйдя из министерства планирования, я решил пройтись по Конакри. Было около четырех часов пополудни, в это время жара начинает спадать и расстояния больше не кажутся страшными. Миновав католический собор, пройдя мимо столов торговцев «сувенирами», я оказался наконец на рынке, а затем, на авеню дю Нижер. Здесь начало дороги, связывающей центр столицы с пригоро-

дами, и потому можно было надеяться на попутное такси. Действительно, не прождав и пяти минут, я увидел приближающуюся «Волгу», окрашенную в непривычный для глаза желтый цвет. Заметив мои лихорадочные сигналы, шофер остановил машину, и я присоединился к сидевшим там трем пассажирам.

Это были студенты лицея в Донка. Узнав, что я москвич, они засыпали меня вопросами о Советском Союзе. Из лицейстов многие уезжали в Москву для продолжения учебы, поэтому интерес попутчиков ко мне был самого практического свойства — каков климат, где живут студенты-африканцы, труден ли русский язык. Со своей стороны, я расспрашивал, довольны ли в Донка советскими преподавателями.

Сидевшая рядом со мной девушка в пестром платье и голубой прозрачной косынке на голове утвердительно кивнула:

— Они симпатичные. Очень хорошо все объясняют, терпеливо, не спеша. В лицее много учеников с разной подготовкой — послабее и посильнее. Ваши учителя пытаются найти подход к каждому.

— Ну, а что вам не нравится? Только откровенно.

Мои попутчики переглянулись. Потом чуть смущенно девушка сказала, что, может быть, учителя бывают слишком замкнуты, редко бывают в семьях учеников и приглашают к себе. Ее сосед негромко добавил, что они плохо знают местные традиции, местную культуру, и тут же, словно извиняясь:

— Но ребята они очень хорошие.

Такси продолжало путь в Донка, я же вышел у ресторана в Камайен, где в баре мне была назначена встреча. Дело в том, что я планировал поездку в глубь страны, возможно до Канкана — крупного города в Верхней Гвинее, а это требовало довольно сложной подготовки.

Вообще в большинстве африканских стран поездки во внутренние районы остаются нелегким делом. Шоссе-ные дороги обычно плохи и их мало. Железнодорожный транспорт развит слабо. Правда, многие областные центры, как правило, связаны между собой авиалиниями, но это страшно дорого, а кроме того, рейсы редки — самолет в неделю в лучшем случае. Лучшим выходом остается приятель с собственной автомашиной, со-

бирающийся повидать своих родственников или друзей в провинции.

Такой приятель и должен был ждать меня в Камайен.

Его звали Мамаду Конате. Отец Мамаду, если не ошибаюсь, был ювелиром в Канкане, а сын недавно приехал на каникулы из Парижа, где изучал право. Веселый, молодой, элегантно одетый парень, он чуть свысока поглядывал на своих менее удачливых соотечественников. Пребывание в Париже явно наполнило его сознанием собственной важности, и, если бы не молдость и в общем добродушный нрав, он вряд ли был бы идеальным попутчиком.

Когда я пришел в бар, Мамаду уже сидел у стойки, потягивая виски. Видно, несколько лет в Париже и в этом отношении оставили свой след, — гвинейцы в большинстве мусульмане и с презрением относятся к тем в своей среде, кто пьет спиртное. Впрочем, и Мамаду, как я позже увидел, забыл о виски, как только оказался дома, у отца. Здесь ему не простили бы парижских вольностей.

Мы быстро обо всем договорились. После настойчивых уговоров Мамаду наконец согласился, что я буду платить за бензин. Условились выехать через день на рассвете, в пути не торопиться, останавливаться в интересных местах. За рулем будет Мамаду. Я спросил, какой марки его машина. Он показал на стоящий у ресторана серенький «пежо-403» — сильный, выносливый автомобиль французского производства.

Через день ранним утром я стоял у подъезда гостиницы с небольшим чемоданчиком в руках. Уже светало, проснулся сторож, спавший на тротуаре. Раскинув цинковку, он принялся молиться, мерно отбивая земные поклоны. В гостинице захлопали двери, начинался трудовой день. А Мамаду все не было. Я уже спрашивал себя, правильно ли дал свой адрес, на этот ли день мы договорились об отъезде, когда из-за поворота вынырнула уже знакомая мне машина.

— Тебе легко собраться, — извинялся Мамаду, — а у меня толпа родственников. Два часа прощались. Еле вырвался. Да и поручений надавали, за год всего не выполнишь.

Провожаемые дружескими напутствиями гостинично-

Птичья «деревня» в кронах масличной пальмы

го сторожа, мы тронулись. До Киндии, первого города на нашем пути, дорога была асфальтирована. По сторонам мелькали небольшие, окруженные масличными пальмами деревушки — тихие, малолюдные. Скоро начались холмы, и шоссе принялось петлять со склона на склон. Ярko-зеленые, залитые солнцем склоны холмов радовали глаз. Кое-где рядом с дорогой среди скал появлялись в венце радуги небольшие водопады. Уже ближе к Киндии потянулись банановые плантации; темно-зеленые, еще не зрелые гроздья бананов были отчетливо различимы среди желтоватых, склоняющихся к самой земле широких лент-листьев.

Земля вокруг напоминала громадный, чуть запущенный сад, хозяйкой в котором была масличная пальма. То небольшими купами, то целыми рощицами пальмы окружали деревни, росли на склонах холмов. Кроны некоторых из них были усыпаны гнездами ткачиков, — этих желтых и коричневых птичек, плетущих из травы напоминающие мелкие дыни гнезда. Они любят жит

«деревьями», сотнями гнездясь на соседних деревьях. Их веселый галдеж слышен издалека.

Масличная пальма стала хозяйкой в этих местах не случайно. Творцами многочисленных зарослей пальмы стали... птицы, разносившие ее орехи по округе. На лесных вырубках, на заброшенных полях, среди выжженного случайным пожаром кустарника после первого же дождя появляются зеленые побеги, которые очень скоро сплошным ковром закрывают занятое ими место. Год проходит за годом, пальмы поднимаются все выше, и вот непролазные колючие заросли превращаются в пальмовую рощу.

Каждое дерево ежегодно дает несколько килограммов орехов. Они интенсивно оранжевые, почти красные и собраны в плотные большие гроздья. Во многих районах Африки эти орехи служат единственным источником растительного масла, которое женщины вытапливают из них. Красноватое густое масло сдобривает едва ли не все блюда африканской кулинарии, а теперь идет и на экспорт. На заводах Европы его используют при фабрикации мыла, маргарина и многого другого.

Но польза от пальмы не исчерпывается только маслом. Я не раз видел, как на вершину дерева с тыквой в руках поднимались молодые парни. Они срезали растущий побег пальмы и с помощью трубок направляли текущий сок в тыкву. Через несколько дней там же на пальме этот сок превращается в легкое, нежное вино. Оно выглядит как снятое молоко и прекрасно утоляет жажду. Кроме того, как утверждают врачи, это вино содержит много витаминов и весьма питательно.

Рощи масличной пальмы в Гвинее никогда не бывают в частной собственности и являются достоянием всей деревни. Так и должно быть с источником общего благосостояния. За использованием масличных пальм наблюдает деревенский старшина, а за его чувством справедливости ревниво следят старики. Как только оно начинает изменять старшине, старики поднимают свой голос. Собираясь под тенистым «деревом совета», они часами излагают свои претензии. Горе старшине, если он не прислушается к тому, что говорят у «дерева совета».

...От Конакри до Киндии несколько больше ста километров, и к полудню мы были в городе. Он располо-

жен в предгорьях занимающего центр Гвинеи плато Фута-Джаллон. Десяток лавок ливанских и сирийских купцов, скромные административные здания, глинобитные домишки коренного населения и зелень, зелень, зелень вокруг. Мамаду раньше бывал в Киндии и быстро нашел дорогу к гостинице.

Отдохнув, мы сели обсудить наш план знакомства с Киндией. Мой друг заметил, что самым интересным было бы повидать Пастеровский институт. «Там громадный террариум с самыми редкостными змеями», — говорил он. Я предложил также познакомиться с местным крашением тканей. Обе идеи были одобрены единогласно.

Крашение тканей в Киндии — исключительно женское дело, как ткачество — занятие мужское. Мужчины очень ревностно следят за своей монополией, женщины, со своей стороны, ядовито высмеивают мужчин, которые решаются им перейти дорогу. После долгих поисков Мамаду нашел наконец одну женщину-красильщицу. Без его помощи я, вероятно, так и не смог бы удовлетворить своего любопытства.

Она приняла нас очень доброжелательно, очень гостеприимно. По ее словам, в работе ей помогали старшая дочь и сестры. Она показала нам черные шары индиго. Мы увидели, как эти шары распускают в больших чанах. Мастерница объяснила, что одни ткани туго свертывают и погружают в чан. Там ткань пропитывается краской неравномерно, так что образуется определенный рисунок. В других случаях краска наносится на деревянные дощечки с узором и потом «печатается» по ткани. Постепенно всю ткань покрывает очень простой — из линий или мелких квадратиков синий узор.

— А почему только женщины занимаются этим делом? — спросил я. Мастерница посмотрела на меня с некоторым недоумением:

— Но ведь это не мужское дело.

Люди редко могут объяснить, как сложилась та или иная традиция. Они слепо ей подчиняются, не слишком задумываясь о причинах своей покорности. Так и в Гвинеи. Наверное, столетия, если не тысячелетия назад сложилось здесь разделение трудовых обязанностей между мужчинами и женщинами, и все это время только женщины занимались гончарным делом, крашением тканей.

огородами, сбором хвороста в лесу, посевами. Мужчины же были ткачами, кузнецами, столярами, расчищали лес под поля. Ни мужчины, ни женщины не осмеливались выйти за определенный традицией круг обязанностей, каждый рабски повторял то, что делали его деды и бабки. Этим распределением трудовых обязанностей, расписанных до мельчайших подробностей, как паутиной, было опутано традиционное африканское общество, и потребовались десятилетия современной истории с ее бурными потрясениями, чтобы положение стало изменяться.

Я не знаю, как сложились у многих народов Тропической Африки эти традиции разделения труда между мужчинами и женщинами, даже между поколениями — с детского возраста до старости. Наверное, когда-то на заре человечества эти обычаи были выработаны обществом для своего сплочения в единый трудовой организм. Иначе оно погибло бы, оно не стало бы обществом. Может быть. Но сегодня давний смысл обычая выветрился, осталась косность, связывающая людям руки. Остался позор, покрывающий каждого, кто брался не за свое дело.

Мы побыли у красильщицы еще некоторое время, полюбовались ее тканями. Она была настоящей художницей, и нам было приятно искренне расхваливать то, что мы видели. От нее мы узнали, что после независимости все мастерицы Киндии объединились в кооператив. На прощание и Мамаду и я купили по куску ткани с рисунком ее работы.

Наша встреча затянулась, и было, пожалуй, поздно ехать в институт, который находился в нескольких километрах от города. Вечер, тихий, прохладный, мы провели сидя на скамье у гостиницы. У Мамаду оказалась с собой гитара, и он вполголоса напевал то модные французские песенки, то песни родного народа. Сладковато пахло неведомыми цветами, могучий хор цикад аккомпанировал гитаре. Мы мало говорили, но, пожалуй, именно в этот вечер стали друзьями. Было около полуночи, когда мы разошлись по номерам. Голова моя кружилась от усталости.

На следующий день коридорный с трудом разбудил нас. Но проснулись мы хорошо отдохнувшими, готовыми к новым впечатлениям, к новым встречам. Скорее

на свидание со змеями, — смеясь, подгоняли мы друг друга за завтраком.

Пастеровский институт в окрестностях Киндии окружен громадным парком. В сопровождении одного из институтских работников мы побывали у террариумов, где были собраны десятки змей. Хотя некоторые из них были очень велики, различить их среди мелких кустарников, на камнях, в сухой листве было почти невозможно. Одни лежали свернувшись в кольца, другие вяло куда-то ползли. Но в их серо-коричневых телах чувствовалась стальная сила.

— Не обманывайтесь, — говорил нам ученый. — Эти змеи могут быть страшно быстры.

Вместе с ним мы прошли к клеткам. За тонкой сеткой мы увидели угольно-черную, словно выточенную из антрацита кобру, тонкую, как хлыст, изумрудно-зеленую банановую змею. На некоторых клетках за сеткой виднелось стекло.

— Здесь помещены плюющиеся змеи, — пояснял наш гид. — Они плюют ядом в глаза, никогда не минувя цели. Человек слепнет.

Змеи шипели. О стекло разбивались капли яда.

— Кто вылавливает этих тварей? — спросил я.

— Специалисты охотники. Пойдем, может быть, кто-нибудь из них придет сегодня.

Нам повезло. У входа в институт стоял худой, в рваном костюме мужчина. В руках он держал старенькую, когда-то черную, а теперь рыжую шляпу. У его ног лежал шевелящийся мешок.

— Ну, что ты принес сегодня? — обратился к нему наш спутник.

Тот нагнулся, развязал мешок и, когда оттуда появилась змеиная голова, схватил змею за шею и целиком вытащил из мешка. Мы с Мамаду в ужасе отшатнулись. А охотник протянул змею ученому, который что-то вымолвил на латыни.

— Гадюка, — пояснил он нам. — Получится чудесная сыворотка.

Поблагодарив за возможность осмотреть институт, мы направились к машине.

— Хорошо, что мы не приехали сюда вечером. Ночью не заснули бы, — лишь наполовину в шутку заметил Мамаду.

ДОРОГА НА КАНКАН

После Киндии дорога поднимается в гору. Она делает это медленно, как бы с большим напряжением, то отступая вниз, то резким рывком взбираясь на кручи.

Климат же меняется стремительно. За немногие часы переносишься из тропиков, где влажная жара буквально тисками сдавливает горло, в мир, где царит мягкое, в меру жаркое и в меру прохладное вечное лето. Цветы обретают запахи, которых были лишены на побережье. Не затуманенный испарениями воздух становится прозрачен, и далекий горизонт — как занавес, по которому художником-натуралистом нарисованы слишком зеленые холмы и неправдоподобно голубое небо.

Не меняется только дорожная пыль. Я долго не мог понять, почему шоферы в Африке любят стремительную езду. Но, выехав из Киндии, мы с час не могли обойти едущий впереди грузовик. Мамаду ругался, что есть силы выжимая газ, но как только шофер грузовика видел, что мы приближаемся, он перегораживал нам путь. Когда наконец Мамаду сумел как-то его обойти и мы посмотрели друг на друга, то ужаснулись: в машине ехали два краснокожих индейца с рыжими волосами. Пыль из под колес грузовика толстым слоем покрывала наши лица, одежду.

Спасение — в скорости. Нужно всегда быть первым. Конечно, и тогда не избавишься от пыли совершенно, она все равно забьет машину. Но если скорость велика, ее основная масса останется сзади. Другое дело, когда впереди идет другая машина. В этом случае шофер или замедляет движение, пока не отстанет на пыленедоступное расстояние, либо начинаются автогонки. Второе решение более соответствует темпераменту африканского шофера, и придорожные кюветы по всему континенту хранят немало следов гоночных неудач. Перевернутые машины напоминают, что даже в облаках удушливой красной пыли не следует терять спокойствия и выдержки.

Поэтому, оставив грузовик позади, мы оба вздохнули с облегчением. Скоростная езда по крутым горным дорогам — удовольствие для избранных, к числу которых мы не принадлежали. Сразу же сбавив газ, Мамаду почувствовал себя свободнее и замурлыкал какую-то

Последний великий альмамн Фута-Джаллона

песенку. А я начал оглядываться по сторонам, любясь открывающимися ландшафтами. В них не было ничего экзотического, необычного. Тем роднее казались эти луга со стадами коров, небольшие бедные деревушки там и здесь, заросшие камышами речки. Мир вокруг дышал покоем, казался идиллически прекрасным.

Мы были на Фута-Джаллоне. Этот горный край географы называют «водонапорной башней» Западной Африки, потому что здесь берут начало многие крупные реки этой части континента — Сенегал, который на Фута-Джаллоне именуется Бафинг, Гамбия, некоторые притоки Нигера. Земля с горных склонов Фута-Джаллона дождями смывается в ручейки и реки, а те несут ее либо в океан, либо выбрасывают на свои берега, и у моря и в долинах рек плодородие полей обеспечивается принесенным с Фута-Джаллона илом.

Это плато заселено фульбе — гордым, воинственным народом кочевников-скотоводов. Пожалуй, ни один из других западноафриканских народов не оставил такого следа на истории всей этой части континента, как они. Вместе со стадами быков фульбе пересекли западноафриканскую саванну от Сенегала до озера Чад, и сегодня их можно встретить в Камеруне, Нигерии, Гане, Мали, Сенегале, Гвинее. Одни из них были фанатичными мусульманами, тогда как другие сохраняли языческие верования, но и мусульмане, и так называемые язычники «бороро» едины в одном — количеством скота определяется положение мужчины в их обществе, скот в их глазах — важнейшее мерило богатства. Эта черта сближает фульбе с кочевниками Восточной Африки — масаями.

Далеко не всегда их кочевья были мирными. На Фута-Джаллоне фульбе появились с мечом в руках. Их вели под знаменами «священной войны» проповедники ислама «карамоко». Они обратили в рабство коренное население земледельцев, расселили его по особым деревням «рунде». На Фута-Джаллоне сложилось своеобразное теократическое государство, возглавляемое имамами из двух родов — Сорейя и Альфайя, которые чередовались на престоле каждые два года. В Гвинее этих имамов называли, да и сегодня называют альмами.

Когда мы проезжали Маму, небольшой городок на полпути из Конакри в Канкан, я попросил Мамаду

остановиться, сказав, что хочу разыскать живущего где-то здесь последнего альмами Фута-Джаллона Ибраима Сори. Он загорелся этой идеей и, подкатив к скромному ресторану, оставил меня там, а сам исчез. Появился он через час.

— Я знаю, где найти старика! — с порога закричал он. — Больше того, старик знает моего отца и примет тебя. Поехали.

Вскоре мы оказались перед группой глинобитных хижин. На первый взгляд они ничем не отличались от обычных крестьянских домов. Но Мамаду обратил мое внимание на их конические крыши:

— Ты видишь, во сколько слоев уложена солома? У бедняка на крыше в лучшем случае три слоя. Здесь же больше десяти.

Внутри было полутемно и прохладно. Толстая соломенная крыша надежно защищала помещение от палящего солнца. Земляной пол был тщательно выметен, стены украшены строгим геометрическим узором. Слуга, введший нас, остался у входа и молчал.

Неожиданно в проеме двери появился силуэт высокого, одетого в традиционный у фульбе голубой халат человека. Это был альмами. Он заговорил с нами на прекрасном французском языке и предложил сесть. Мы опустились на кожаные подушки.

Разговор наш был совершенно незначительным. Слушая альмами, я вглядывался в его худое, все в морщинах лицо крестьянина, стараясь понять, чем этот человек завоевал столь громадный авторитет по всей стране. А этот авторитет у него был. Еще несколько лет назад этот спокойный, с пронизательными глазами старик дирижировал из-за кулис поступками тысяч человек. Конечно, колониальная администрация лишила альмами непосредственной власти, но и она ничего не могла поделать с его духовным, да и с политическим влиянием. Вожди Гвинеи смотрели на альмами как на своего лидера, своего руководителя.

В альмами чувствовалась внутренняя сила. Вероятно, его противникам не раз приходилось чувствовать на себе тяжелую руку старика. Была в нем и самобытность. Уже то, что он, один из богатейших людей страны, был одет как простой крестьянин и жил в такой же хижине, как и все его соплеменники, говорило о мно-

гом. Видимо, он не хотел позволить себе ничего, что могло бы отделить его от народа, и гордился своим народом, его культурой, традициями, образом жизни.

И все-таки его былая власть — власть вождя — вряд ли зиждилась только на силе ума, величии характера. Слушая его спокойный, размеренный голос и механически записывая его слова, я спрашивал себя, не утратила ли влияние старика религиозная традиция веры в его святую мудрость. Не только в Африке зачастую предпочитают следовать не за идеями, а за человеком. Здесь же вождь воплощал в себе глубоко укоренившиеся верования, его почитание предписывалось обычаем. И эта слепота веры, и эта тупая инерция обычая притягивали к альмами фанатичных сторонников с могучей силой. Я уверен, что этот старик еще не сказал своего последнего слова.

И вот список вопросов исчерпан. Альмами любезно проводил нас до дверей, вежливо согласился даже сфотографироваться с нами. Наконец, мы распрощались. Мамаду, за всю встречу едва ли проронивший хоть слово, заметил:

— Что я старику? Что мне старик? И все-таки я чувствовал себя буквально пылью у его ног. Хорошо, что пробыли мы у него недолго.

Отъезжая от Мамаду, мы не знали, что впереди нас ожидают дорожные неприятности. Обычно с нами всегда был небольшой запас воды, консервов. На этот раз — ничего. И, как назло, буквально в 20 километрах от города машина стала.

— Ты что-нибудь понимаешь в моторе? — спросил Мамаду. Я отрицательно покачал головой.

— А ты? — в свою очередь спросил я.

— Не больше тебя, — последовал ответ.

Оставалось ждать у моря погоды. Прошли несколько девушек со связками хвороста на головах. Они с интересом посмотрели на нас, но не остановились, прошли дальше.

Как назло, на дороге не было видно ни единой машины. Мы выбрались на обочину и принялись рассуждать, что же делать. Местности ни Мамаду, ни я не знали. На имевшейся у меня туристской карте примерно там, где мы находились, была изображена громадная обезьяна. Это мало чем могло нам помочь,

Быстро начало смеркаться. Солнце почти по вертикали опустилось за соседний холм, и через несколько минут хор цикад возвестил начало ночи. Мы решили, что как-нибудь устроимся на ночь в машине, а утром — посмотрим. Если не обнаружится грузовика со знающим шофером, один из нас пойдет обратно в Маму.

Опустив спинки переднего сиденья, мы начали устраиваться. Легли. Но стоило прикрыть глаза, как в ушах раздавался тонкий комариный звон. Еще мгновение — и лицо обжигал укол. Я слышал, как, чертыхаясь, кругился Мамаду. Приподнявшись, он было закрыл стекла автомобиля, но сразу же стало невыносимо душно. После примерно двухчасового сражения с москитами мы, наконец, сдались.

— Лучше не спать, чем быть съеденными, — мрачно проворчал Мамаду, когда мы вновь оказались на обочине дороги.

Ночь казалась бесконечной. Мы пересказали друг другу все известные нам анекдоты. Мамаду было вновь достал гитару, но настроение было явно не то. В ветвях соседних деревьев шумели ночные птицы, издавая странные, как бы механические звуки — они стучали, гудели, хлюпали, как нога, вытаскиваемая из трясины. Откуда-то издали время от времени доносились протяжные вопли.

— Шимпанзе, — пояснил Мамаду.

И нигде не видно ни огонька. Люди забились в свои хижины в страхе перед черным миром ночи.

Мы проснулись, сидя на обочине спиной к машине. Лица жгло, ноги словно окостенели. В запасе — ни еды, ни воды. С растерянностью посмотрели мы друг на друга и рассмеялись, — столь забавно выглядели наши бурые от пыли, распухшие от mosquito укусов лица.

К счастью, вдали возникло быстро двигавшееся облако красной пыли. «Грузовик! — вздохнули мы с облегчением. — Скоро он будет здесь». И действительно, не прошло и пяти минут, как вокруг нашей машины оказалась целая толпа бурно обсуждавших случившееся молодых парней, а шофер возился в моторе.

— Все в порядке, можете ехать, — бросил он через плечо, опуская капот.

Мы попытались ему заплатить, — безуспешно. Правила дорожной взаимопомощи — закон для гвинейских

шоферов. И вот, помахав нам рукой на прощание из окна кабины, он уже исчез в красной пелене. Мы даже не успели спросить его имени.

Снова дорога. Окрыленные починкой нашего автомобиля, мы ехали, обмениваясь шутками, забыв про голод и жажду. Но при виде небольшой деревушки метрах в двухстах от шоссе мы сразу же вспомнили, что в последний раз ели восемнадцать часов назад. Остановив машину чуть не доезжая деревни, Мамаду отправился на разведку. Я остался за сторожа.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут я услышал голос звавшего меня Мамаду и, забыв о машине, побежал к нему. Он стоял у затянутого разросшейся тыквой забора, разговаривая с пожилой женщиной, из-за спины которой выглядывала курчавая головка ребенка.

— Здесь нас напоят и накормят,— весело говорил мой друг.— Подожди минутку.

Женщина еще о чем-то спросила Мамаду и повернулась к хижине. Мужчин видно не было — наверное, ушли в лес на охоту. Из-за дома доносились мерные глухие удары,— в деревянной ступе кто-то молот зерно. Вдруг из хижины выбежал мальчишка с двумя тыквенными половинками в руках. Они были наполнены простоквашей, которую мы с наслаждением глотками выпили.

Мамаду договорился с хозяйкой дома и о нашем отдыхе. По его просьбе она положила в тени пару циновок. Сон сморил нас сразу.

Проснулись мы хорошо отдохнувшими. Судя по тому, что солнце стояло в зените, было около полудня. Во дворе царил полная тишина, даже вечно беспокойные местные куры укрылись где-то от полуденного зноя. Видимо услышав наши голоса, из дома вышла хозяйка. Поговорив с Мамаду, она исчезла в темном проеме двери, а когда появилась снова, в ее руках был поднос с рисом, политым красным соусом. Он этого соуса невыносимо жгло рот и горло, и каждый комочек проглоченного риса приходилось запивать. Хозяйка молча стояла в стороне, поглядывая, как мы едим. В ответ на благодарность она только кивнула головой и ушла в дом.

Когда мы выехали из деревушки на дорогу, я никак не мог избавиться от впечатления, что уже бывал в этих

местах. Мне казались знакомыми эти конические хижины за покосившимися заборами, дынные деревья с кронами словно из больших зеленых перьев, громадная зеленая масса хлопкового дерева в глубине деревни. И тут мне припомнилась одна интереснейшая книга, написанная больше ста лет назад французом Рене Кайе. Конечно, я просто находился под впечатлением его путевых заметок.

О Рене Кайе мало кто у нас слышал, хотя его имя может быть отнесено к числу самых смелых, упорных и самоотверженных исследователей Африки. Говоря о нем, трудно избежать громких слов. Еще юношей он решил посвятить свою жизнь исследованиям Африки. У него не было собственных средств, он не смог добиться поддержки от правительства и тем не менее от своей мечты не отказался. Много месяцев Кайе проводит среди мавров в тяжелейших условиях, чтобы лучше усвоить все обряды ислама. Великолепно изучив арабский язык, он высаживается в начале 1826 года на гвинейском побережье, выдает себя за араба, возвращающегося из рабства на родину в Мекку, и вместе с купеческими караванами добирается до Томбукту на реке Нигер. До него из европейских путешественников в Томбукту побывал лишь один англичанин — майор Гордон Лейнг, убитый кочевниками и не оставивший описания своих открытий. Кайе был улачливее. Из Томбукту он через Сахару попадает в Марокко, откуда возвращается во Францию. Его книга об этом путешествии вышла в 1830 году.

Африке везло на одаренных литературным талантом исследователей. Англичане Мунго Парк, Клаппертон, Ричард Лендер, немец Барт — великолепные рассказчики. Выдающимся литературным даром обладал и путешественник Ричард Бертон. Их книги поныне служат необходимым подспорьем для каждого, кто интересуется этнографией, историей, культурой африканских народов. Но даже в сравнении с этими именами у записок Кайе есть одно значительное преимущество: все эти путешественники наблюдали африканское общество со стороны, многое от них скрывалось как от врагов-чужеземцев, тогда как Рене Кайе увидел Африку изнутри, в том же ракурсе, что видели ее сами африканцы. От него не было тайн, он был одним из своих.

В Гвинее началось путешествие молодого француза, где-то неподалеку от нас пролегал путь каравана, с которым он шел от побережья до Канкана. Очень точно, очень добросовестно Кайе описал все, что видел,— и ремесла, и торговлю, и характер жилищ различных народов, и их сельскохозяйственные орудия, и действующие среди африканцев тайные общества. От его внимательного взгляда мало что ускользало, и в чуть суховатой, сдержанной манере он излагал свои наблюдения страница за страницей, глава за главой. Наконец, он добрался до Гомбукту и был глубоко разочарован обликом этого серого, построенного из необожженных кирпичей города на южной границе Сахары. Когда-то великий город давно утратил былой блеск столицы учености и торговли.

Сейчас на пути в Канкан, где сто сорок лет назад побывал и Кайе, я изумлялся, как в общем-то поверхностны происшедшие в этих краях перемены. Конечно, нельзя преувеличивать. Там, где молодой француз видел скованных цепями рабов, всевластие вождей и военных шаек, где не было школ и полуграмотные марабуты — толкователи Корана — были самыми образованными людьми в округе, сегодня проезжают груженные товарами автомашины, существуют диспансеры и школы, в редкой деревне нет умеющих читать и писать. В этих местах появилась своя интеллигенция, развилась торговля, люди приобщаются к политической жизни, слушают радио. Некоторые — бывшие солдаты, вернувшиеся с городских заработков крестьяне — даже смотрели кинофильмы, летали на самолетах, ездили по железной дороге. Наконец, повсеместно существуют ячейки Демократической партии Гвиней — эти каналы информации о жизни всей страны, всего мира.

Что почти не изменилось, так это крестьянский быт.

В книге Кайе есть детальнейшее описание гончарного ремесла, которым у фульбе, как и в его времена, продолжают заниматься женщины. Он пишет: «Женщины изготавливают для домашних нужд глиняные горшки. Для этого они применяют серую глину, которую находят на берегах ручьев. Ее растирают, очищают от всех примесей, и когда она достигает требуемой чистоты, то легко обрабатывается. Придав ей нужную форму, женщины полируют горшки руками. После того как сосуды

Разрезанные пополам тыквы — калebasы — издавна служат посудой по всей Западной Африке

закончены, их ставят в тень, чтобы они просыхали медленно; от солнечного жара они могут растрескаться. Наполовину просохшие, они снова полируются, на этот раз специально изготовленными кусками дерева. Таким образом они приобретают блеск и снова ставятся на просушку. Прежде чем они совсем затвердеют, их выставляют на солнце, когда оно не слишком горячо, и так держат восемь-десять дней. Затем горшки ставятся один на другой между двумя рядами просяной соломы, которая поджигается для обжига. Получаемые таким путем горшки глазурованы и имеют сероватую окраску. Обычно они круглые, с небольшой полоской сверху и без ручки».

Это описание целиком соответствует тому, что можно увидеть сегодня. Прошедшие полтора века ничего не изменили в гончарном деле.

Конечно, гончарство — дело второстепенное. Но тот же застой заметен и в земледелии, где крестьянин продолжает обходиться деревянной мотыгой, где лишь редкие счастливиčky в последние годы начали приобретать плуги, бороны, тягловый скот. Почти незаметны изменения и в семейном укладе крестьянства: старики остаются хозяевами земли, распорядителями труда всех младших по возрасту, от них зависит, когда женится юноша, когда и за кого выходит замуж девушка.

Тысячи традиций, обычаев, неписаных законов опутывают деревню, и сдвинуть ее с проторенного пути — колоссальная задача, которая может быть по плечу только сильной и действенной организации. Мысли об этом невольно приходили в голову при виде деревушек вроде той, где нас накормила и напоила гостеприимная хозяйка. Я вспомнил, что мне рассказывали в Конакри о мерах, принимаемых Демократической партией Гвинеи в отношении крестьянства. Руководство партии стремится использовать энергию всех тех, кто недоволен нынешней бедностью, нынешним застоєм в деревне, — энергию молодежи, женщин, бывших фронтовиков, сельской интеллигенции. В период, когда партия боролась за независимость, эта ставка позволила добиться победы. Есть признаки, что расчет на динамичные силы среди самого крестьянства оправдывается и сегодня, в борьбе за экономическую независимость.

Усталые до последней степени, приехали мы в Кан-

кан. Мамаду довез меня до мрачного здания, где во время командировок в город останавливаются приезжие чиновники, и поехал в дом отца. Я же, как только добрался до отведенной мне комнаты, буквально свалился в кровать.

Когда на другой день я наконец вышел в город, солнце поднялось довольно высоко и жара уже начиналась. Воздух в Канкане совсем иной, чем в Конакри, здесь он сух, обжигающ. Небо в этих местах голубое только утром да вечером, днем же в солнечном сиянии выглядит белесым. Красноватой, кажущейся уже несмываемой пылью покрыта придорожная трава, листва на деревьях. Но дышится в Канкане, несмотря на зной, много легче, чем в Конакри.

Город стоит на реке Мило. Эта широкая и довольно полноводная даже в тихое время года река впадает в Нигер и берет свое начало в горных кряжах Лесной Гвинеи, там же, где и Нигер. В Гвинее Нигер известен под названием Джолиба, что значит «Красная река». Он получил это название из-за громадного количества ила, окрашивающего его воду. Но и Мило, как я увидел, имеет право называться красной. Во время разлива ее плодородный ил оседает на приречных лугах и рисовых полях, которые крестьяне обрабатывают по два раза в год.

Сам город мало чем примечателен. В его центре стоит недостроенная мечеть, которая обещает быть одной из крупнейших в Западной Африке. Когда я осведомился, почему верующие избрали именно Канкан, довольно небольшой городок, для сооружения этой мечети, мне объяснили, что здесь уже в течение целого ряда поколений проживает «шерифский» род, т. е. род, ведущий свое происхождение от пророка Магомета. Видимо, в глазах местных мусульман это обстоятельство представляет немалую важность.

Чем больше блуждал я по улицам Канкана, тем больше убеждался, что он и город, и деревня одновременно. Его центр и несколько прилегающих улиц застроены невысокими домами, где расположились магазины и лавки, учреждения и различные конторы. Были здесь и особняки, в которых, видимо, жили чиновники, торговцы побогаче. А рядом, за этими европейского типа домами, находились типичные деревенские хижины —

круглые, под коническими крышами. Люди там жили как в родных деревнях, по утрам отправляясь на поля, за хворостом в окрестную саванну либо на зеленеющие неподалеку огороды. В пыли вокруг хижин бродили гощие куры, за плетеными изгородями росли тыквы. Меня сразу же окружили стайки ребятишек. К счастью, у меня еще оставалось несколько значков; они вызвали бурный восторг у их новых владельцев, а толпа вокруг меня сразу же выросла.

Вечером в гостиницу пришел Мамаду. Я не узнал его, увидев одетым в белое бубу с пестрой вязаной шапочкой на голове. Он улыбался, парижские моды здесь неуместны.

— Сегодня у нас собираются наши родственники и друзья,— сказал Мамаду.— Мой отец приглашает тебя. Если ты свободен, поедем.

Конечно, я согласился.

Семья Мамаду занимала двухэтажный дом на узкой и пыльной улице. Когда мы приехали, холл на первом этаже уже шумел голосами гостей. Хозяин, седой старик в красной марокканской феске, сидел в углу в окружении почетных гостей — таких же стариков, как и он. Увидев меня, он привстал и протянул мне руку, которую я пожал в знак уважения двумя руками. Старики вокруг закивали головами, забормотали арабские приветствия.

В противоположном углу сгрудились сверстники Мамаду, его давние друзья и приятели. Он подвел меня к ним. Это были умные, живые ребята, чуть смущенные соседством своих отцов и дедов. Все они неплохо знали французский язык, и вскоре мы разговорились. Я расспрашивал своих новых знакомых о деятельности молодежной организации страны — Молодежи Демократической африканской революции, о городской жизни.

По их словам, организация играла весьма заметную роль в делах молодежи. Один из моих собеседников вспоминал, как с ее участием городские власти вылавливали контрабандистов и спекулянтов, а другой рассказывал, как городская молодежь была вовлечена в очистку городских улиц от мусора. Молодежными активистами была создана театральная труппа, ставившая написанные здесь же в городе пьесы и на бытовые, и на исторические сюжеты. Существовала и очень популяр-

ная в городе танцевальная группа. И театр, и танцевальный ансамбль возглавлялись молодыми учителями.

Но тут нас прервали. Мамаду, бывший героем вечера, подошел к нам и предложил подняться наверх, где все было готово для праздничного ужина.

Нас проводили в большую, целиком застланную коврами комнату. Мамаду оставил мне место на ковре рядом с собой, неподалеку от отца. Всего в комнате собралось человек двадцать, исключительно мужчины. Ближе к главе дома сели мужчины постарше, тогда как в противоположном конце сгрудилась молодежь.

Сначала слуги внесли три больших чеканных блюда птичьих потрохов. Одно, самое крупное, блюдо было поставлено перед хозяином, а остальные два — на ковры перед гостями. Завернув рукава, хозяин выгреб из груди потрохов, видимо, самый сладкий кусок и протянул соседу, положив кусок тому в открытый рот. Это был сигнал к началу общей трапезы. Четыре десятка рук протянулись к блюдам, хватая ломти истекающего жиром мяса. Несколько минут в комнате царило молчание.

Меня не забывали. Время от времени к моему рту протягивались черные руки с кусками мяса. Это были свидетельства симпатии и дружбы, которые было бы оскорблением отвергать. Но вот блюда опустели, их подобрали возникшие из темноты слуги, и наступила короткая пауза.

Бедному Мамаду она досталась тяжело. Со всех сторон на него посыпались шуточные вопросы о Париже, о француженках, о его жизни в этом городе, который в глазах африканцев имеет репутацию центра скорее ветреного легкомыслия, чем учености. Мамаду едва успевал отбиваться от дружного, веселого натиска гостей. На его счастье, слуги появились вновь с блюдами, на которых возвышались сияющие пирамиды кус-куса.

Кус-кус — это североафриканское изобретение, родственное азиатскому плову. Только вместо риса его делают в Западной Африке из зерен молодого сорго с большим количеством бараньего жира, разнообразнейших овощей и пряностей. В каждой семье есть свой рецепт этого блюда, и практически невозможно попробовать дважды одинаковый кус-кус. Его скатывают руками в небольшие шарики и едят, запивая холодной водой.

Все гости наперебой расхваливали поданный кус-кус, восхищаясь его сочностью и нежностью. Похвалил его и я. Тогда старик хлопнул в ладоши, и в дверях появился пожилой повар. Его встретил гул голосов, и он низко поклонился всем присутствующим.

Соседи не прекращали потчевать меня, и я начинал уже с некоторым ужасом подумывать, выдержу ли до конца пиршества. Наконец, с блюд были собраны последние крошки кус-куса, и вновь наступила пауза. Однако она оказалась короче первой. Я не успел передохнуть, как слуги внесли две громадные бараньи туши, зажаренные на вертеле. Их встретил общий взрыв восторга.

Баранину гости ели без прежней спешки. Некоторые вооружились ножами, другие просто рвали куски по-нежнее, запуская руки глубоко внутрь бараньего чрева. Вспоминая о давних пирах, старики рассказывали, какими были бараны в их годы. Но наконец гости справились с тушами, и слуги начали разносить миски с горячей водой для полоскания рук. Некоторые из гостей отползли к стене и дремали там. Другие продолжали вялый, неторопливый разговор.

Оказалось, что хозяин дома подготовил для гостей сюрприз. Когда все насытились, он встал и предложил нам спуститься в сад — там нас ждали бродячие фокусники.

После жаркой и душной комнаты в саду поначалу показалось даже прохладно. Слуги расставили скамьи. Была поздняя ночь, и мы видели только большой костер, разожженный между деревьев. Неожиданно из тени выскочил к костру обнаженный до пояса человек и начал прыгать по раскаленным углям. Ошеломленные до предела гости, и старые и молодые, замерли.

Не успел первый мужчина соскочить с костра, как из тени вынырнул второй. Его натертое чем-то жирным тело в пламени костра казалось коричнево-красным. Он выхватил из огня три горящие головни и начал жонглировать ими. Потом одной головней стал водить по обнаженному телу — по груди, спине и рукам. Его партнер тем временем сложил ладони в трубку и, как джин в сказке, начал выдувать из рта струи дыма и искр.

Мужчины исчезли в тени так же неожиданно, как и появились, оставив зрителей в полном ошеломлении.

Все благодарили хозяина за редкостное развлечение, он вежливо улыбался. Я спросил, не знает ли он секрета выступивших фокусников. Старик покачал головой:

— Этого никто не знает. В их роду секрет переходит из поколения в поколение и посторонним не открывается. А ведь интересно?

Я еще раз поблагодарил его за приглашение.

Через два дня я летел из Канкана в Конакри на советском ИЛ-14. Внизу простиралась вечнозеленая, никогда не оскудевающая саванна. Ближе к морю начались леса. Еще в 1947 году один из политических деятелей страны, учитель Мамба Сано, назвал свою родину «спящей красавицей». Вспоминая увиденное, невольно думалось, что сегодня это поэтическое сравнение не совсем верно. Красавица пробуждается.

В ГЛУБЬ НИГЕРИИ

Путешествия сначала совершаются в воображении. Мысль забегает вперед, пытается представить повороты еще неизвестной дороги, расположенные на будущем пути деревушки и города, увидеть людей, которых предстоит встретить. Раскрываются географические карты и книги, в библиотеках разыскиваются фотоальбомы. А иной раз в случайном порыве ветра словно бы слышатся звуки непонятной, чужой речи.

Мои первые поездки в нигерийские города Бенин и Ифе были предприняты именно так — в воображении. Как-то раз мне в руки попала книга немецкого этнографа Лео Фробениуса, искавшего в начале века фантастическую Атлантиду, но нашедшего следы великой и вполне реальной цивилизации в затерянном среди лесов Западной Нигерии священном городе йоруба — Ифе. Тогда и началось мое путешествие. Очень долго вехами на моем пути были музеи и библиотеки, пока наконец действительно не замелькали за стеклами автомашины милевые столбы и не ударил в лицо жаркий и пряный ветер нигерийского леса...

ЛАГОССКОЕ МОРЕ

От Аккры до Лагоса ведет прекрасная шоссейная дорога. Она не широка, но поддерживается в хорошем состоянии, будучи одной из важнейших торговых артерий Западной Африки. Ежедневно десятки грузовичков, заваленных ямсом, маниоком, копррой, бананами, дви-

жуются по этой дороге в том либо другом направлении. Тысячи путников прошли по ее асфальту, серой лентой связывающему Гану, Того, Дагомею и Нигерию.

Когда после нескольких недель ожидания я получил наконец нигерийскую въездную визу, то решил поехать в Лагос на машине. Мне не хотелось терять возможности хотя бы мельком повидать Дагомею и Того, да и восточные, трансвольтийские районы Ганы я в то время еще не знал. Конечно, самолетом можно добраться до Лагоса из Аккры меньше чем за час, но из самолета не выйдешь в придорожной деревне и не захватишь голосующего на дороге попутчика. Напротив, в автомобиле я был бы полным хозяином и своего времени, и своего маршрута. Мне говорили, что за сутки до Лагоса можно доехать.

И вот — дорога. До границы между Ганой и Того она тянется по приморской саванне с ее редкими деревьями, с красными холмиками термитников среди бурой, обожженной солнцем травы. Эта саванна почти бесплодна; лишь очень редко встречаются поля маниока, которые крестьяне называют «закопанными амбарами». Странное название, но если вспомнить, что здесь можно выкопать толстые, в руку, питательные корни в течение круглого года, оно становится понятным. В этих местах почти нет крупного рогатого скота: коровы гибнут от высокой влажности воздуха.

Деревни жмутся к морю, и вдоль дороги мало крупных поселений. Пейзаж однообразен, безжизнен. И только Вольта, крупнейшая река этой части Африки, придает местности неожиданную красоту.

Ее истоки находятся далеко на севере, в саванне Республики Верхняя Вольта. Там известны даже не одна, а три Вольты — Белая, Красная и Черная. И, соответственно, флаг республики состоит из полос красного, белого и черного цвета. На территории Ганы река становится широка и полноводна, десятки пароходиков, катеров и лодок бороздят ее в нижнем течении. Расположенные в устье Вольты небольшие островки, окруженные песчаными пляжами и заросшие рошицами кокосовых пальм, чем-то напоминают солнечные атоллы Тихого океана.

Приморская саванна сжата с севера грядой холмов, и там через Вольту переброшен мост, выше ко-

тогого ныне стоит крупнейшая в Западной Африке гидроэлектростанция. Но чтобы пересечь реку по мосту, нужно было бы сделать крюк в добрую сотню километров и потерять несколько часов. Поэтому я решил воспользоваться паромом, надеясь выиграть время.

Длинный хвост грузовиков и легковых автомобилей у реки убедительно свидетельствовал о моем просчете. Нечего было даже надеяться попасть на другой берег Вольты скорее, чем за три-четыре часа.

Пассажиры с многочисленных «мамми-лорри», т. е. грузовиков «лорри», перевозящих торговков «мамми», рассыпались вокруг. Некоторые спали прямо у автомашин, другие, примостившись на обочине, ели. У самого берега шла перебранка, какой-то особенно юркий малый на «фольксвагене» сумел проскочить без очереди и пристроиться впереди. Его увещевали, яростно размахивая руками, несколько шоферов, но он невозмутимо сидел в машине, словно не слыша раздающихся протестов.

В поисках тени я забрел в придорожный бар и попросил у бывшей за стойкой женщины бутылку пива. Взяв стакан, я сел за столик у окна, чтобы быть на сквозняке, и огляделся.

На меня глядела галерея портретов, нарисованных прямо на стене. Здесь был Кваме Нкрума, а рядом с ним — нигерийские лидеры Аволово и Азикиве. Других распознать я не сумел. Когда хозяйка подошла к моему столику с бутылкой, я спросил у нее, кто творец всех этих картин.

— Проходил тут один парень и попросился переночевать. Я позволила. Вместо платы он и нарисовал это, — махнула хозяйка рукой на стены.

Уже не первый раз попадались мне подобные рисунки на стенах баров, на заборах вокруг танцплощадок, у кинотеатров, посещаемых африканцами. Их художественное достоинство было весьма неравноценным, но среди десятков тусклых, бесцветных сцен или портретов попадались и очень выразительные. Как правило, они выполнялись черной, зеленой краской и суриком, реже применялась синяя краска. В большинстве случаев художник запечатлевал танцующие пары, мужчин и женщин за столиками ресторанов, реже сценки из кинокартин. Очень часто стены бара украшала торжественная

физиономия его владельца. Но иногда фантазия уличного живописца разыгрывалась. В городе Секонди-Тароради есть небольшой матросский ресторанчик «Монте-Карло», где все стены расписаны любовными сюжетами самого смелого содержания.

Обычно творцами этой настенной «живописи» бывают маляры, специализирующиеся на вывесках. Их палитра очень скудна: она ограничивается двумя-тремя красками, находящимися в повседневном распоряжении маляра. Нет у этих уличных художников и какой-либо подготовки, кроме чисто ремесленной, малярской. Их вкус воспитывается журнальными обложками, газетными рисунками, плакатами, и никто из них, вероятно, в жизни не видел произведения настоящей живописи. Их даже самоучками трудно назвать, потому что никакой, хотя бы самостоятельной учебы они за спиной не имеют. Просто, привычные работать с краской и с кистью, они смело, с большой непосредственностью и добрым желанием берутся выполнять пожелания своих заказчиков.

Но если я сейчас вспоминаю об этих мастерах, то не только из-за того, что их работа — забавная особенность ганского бара. Меня всегда восхищали во всем этом две черты. Во-первых, само стремление ганцев как-то скрасить свою жизнь. Не имея представления о живописи, они все-таки тянулись хотя бы к ее суррогату, лишь бы не было пустых, мертвых стен в их домах, лишь бы они радовали глаз хотя бы самыми неприятельными рисунками.

Вторая черта — это отклик маляров на этот общественный «заказ». Несмотря на свою неумелость, иные из них создавали довольно выразительные вещи. Я никогда не забуду, как рядом с кумасийским рынком на заборе одного из баров увидел портрет его хозяина. С забора на прохожих смотрел жирный, злобный старикашка в роскошном кенте. Профессиональная улыбка официанта на этом лице не могла скрыть его скаредности, хитрости, беспощадности. Талант, лежавший у десятков ремесленников втуне, неожиданно нашел себе применение. А это всегда радостно.

Гудок автомобиля прервал ход моих мыслей. Я взглянул в окно. Хвост на берегу заметно сократился, надо было возвращаться в машину.

Сама переправа заняла немного времени. Выехав с паром на противоположный берег, я нажал на газ; следовало торопиться, если я хотел попасть в Лагос еще сегодня. Меньше чем через час впереди показались дома пограничного селения Афлао, а вот наконец и застава.

Несколько полицейских в черной форме важно расхаживали среди пассажиров трех «мамми-лорри», только что пересекших границу. По их требованию развязывались узлы с тряпьем, раскрывались чемоданы. Какая-то полная женщина в пестром платье долго и шумно спорила с одним из полицейских, а потом протянула ему что-то зажатое в кулаке. Полицейский отошел, а через несколько минут наклонился над кусками ткани, которые вез бродячий торговец. И там начал разгораться спор.

Я прошел прямо на заставу. Очень вежливый, очень любезный сержант записал номер моей машины, бросил беглый взгляд на паспорт и стукнул печатью по ганской выездной визе.

— Ждем вас обратно. Счастливого пути! — улыбнулся он мне на прощание. По его сигналу тяжелая цепь, перекрывающая дорогу, была опущена — и я въехал в Того.

Граница между Ганой и Того была первой «настоящей» границей, которую я пересекал в Африке. Помню, на юге Мали на дороге к Сигири я увидел два простых шеста с перекладиной. Дальше начиналась Гвинея. Местные крестьяне не сбрасывали перекладины, пересекая рубеж. Они уважительно обходили ее стороной.

В Африке никогда не было столь характерного для Европы культа границы. Пределы существовавших «туземных» государств четко не очерчивались, а проведенные позднее европейскими завоевателями линии, отделяющие одну колонию от другой, местным населением просто не замечались. Когда в первую мировую войну французские власти Берега Слоновой Кости начали насильно забирать в армию молодых парней из деревень, соседних с Золотым Берегом, их население со всем своим скарбом перебралось в эту более либеральную английскую колонию и вернулось — с духовым оркестром впереди — лишь через несколько лет после конца войны. Джон Теттега, одно время генеральный секретарь Конг-

ресса профсоюзов Ганы, как-то рассказывал, что, поехав к дальним родственникам в Того, обнаружил, что в их деревне наряду с местными деньгами имеют хождение и ганские. Я сам сталкивался с противоположным положением. В деревне, расположенной на ганской стороне границы, на моих глазах в лавке расплачивались тоголезскими франками.

Да и как могли африканцы уважать границы, проведенные без малейшего учета традиционных связей между разделяемыми районами? Сельский рынок отрезали от деревень, сбывавших там свои продукты. Земли одной общины, одного рода разделялись между двумя государствами. Больше того, разрубалась территория одного народа, одной племенной группы. Население не могло признавать подобные границы, не отрекаясь одновременно от самого, может быть, для себя важного — от сознания своей национальной общности, своего единства.

Только в самые последние годы прежде почти фиктивные рубежи начали становиться чем-то реальным. Таможни, погранзаставы возникают повсюду. А вместе с ними — и пограничные конфликты: охота за призрачными нарушителями, столкновения воинских частей, дипломатические баталии.

Тоголезские пограничники были столь же любезны, как и ганские. Меньше чем за десять минут они заполнили мою анкету, поставили штамп в паспорт, зарегистрировали номер автомашины, и я мог продолжать свой путь.

Столица Того город Ломе находится сразу же за заставой. Шоссе на Лагос служит как бы городской набережной Ломе, отделяющей город от его небольшого, недавно построенного порта. Максимум за десять минут можно пересечь столицу вдоль и поперек, но я решил побыстрее добраться до Лагоса и оставил осмотр города на обратный путь. Мимо роскошной и всегда полупустой гостиницы «Бенин», мимо порта с двумя-тремя кораблями у причалов дорога шла вдоль моря сначала к городку Анешо и дальше к дагомейской границе.

Эту границу я пересек, не заметив. Было уже темно, обычно преграждавшая дорогу чугунная цепь была опущена, и я проехал мимо небольшого домика пограничников, не подозревая, что мне следовало там оста-

повиться. Пришлось возвращаться с половины дороги, разыскивать пограничного офицера и долго объяснять, почему, желая попасть в Дагомею, я еду со стороны дагомейской столицы. Так ничего и не поняв в моих извинениях и объяснениях, он все-таки проштамповал мой паспорт.

— Будьте внимательнее на обратном пути,— предупредил он меня на прощание.— Иначе мы будем вас рассматривать как злостного нарушителя.

Подобная репутация меня, конечно, не устраивала, и я заверил офицера, что не премину остановиться у его кордона.

Была уже ночь, когда впереди показались огни Котону, дагомейской столицы. Мои попытки найти номер в мало-мальски приличной гостинице потерпели полное крушение из-за происходившей в городе международной конференции. С громадным трудом нашлось место в какой-то страшно грязной ночлежке, на живую нитку сколоченной из листов гофрированного алюминия.

Дышать в комнате было нечем. За день алюминий раскалил воздух, а из приоткрытого окна тянуло не свежестью, а подгоревшим пальмовым маслом с гостиничной кухни. Несмотря на усталость, сон не шел. К тому же при ночлежке была танцевальная площадка с мощным громкоговорителем. Твисты, ча-ча-ча, калипсо, танго довели меня до полного изнеможения.

Что делать! Снова одевшись, я спустился вниз и занял один из столиков, окружающих цементную танцплощадку. Глядя на танцующие пары, извивающиеся в странных — по меньшей мере — движениях, я с улыбкой припомнил разговор, случайно услышанный в Аккре в баре гостиницы «Стар».

Беседовали два парня. Один из них, худощавый, в темных очках, говорил своему приятелю:

— В Котону будь очень осторожен. Мне рассказывали, что там много женщин-оборотней. Один знакомый встретил у кинотеатра хорошенькую девушку. А утром, когда он проснулся, в его постели лежал скелет.

Услышав эти слова, я с трудом удержался от смеха. Но парни обсуждали проблему женщин-оборотней вполне серьезно. Тот, кого предостерегали, отвечал:

— Не беспокойся. Недавно я был у знахаря, и он приготовил мне сильный «джуджу» — талисман. Прав-

да, и заплатить пришлось немало, зато как только я приближаюсь к опасному человеку, сразу слышу остерегающий голос.

Великое множество подобных суеверий существует в Африке, и хотя они могут временами вызвать улыбку, в целом все это скорее тягостно.

Как-то раз в Аккре ко мне буквально вбежал один мой хороший знакомый.

— Слушай, — уже с порога закричал он. — Из Лагоса приехал очень сильный знахарь. Хочешь побывать на дне моря, увидеть русалок, морскую царевну? Он способен организовать тебе минимум недельную поездку по морскому дну.

Ошеломленный этим сенсационным предложением, я начал отговариваться занятостью, работой. Но мой знакомый, посмотрев на меня, заявил:

— Я вижу, ты не веришь. Напрасно. Этот знахарь очень силен. Ты просто упускаешь великолепный материал.

Не знаю, действительно ли лагосский колдун организовывал встречи с морскими царевнами, в таком случае он просто мошенник. Однако мой приятель искренне ему верил, а многие знахари и сами не сомневаются в своем особом могуществе, и были случаи, когда эта убежденность оборачивалась страшной трагедией.

В одну из встреч лидер Народного движения за освобождение Анголы Агостињу Нето рассказал мне, сколь губительным было влияние колдунов на ангольских крестьян в первые месяцы вооруженной борьбы против португальцев. Нето вспоминал, как колдуны убеждали крестьян, будто бомбы с португальских самолетов, пули из португальских автоматов превратятся в воду. Крестьяне верили и не скрывались во время бомбежек, при приближении карательных отрядов. Только многочисленные жертвы и упорная работа партийных пропагандистов помогли в борьбе с суеверием.

В городах эти взгляды, как мне кажется, представляют словно бы осколки стройных в прошлом, но разрушенных временем, его противоречиями религиозных систем. И ислам, и христианство постепенно вытесняют давние верования, которые целиком из сознания африканцев все-таки не уходят, сохраняясь в форме отдельных поверий. Их груз бывает очень тяжел.

Лишь глубокой ночью замолк громкоговоритель, и я смог вернуться в свою комнату; на этот раз сон оказался сильнее и жары и вони. Я задремал.

Солнце стояло уже высоко, когда меня разбудил шум под окном. Подошел «мамми-лорри» с обычным грузом торговки, шофер резко затормозил, и с крыши грузовика упали две корзины с птицей. Начавшаяся перепранка между водителем и одной из «мамми» разносилась на несколько кварталов вокруг.

Я не стал завтракать в своей гостинице, а, заехав по пути в магазин, купил сыру и банку сока. В Котону меня ничто больше не удерживало, и я заторопился к нигерийской границе.

Снова встреча с полицией, на этот раз много серьезнее, чем на предыдущих границах. Нигерийских пограничных смушало, не собираюсь ли я продать свою автомашину в Нигерии. Мои заверения, что спекуляция транспортными средствами — не мое занятие, наталкивались на глубоко укоренившийся скептицизм.

— У вас нет доказательств, — монотонно повторял офицер. — Если не оставите залога, я вас не пропущу.

— А велик залог? — спросил я.

— Он должен быть равен стоимости машины.

Продолжать спор было бесполезно, но и возвращаться в Аккру с «самого порога» было обидно. Что делать? Вероятно, упорство вооруженного инструктора пограничника победило бы в конце концов мою настойчивость, но тут мне повезло. Когда я убеждал офицера проявить снисходительность, к бараку пограничников подкатила роскошная американская машина и из нее вышел полный, с надменным лицом мужчина. Он подошел к нам и слышал часть нашего разговора.

— Вы кто по профессии? — обратился он ко мне.

— Журналист. Из Советского Союза.

Повернувшись к офицеру, мужчина важно вымолвил:

— Пропустите. Скажите, что я распорядился.

И, не слушая моих благодарностей, он вошел в барак и исчез в его недрах. Я заторопился к машине. Офицер махнул пограничникам рукой, я нажал на газ.

Город Западной Африки многообразен иначе, чем город Европы. Если смешение черт в облике европейского города часто возникало в результате наслоения сти-

лей различных эпох — от романских базилик и готических храмов до небоскребов, то каждый большой город Западной Африки многолик и потому, что в нем скрещиваются различные национальные и культурные традиции самого континента, и потому, что в его архитектуре и планировке по сей день запечатлено длительное господство Европы над Африкой.

Таковы Дакар, Абиджан, Аккра и даже маленькие Ниамей и Ломе. Но ни один из них не может сравниться с Лагосом. Лагос — это море, в которое, подобно рекам, вливаются потоки уходящих из деревни крестьян — йоруба, фулани, хауса, ибибио и многих других населяющих Нигерию народностей.

Приближение к Лагосу чувствуешь задолго до того, как дорога превратится в улицу. Постепенно на узком шоссе возникает все больше машин. Все более частыми становятся рекламные щиты с призывами пить пиво «Гинесс» и пользоваться шинами «Данлоп». Лес редееет, и через несколько минут невозможно различить, где кончаются пригороды и начинается нигерийская столица. Лишь услышав гудки кораблей в лагуне, увидев подъемные краны порта, говоришь себе:

— Вот и Лагос!

В прошлом Лагос наряду с расположенным дальше на восток Калабаром был центром бойкой торговли рабами. В те давние годы статистики не существовало, и можно спорить, сколько тысяч человек было вывезено через Лагос в Америку. Известно только, что по сей день среди негров Кубы, Бразилии и ряда других южноамериканских стран распространены традиции, культура, религиозные верования йоруба, живущих в Западной Нигерии, и в частности вокруг Лагоса. Многие из потомков этих рабов во второй половине XIX века вернулись на родную землю и в свою очередь принесли с собой латиноамериканскую культуру. На старых улицах столицы сохранилось немало домов, словно перенесенных целиком из Бразилии.

Чем больше узнавал я федеральную столицу, тем более интересным становился в моих глазах этот город. Моим «гидом» стал студент Ибаданского университета Уильям, с которым я встретился у общих друзей. Жизнерадостный и неутомимый, он показал мне родной город во всем многообразии его контрастов.

Самый зеленый район Лагоса, конечно, Икойи. Уильям рассказывал, что еще в начале века эта часть города была выбрана европейцами, желавшими жить «в стороне» от африканцев. И сегодня за пышными кронами усыпанных желтыми, красными, голубыми цветами деревьев стоят в надменном удалении один от другого, среди зеленых лужаек роскошные особняки вчерашних владык страны. Эти люди еще могут скрываться в скорлупе своего богатства, но и они видят, что скорлупа эта треснула.

Мне хорошо запомнилась сцена, увиденная в Исале-Эко — старейшем районе столицы.

Как непохож этот район на Икойи! Вместо плавательных бассейнов — широкая мутная лагуна, вместо зелененьких площадок для гольфа — сырые и темные дворы, окруженные слеplенными из глины и гофрированного железа домами. Насколько Икойи выглядит безлюдным и тихим, настолько бурлят жизнью, взрываются многоголосым шумом тесные улицы Исале-Эко.

Мы оказались здесь с Уильямом уже к вечеру, в тот короткий час, когда солнце словно замирает над горизонтом, прежде чем раствориться в густой белой дымке. В районе происходил митинг. Вытащенный из соседнего дома стол служил импровизированной трибуной для молодого оратора, обращавшегося к народу с темпераментной речью.

Уильям переводил:

— Он говорит, что большой победой был разрыв англо-нигерийского военного соглашения.

— Он повторяет, что нужно не ослаблять борьбы против пережитков колониальной зависимости.

Речь звучала взволнованно, текла стремительно, и Уильям не всегда успевал перевести с языка йоруба на английский острые фразы оратора. Я напряженно всматривался в окружавшие трибуну лица. Вся узкая улица была запружена народом. Плечом к плечу стояли рыбаки с лагуны и грузные уличные торговки, базработные с далекого севера и мелкие чиновники в белых рубашках с черными бабочками.

Они молчали. Словно из-за тридцати земель доносились клаксоны автомашин, гудки пароходов, но на самой улице царила безмолвная тишина. Ясно и четко звучал голос молодого оратора. Молодые и старые, де-

вичьи и мальчишеские глаза были устремлены на оратора и вспыхивали, когда он с яростью обрушивался на врагов своего народа.

Это было безмолвие высокого накала.

Однажды после обеда я отправился из своей гостиницы в кварталы, окружающие дворец обы — традиционного вождя города.

Узкие улочки старых кварталов Лагоса мало чем схожи с роскошными проспектами у здания федерального парламента, у богатых английских магазинов центра, у небоскребов, занятых банками и страховыми обществами. Там, в центре, жизнь замкнута в бетонных клетках, тогда как из темных, перенаселенных домишек старых кварталов она выплескивается на мостовые — на тротуары, где спят босяки, к колонкам, где женщины стоят в очереди за водой, обсуждая домашние новости, во всегда шумные и грязноватые бары. Машины стараются не заезжать в этот лабиринт, и на улицах ничто не мешает ребятишкам играть в местный вариант «казаков-разбойников» или гонять «в футбол» ржавые консервные банки.

В местных лавочках всегда широко распахнуты двери. За прилавками обычно стоят ребята лет двенадцати-четырнадцати, тогда как сам хозяин беседует с клиентами поважнее, занимается переговорами с поставщиками и кредиторами либо же просто спит где-нибудь на дворе в кресле помягче. У этих мелких магазинчиков нет сколько-нибудь заметной специализации, и аспирин продается там же, где и масло, гвозди могут лежать рядом с пачками сахара. Покупателей никто не зазывает, но во многих лавочках включены радиоприемники, и к передачам последних известий стекается народ. Интерес к политике силен в Лагосе едва ли не у каждого горожанина.

И люди здесь на редкость дружелюбны, общительны и гостеприимны. Как ни запутанны здешние улочки, заблудиться невозможно. Первый прохожий, если знает английский, объяснит, как найти нужное направление, а если на английском не говорит, проводит сам. Здесь много бедных, но совершенно нет нищих, и когда заходишь в бар выпить бутылку воды, то скорее тебя уго-

стят, не жалея последнего шиллинга, чем будут кланяться подаяние.

Иногда на этих улочках можно стать свидетелем странных зрелищ. Как-то раз на одном из перекрестков неподалеку от дворца обы я увидел большую и плотную толпу людей. С трудом пробившись в центр, я привлек внимание молодого парня, видимо, своего рода распорядителя, который извлек меня из толпы, где-то раздобыл деревянную скамейку и усадил на нее посреди мостовой, сказав, что сейчас будут танцевать две маски. Сначала я как-то не заметил, что вокруг меня сидят одни женщины, но, заметив улыбки на лицах стоявших поодаль мужчин, я спросил у соседки, в чем дело. Смущенно улыбаясь, она ответила, что танец масок имеет значение. У его зрительниц будет много здоровых и красивых детей. Под общий смех я не медля перебрался на мужскую половину площадки.

Вдруг откуда-то из толпы выскочили две маски и три музыканта. В лихорадочном ритме закружились маски перед толпой. Под бурой тканью, увешанной потремужками, фигуры танцоров были полностью скрыты, к щиколоткам их ног прикреплены большие железные колокольцы. Сами маски были совершенно одинаковы, — покрашенные коричневой краской, они поблескивали на солнце, пугая зрителей своими вылезавшими из орбит глазами.

Эта неожиданная встреча доставила мне особенное удовольствие.

Я искал в местном фольклоре, в культуре крупнейшей народности Западной Нигерии — йоруба черты, которые помогли бы мне понять достижения мастеров Ифе и Бенина. В музее Нигерии, находящемся недалеко от здания парламента Федерации, выставлена одна из работ, найденных в Ифе, и несколько великолепных бенинских бронз. Ни одна из самых тщных фотографий не может воспроизвести их очарование, и первая непосредственная встреча с древним искусством Западной Нигерии с новой силой побуждала глубже знакомиться с народным изобразительным искусством этого края. Ведь существует связь между творчеством народа и творчеством мастеров двух нигерийских городов.

Национальный музей в Лагосе украшен работой скульптора Энвонву

Лес начинается сразу же за Лагосом. У дороги широкие листья бананов, пушистые кущи бамбука и какие-то колючие кустарники часто образуют столь плотную зеленую стену, что, кажется, через эти заросли и мышь не проскочит.

Временами лес расступается, светлеет. Среди редко разбросанных деревьев-гигантов тянутся плантации какао. Там поблескивают золотом крупные плоды.

Залиты солнцем прозрачные рощи деревьев кола. У некоторых народов они считаются священными, и повсюду на африканском западе поднесение в подарок лунцовых орехов кола считается знаком высокого уважения. Жених преподносит эти орехи отцу невесты, младший — при встрече старшему. Еще несколько столетий назад караваны носильщиков доставляли отсюда на север мешки кола, а сегодня в том же направлении с тем же грузом тянутся маленькие синенькие грузовички торговцев-хауса. На пахучих деревенских рынках вдоль дороги десятки наполненных орехами корзин ждут отправки в города и деревни саванны и сахеля — этой полупустыни у южной границы Сахары.

Я знаю, как африканцы любят свой лес. Мне пришлось слышать чудесные описания его красоты, его силы, его тайн. Лес богат, он многое отдает человеку.

Но я не мог и не могу его полюбить. В его чащобах тесно солнечному свету. Просторы саванны, изумрудной после летних дождей и серой, поблекшей после январских и февральских суховеев, мне всегда были ближе, роднее.

Меня преследовала мысль, что рождение в глуши тропического леса, пожалуй, самого жизнеутверждающего искусства Западной Африки — скульптуры Ифе — является странным парадоксом.

Хотя разве мало парадоксов в истории искусства любой страны?

Ибадан, административный центр Западной Нигерии, находится на полпути из Лагоса, в Ифе. Никто не знает точно, каково население этого основанного несколько веков назад изгоями из соседних княжеств йоруба города, но все единодушно признают его крупнейшим в Западной Африке. Было просто невозможно не задер-

жаться в Ибадане, не вслушаться в неумолчный голос его улиц и площадей, не всмотреться в его черты.

В гостинице, где я остановился, мне рассказали, что на окраине города на холме стоит башня, с которой взглядом можно окинуть весь город. Действительно, с башни открывалась изумительная панорама Ибадана. С одной стороны виднелись среди леса многоэтажные белые корпуса местного университета. А ближе, сразу же у основания башни, начинались крыши Ибадана. Ржавые, потемневшие от пыли, они волнами уходили вдаль, где высился могучий небоскреб «Дома какао», самого высокого здания Нигерии. Этот монумент нарождающемуся богатству местной буржуазии одиноко возвышался среди однообразных, в своем большинстве глинобитных домов столицы йоруба. В их красноватой, бурой массе было невозможно различить улиц и площадей, и только отдельные зеленые пятна деревьев как-то задерживали взгляд.

Когда-то Ибадан был республикой в окружении деспотических монархий, островком свободы в океане порабощения и тирании. Двери города были широко открыты для всех, кто хотел уйти от самодурства вождей или вырваться из душливой атмосферы деревенской общины. Здесь народом была выработана своеобразная система внутреннего самоуправления с многими чертами первобытной демократии. Бале — верховные вожди возглавляли Ибадан в мирные дни, тогда как балогун — военный вождь сменял бале при угрозе вражеского нападения. За вождями пристально наблюдали тысячи глаз, и они могли быть смещены при грубых злоупотреблениях народным доверием.

Своими чертами — вольницей, необузданной энергией предпринимательства, терпимостью к инакомыслящим и инаковерующим Ибадан отдаленно напоминал наш средневековый Новгород. И улицы его были домом для людей всех национальностей, населяющих Нигерию. Спустившись с башни, я пешком добирался до городского центра и по дороге видел хауса и фулани в их белых и голубых халатах, ибо в рубашках из пестрой ткани, женщин йоруба, завернувшихся в громадные куски темно-синей ткани. Десятки языков и диалектов переплетались вокруг с громкой речью йоруба.

В Лагосе мне дали перед отъездом адрес учителя

одной из ибаданских школ Джона М. С большим трудом я разыскал его и пригласил вместе поужинать.

Джон был уроженцем небольшой деревушки в окрестностях торгового центра Восточной Нигерии города Онитша. Его родным языком был ибо, и мне было интересно узнать, как ему живется и работает среди йоруба. В западной печати часто встречались статьи о растущей враждебности в отношениях между различными народностями страны, или племенами, как их презрительно называли западные журналисты. Я надеялся узнать, где правда и ложь в том, что писалось о национальном вопросе в Нигерии.

Мой новый знакомый оказался откровенным человеком. И думающим.

— В школе у меня прекрасные отношения с коллегами, — говорил он. — Хорошо относятся ко мне и ученики. Но, видите ли, на моем примере нельзя судить о проблеме, которая вас интересует. В школе меня давно знают и поэтому думают обо мне прежде всего как о человеке, забывая о моей национальности. У меня есть много личных друзей среди йоруба вне школы, и опять-таки моя национальность несколько не мешает нашей дружбе.

Замечание Джона действительно было справедливым. Хорошие либо плохие отношения между отдельными людьми различной национальности отнюдь не могут характеризовать общий климат, общую атмосферу национальных взаимосвязей. В Нигерии это правило сохранило свою силу, как и в любой иной стране мира.

Наш разговор повернулся в новое русло. По статистическим справочникам мне было известно, что пятидесятипятимиллионное население Нигерии насчитывает десятки различных этнических групп. Ибибио, иджо, эфик, йоруба, канури, хауса, фулани, нупе и много-много других. Каковы же отношения между ними? Действительно ли единство Нигерии не имеет реальной основы?

Слушая мои взволнованные вопросы, Джон улыбался. Вероятно, ему они казались наивными, поверхностными. И чуть менторским тоном он заметил:

— Прежде всего я хочу привлечь твое внимание к различию между национальными и племенными конфликтами, что обычно путают европейцы. Посмотри на йоруба. В их среде еще сохранились, правда второсте-

пенные, племенные различия — между ойо и эмба, например. Конечно, йоруба в целом — это уже нация, но и о племенных пережитках в их среде не следует забывать.

Джон рассказывал, сколь сильным остается влияние племенных взглядов и традиций на поведение нигерийцев. Он вспоминал истории назначения на видные посты людей, чьи заслуги сводились к одному — они принадлежали к тому же племени, что и министр. По словам Джона, в Ибадане были известны случаи, когда полицейские покрывали преступления, совершенные их соплеменниками. Он говорил и о соперничестве за влияние в крупных промышленных корпорациях между группировками, сколоченными по признаку родства или общего племенного происхождения.

— Мы называем все эти черты нашего быта трибализмом, — объяснял Джон. — Трибализм, подобно яду, отравляет наше общество, сея недоверие, взаимную подозрительность, отчужденность.

Я спросил учителя, в чем же проявляется национализм.

— Если бы вы жили в Нигерии последние пять-шесть лет, то не задали бы этого вопроса, — вздохнул Джон. — Я сам слышал, как один из замечательнейших сынов моего родного народа утверждал на митинге, что ибо — народ избранных, призванный богом на землю, чтобы вести за собой Африку. Я был на митинге и здесь, в Ибадане, и видел другого политического деятеля, который утверждал, что предок йоруба — само божество. В ответ раздавались восторженные крики одобрения.

По мнению Джона, в Нигерии сформировались нации, гордящиеся своей культурой, своим прошлым, ревниво относящиеся к соблюдению своей полной независимости от соседних народов. В то же время история страны складывалась так, что народы южных областей не чувствовали себя хозяевами собственной родины. Сначала в Нигерии правили англичане, а уходя, они передали власть эмирам и султанам Северной Нигерии. Это не могло не оскорбить национального чувства южных народов.

Я внимательно прислушивался к словам Джона. Он вспомнил, как еще при англичанах совершил поездку на север Нигерии к своим родственникам. Они владели

скромной лавчонкой в пригороде города Кано Сабон Гари. Пробыв с ними около двух недель, Джон почувствовал, что северян хауса и фулани натравливают на его соплеменников, выставляя их кровопийцами — ростовщиками, иноверцами.

— Мне стало просто страшно за своих близких, — говорил Джон. — Я умолял их уехать, вернуться на юг. Но лавка — их единственное средство к существованию.

Он задумался, потом заметил:

— Я с ужасом думаю о том дне, когда этой ненависти будут развязаны руки. Начнутся погромы, прольется кровь...

Тем вечером ни Джон, ни я еще не знали, как близок был этот день. Ныне Нигерию сотрясают толчки разбуженного национализма и религиозного фанатизма. Само будущее страны в опасности.

Было поздно, когда Джон поднялся, чтобы отправиться к себе. Я предложил подвезти его на машине, и он согласился.

Ночной Ибадан сказочен. Его темные улицы были полны жизни. Откуда-то неслись звуки барабанов, пение.

— Какая-то семья совершает свои родовые обряды, — предположил Джон.

То здесь, то там мелькали ярко освещенные бары и рестораны, у которых толпились люди, шумели голоса. Кое-где на мостовых еще сидели торговки с грудями апельсинов и бананов в эмалированных мисках. Иногда при нашем приближении в проулках скрывались подозрительные тени.

— Ибадан — великий город, — высказывал свои мысли вслух Джон. — У него большое будущее. Я верю, что наступит день, когда исчезнут эти лачуги, когда люди получат возможность жить по-человечески.

У дома на городской окраине мы расстались.

Утро следующего дня оказалось ясным, солнечным. На ярко-зеленой листве росших вокруг гостиницы китайских роз, на их пунцовых цветах сверкали крупные капли росы. Странное для Западной Африки ощущение, — воздух казался свежим, легкий утренний ветерок — прохладным.

На террасе гостиницы подавали завтрак — неизбежную яичницу с ветчиной, овсяную кашу с молоком, под-

жаренные хлебцы, кофе, джем — английская традиция господствовала здесь безраздельно, словно в Африке было вредно есть африканские блюда. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и я смиренно подчинился официанту, поставившему на мой стол полные тарелки и чашки.

Надо сказать, что иностранцу, не имеющему в Африке хороших друзей и вынужденному питаться по ресторанам, вряд ли вообще удастся где-нибудь познакомиться с африканской кухней. Даже в Аккре с ее культом национальных традиций не было ни одного приличного ресторана, где бы можно было заказать лучшие местные блюда. В Лагосе есть масса английских, французских и даже индийских ресторанов, но нужно идти в так называемый «чоп-бар», или, иначе, харчевню, чтобы попробовать жалкий суррогат нигерийского гари в остром соусе, плохо испеченные бананы, безвкусный рис. Колонизация не оставила в покое даже местные гастрономические традиции, и только приглашенному в африканскую семью удастся открыть древние тайны национальной кухни. А они стоят многого!

В Ифе я приехал после полудня. На небе не было ни облачка, и когда из-за расступившегося леса показался город, мне почудилось, что он буквально захлебывается в солнечном сиянии. Каждая жестянка на пыльной мостовой, каждый кусок стекла в окнах, алюминий на крышах были подобны мощным прожекторам, бьющим прямо в глаза. Нужно было некоторое усилие, чтобы различить, как, в сущности, невелик сам город и скромны городские здания.

Найти музей оказалось нетрудно. Его своеобразное, напоминающее старые русские усадьбы здание находилось на невысоком пригорке и как своим расположением, так и стилем резко выделялось из массы остальных городских строений. С волнением поднялся я по ступеням. За стеклянной входной дверью музея угадывался большой полутемный зал.

Там на высоких пилонах были расставлены бронзовые, потемневшие от времени фигуры. Собственно, это были великолепные портреты давно исчезнувших людей. Здесь же можно было видеть выполненные в чуть розовой терракоте скульптуры, художественными достоинствами не уступавшие бронзовым.

Эти бронзовые головки — гордость музея в Ифе

Среди терракот мне особенно запомнились две. Одна из них, обнаруженная при раскопках в священной роще Ивинрин, изображала голову молоденькой девушки. У нее был нежный, мягкий овал лица и еще по-детски припухшие, полные губы. Все лицо покрывали идущие параллельно от висков к подбородку линии скарификаций — шрамов, указывающих на племенную принадлежность. Но эти линии не уродовали лица, а напротив, как бы подчеркивали его природное изящество. Чуть раскосые глаза доверчиво вглядывались в мир.

Столь же поэтичен, чист был второй образ — образ юноши. Эта терракота из святилища бога Олокуна Валоде сохранилась плохо. Время пощадил только лицо. Сколько в нем человеческой доброты, мягкости! Благородный высокий лоб, снова чуть раскосые глаза с прямым, открытым взглядом — каждой своей чертой скульптура говорила о красоте молодости, о радости жизни.

Выразительны и бронзовые головы, восхищающие и проникновенностью своего реализма, и завершенностью, и техническим совершенством исполнения. Покрытые зеленовато-черной патиной, эти головы кажутся живыми в полумраке музейного зала.

Я долго любовался одним из женских портретов. Простое, пожалуй, заурядное лицо, какие тысячами и сегодня встречаешь на улицах нигерийских городов. И пусть головное украшение говорит о высоком общественном ранге этой женщины — возможно, жены одного из них, вождей Ифе, — она женщина из народа, и ее скромная, незаметная поверхностному взгляду красота — это красота лучших женщин страны.

Сейчас найдено более двадцати бронзовых голов, и восемнадцать из них находились в этом зале. Они и обнаружены были одновременно, когда в 1938 году на дворе они Вунмонидже было начато строительство нового дома. Какая случайность собрала вместе все эти сокровища искусства на дворе Вунмонидже, где они были завалены рухнувшей стеной и совершенно забыты? Наверное, никогда не удастся ответить на этот вопрос.

Едва ли не все, писавшие о бронзах Ифе, отмечали поразительное единство их стиля. Собственно, это было одной из причин возникновения самых фантастических гипотез о происхождении этих бронз. Писалось о связи

искусства Ифе с культурой этрусков XV века до н. э., о его египетских, персидских и даже индийских корнях. Предполагалось, что эти бронзы могли быть созданы бродячим греком, римлянином или скульптором эпохи Возрождения. Поистине взбудораженное великим открытием воображение историков занесло их в столь далекие заоблачные выси, что никакие принципы трезвого научного исследования уже не могли их там догнать и остановить.

Трудно отказаться от мысли, что большинство находок у Вунмонидже принадлежат одному мастеру. Трудно допустить, что, скажем, два скульптора могли бы воспроизвести манеру один другого с такой точностью и таким полным отрешением от собственной индивидуальности. Искусствоведы обращают внимание и на общую для всех скульптур некоторую условность в изображении глаз, ушей, шеи, подчеркивают сходство замысла и самой техники исполнения различных бронз.

Когда я был в музее, еще одна черта, общая для всех выставленных бронз, привлекла мое внимание. Меня заинтересовало, что все скульптуры представляли человека в минуту наивысшего душевного покоя. Конечно же, это не было случайностью. При своем большом таланте и отточенном мастерстве художник мог бы передать любое душевное состояние, и если из всей гаммы человеческих настроений он выбрал только одно, то здесь чувствуется какая-то особая идея, глубокая мотивированность.

Мне вспоминается предположение одного из ученых, что бронзы Ифе создавались в память об умерших и связаны с распространенным среди йоруба культом предков. Это очень вероятно, ибо и по сей день значительная часть деревянных скульптур йоруба отражает этот древний, известный всей Западной Африке культ. А тогда многое становится понятнее и в настроении, с которым скульптор создавал свои великолепные портреты. В религиозной оболочке древнего верования скрывались присущие нигерийскому крестьянину и уважение к человеку вообще, и его любовь к жизни, и его человечность. Не эти ли чувства воодушевляли неизвестного мастера?

Я вышел из музея. Внизу — шумный перекресток, несколько лавчонок. За улицей, на соседнем пригорке,—

двор нынешнего князя — они, его светлый, белый дом. Внизу продолжалась жизнь, пришедшая сюда много веков назад. Оскудел ли ее поток, оставит ли и он после себя что-то такое, перед чем в изумлении будут останавливаться люди?

Талант народа не исчезает.

Рядом с музеем находится массивный, сложенный из красного кирпича дом туземного суда. Он построен на месте, где когда-то стояло деревянное судебное здание, от которого остались только деревянные столбы, поддерживавшие крышу. Эти столбы весьма интересны. Над каждым из них немало поработал какой-то неизвестный резчик, вырезавший в традиционном стиле йоруба связанные по вертикали человеческие фигуры. Каждый столб был пестро раскрашен в местной манере. Их прубыми железными скобами прикрепили к колоннам портика нового судебного помещения.

Когда я рассматривал с камерой в руках эти своеобразные скульптуры, ко мне подошли несколько полицейских и попросили их сфотографировать. Отказать этим веселым, добродушным парням было невозможно. Не прошло и секунды, как они выстроились в смеющийся ряд. Я хотел уже снимать, как сзади раздался голос:

— Подождите, подождите!

Из здания суда к нам торопливо шагал довольно грузный мужчина в национальном костюме. При его приближении полицейские подтянулись, посерьезнели. Но мужчина был явно в хорошем расположении духа.

— Сфотографируйте и меня вместе с ними, — обратился ко мне мужчина. — Я принадлежу ко двору князя, полицейские — наша опора, — захохотал он.

После того как я снял несколько кадров, полицейские, поблагодарив, разошлись. Мужчина остался.

— Я вижу, вы приезжий в Ифе. Не могу ли я, как старожил, быть полезен? — сказал он.

Услышав, что мне хотелось бы посмотреть работы местных ремесленников, мужчина улыбнулся:

— Очень удачно. Мой племянник занимается резьбой по дереву. Мы пойдем к нему. Но сначала прошу заглянуть в мой ресторан. Вы освежитесь и отдохнете.

На машине мы за несколько минут подъехали к одноэтажному, вытянувшемуся вдоль улицы зданию, где

находился ресторан моего нового знакомого. Слева находилась стойка и холодильник, справа стояли столики. Через зал мы прямо прошли на цементированный двор, где также было несколько столиков, а на стене дома висел довольно большой динамик, к счастью, молчавший. Хозяин явно гордился своим заведением. Усадив меня во дворе в тени, где было попрохладнее, он сам достал из холодильника пару бутылок пива и попросил появившуюся девушку принести какое-нибудь угощение.

Давно ли я в Нигерии? Как мне понравился Ифе? Что повидал я в городе? — спрашивал меня хозяин. Но и сам охотно рассказывал и о своем скромном деле, и о городской жизни.

— Падает влияние вождей, молодежь развращена и не слушает стариков, — качал он головой. — Наступают трудные времена. Ведь кто, как не мы, поддерживает вот уже многие века порядок на этой земле?

Он с горечью взглянул на меня.

— Вам, впрочем, далеки наши дела. Может быть, навестим моего племянника?

Мы шли довольно долго какими-то дворами и улочками, пугая дремавших в пыли кур. Наконец, перед нами оказался глинобитный дом под соломенной крышей. Оконные проемы без стекол были полуприкрыты деревянными ставнями.

— Подождите меня минутку, — повернулся ко мне мой спутник. — Я сейчас же вернусь.

И исчез в доме.

Но ненадолго. Через минуту я услышал звавший меня голос, и в двери появился мой знакомый. В доме после залитой солнцем улицы казалось темно, и я сразу же споткнулся о стоявший у входа стул. Через комнату прошмыгнули две молоденькие девушки, быстро, с любопытством взглянув на меня.

Племянник оказался совсем молодым парнем, с глубоким почтением относившимся к своему дяде. Он проводил нас на внутренний двор и усадил в кресла.

— Дядя сказал мне, что вы хотите посмотреть мои изделия, — сказал парень. — Сейчас я их принесу.

Когда он появился снова, то держал в руках целую грудку разнообразных деревянных фигурок. Расставив их очень бережно перед нами, он отошел в сторону.

Здесь были и лодки с гребцами, и ребятишки, залезающие за орехами на пальму, и идущие по лесу охотники. Фигурки были аккуратно вырезаны из светлого мягкого дерева и, несмотря на свою миниатюрность, выглядели как живые. Старик дядя с любовью глядел на эти работы и рассказывал, что они пользуются очень большим спросом у торговцев, которые заваливают его племянника заказами. Заказы поступают даже из Лагоса, горделиво заметил дядя. Я припомнил, что действительно видел в Лагосе что-то похожее у уличных торговцев «сувенирами».

Было очевидно, что паренек не лишен ни дарования, ни вкуса. В то же время я видел, что его работа совершенно не связана с местной художественной традицией, а предназначена для европейца и подсказана его запросами. Глядя на расставленные и разложенные вокруг изделия, я поражаюсь быстроте, с какой африканские ремесленники улавливают требования нового рынка и применяются к ним. Этот паренек не единственный, кто все свое творчество подчинил спросу европейских туристов. В Аккре предприимчивый бизнесмен открыл целую фабричку,

И сегодня нигерийские скульпторы режут статуэтки вроде этого странного всадника из музея в Лагосе

где серийно выпускаются понравившиеся приезжим черные куколки «акваба». На Береге Слоновой Кости, в окрестностях города Корого, действуют целые артели деревенских скульпторов, изготавливающих маски в традиционной манере и даже разработавших «технология» их старения. Рядом с Браззавилем существует целая деревушка, живущая резьбой по черному дереву для туристов.

Хорошо это или плохо? Однозначным ответ быть не может. Хорошо, что сотни, а может быть, и тысячи людей нашли для себя более или менее постоянный источник заработка. Хорошо, что они занимаются в общем-то творческим трудом, и я думаю, что из их среды могут вырасти при благоприятных условиях подлинные художники. Но плохо, если постепенно будут полностью перечеркнуты многообразные традиции и стили народной скульптуры, если будут стерты и обесцвечены столь яркие, своеобразные «школы» скульптуры, как у йоруба, бамбара и других африканских народов. А эта опасность вполне реальна.

Купив несколько фигурок, я попрощался с гостеприимным дядей и его племянником.

Как гласит предание, один из вождей Бенина, царствовавший около пятисот лет назад, пригласил в свою страну мастера из Ифе, чтобы научить бенинцев благородному искусству бронзового литья. Сейчас я ехал из Ифе в Бенин, наверное, тем же путем, которым следовал мастер: через густой лес, меж зеленых холмов. Часто дорогу пересекали речки и ручейки с черной прозрачной водой.

Удушливая сырость джунглей окутывала пушистые масляные пальмы, бесконечно длинные лианы и роши «каучуковых деревьев». В этих краях начинало временами казаться, что действительно живы тысячи богов, в которых верят здешние жители.

В глухой деревушке, расположенной на берегу реки, где я остановился выпить воды, я, между прочим, спросил у подошедшего крестьянина, много ли в реке крокодилов.

— Много, но днем они прячутся в тростниках.

— Вы охотитесь на них?

— Нет, нет, — возбужденно забормотал крестьянин. — Они священны. Никто не рискнет нарушить их покой.

— А они на людей не нападают?

— Нет, — оборвал разговор крестьянин и отошел.

Мастер-скульптор шел, вероятно, несколько недель, прежде чем достиг Бенина, а сегодня расстояние между двумя городами сократилось до четырех-пяти часов езды машиной. Неожиданно из-за холма показался город. Это и был Бенин.

В дороге мне вспомнился миф, рассказывающий об основании этого города младшим из сыновей верховного божества Осанобуа. Вместе со своими братьями, среди которых были первые вожди Ифе и других королевств Йоруба, он был послан отцом в мир. Каждому из детей Осанобуа позволил что-нибудь взять с собой. Один выбрал богатство, другой — тайны магии, а младшему из братьев его друг птица подсказала попросить раковину улитки. Когда братья спустились на землю, оказалось, что она покрыта водой. И снова птица пришла на помощь своему другу. По ее совету он перевернул раковину, и оттуда посыпался песок, образовавший сушу. Первый оба Бенина стал ее владельцем, и старшим братьям пришлось обменять у него свои богатства на клочок земли для поселения. Так, несмотря на свой возраст, младший из сыновей Осанобуа стал самым богатым и могущественным правителем, а основанный им Бенин — сильнейшим из государств.

«Что сохранилось из воспетого легендой бывшего величия города?» — спрашивал я себя, подъезжая к Бенину.

По статистическим справочникам, в городе живет свыше пятидесяти тысяч человек. Но территория Бенина велика, а его улицы столь многолюдны, что эта цифра кажется заниженной. Большинство домов построено из красной местной глины. Пологие крыши из алюминиевых листов или пальмовых ветвей защищают красные земляные стены от ударов тропических ливней.

Впрочем, до сезона дождей было еще далеко. Стояла сухая, жаркая погода.

Вечером в день приезда я познакомился в гостинице с Джоном Олафоре. Сам он был уроженцем Ибадана, но город и знал и любил. Ему в очень высокой сте-

пени была присуща характерная для многих нигерийцев черта — радушная приветливость, гостеприимство. Мне думается, он был бы искренне огорчен, если бы не смог показать гостю что-то, на его взгляд, важное и интересное.

— Сначала я предлагаю побывать у дворца вождя всех бенинцев — обы Акензуа II, — обратился ко мне Джон на созванном нами в холле гостиницы совете. — Это центр города, да и символ прошлых традиций. А может быть, удастся увидеть и самого обу.

Намеченную программу мы начали осуществлять с раннего утра, но к дворцу обы добрались только около II часов. Слишком много интересного встретилось по дороге: и небольшие мастерские-коптильни по обработке добываемого в окрестных рощах каучука, и рынок с его пестрым богатством тканей, фруктов, пряностей, и торговцы «древностями», изготовленными по особым рецептам не больше недели назад.

Пожалуй, дворец был самым заурядным из того, что мы уже видели этим утром. Собственно, было трудно и назвать дворцом низкое глинобитное здание, вытянувшееся метров на пятьдесят вдоль площади. В его стене были прорезаны узкие щели дверей, и у одного из входов стояла слепленная из глины фигура вождя в парадных одеждах. Стену украшал барельеф, но, сделанный из глины, он был почти совершенно стерт прошлогодними дождями.

Действительно интересными были люди.

Во дворец и из дворца шли древние старухи со сморщенными, как сушеные груши, лицами, приближенные обы, высокомерно равнодушные к раболепствующим, преклоняющим перед ними колена просителям. И здесь же играли ребятишки, чей веселый шум заставлял забывать об окружающих дворец тенях прошлого.

Я заметил, что многие из идущих к обе имели небольшие браслеты или ожерелья из коралловых бусин. Шеи особенно напыщенных придворных опутывали целые ряды коралловых нитей.

Джон объяснил, что только члены королевской семьи имеют право носить эти украшения.

— Теперь это демократическая семья, — с усмешкой заметил он, показывая на бегающих вокруг ребятишек с розовыми браслетами. — Раньше же по всей Нигерии

не было более отгороженного от народа двора, чем двор бенинского обы.

— Какова же нынешняя роль вождя? — спросил я.

— Конечно, в глазах многих он еще пользуется авторитетом. Но власти у него больше нет. Главные его обязанности — судейские. Он решает дела о наследстве, браке и разводе, нарушениях земельной собственности, опираясь на традиционное право края.

В одной из книжных лавок города мне попала небольшая книжичка с обложкой, украшенной старинной голландской гравюрой Бенина. Это была «Краткая история Бенина», написанная членом королевского общества дома Ивебо Джекобом Эгаревба. С помещенной в начале книги фотографии на читателя смотрит сам автор, полный, еще не старый мужчина в национальном костюме, увешанный нитями коралловых бус.

Вернувшись в гостиницу, я провел несколько часов за чтением этого любопытнейшего труда. На какие источники опирался автор? В своей предисловии он ссылается на летописцев и почитателей покойных князей — ихогбе, на королевских бардов — огбелака, на королевских кузнецов — игун-еронмвон и тому подобные традиционные авторитеты. Соответственно, в самой книге перемешаны легенды и истинные факты, религиозные поверья и точные наблюдения. Одно казалось забавным, другое — страшным.

По мнению Эгаревба, возникновение бенинского государства относится примерно к 900 году. Но откуда пришли бини? Автор пишет:

«Много-много лет тому назад бини прошли долгий путь из Египта, чтобы основать более надежное убежище в этой части мира после краткого пребывания в Судане и Ифе, которое народ Бенина называет Юхе. Прежде чем поселиться здесь, из Ифе сюда была послана группа охотников осмотреть земли. Их отчет был весьма положительным. Традиция говорит, что они встретили людей, которые осели в этих местах до их прибытия. Об этих людях говорят, что первоначально они пришли из Судана».

Книга начинается как сказка, какие можно услышать при дворах вождей от хранителей древних преданий. Удивительно, как часто в воспоминаниях африканских народов повторяется миф об их происхождении

из Египта. Что это? Основанные на каких-то смутных реминисценциях о давнем великом переселении африканских народов предания либо полуподсознательное стремление возвысить собственную культуру и традиции связью с величием Древнего Египта? Не знаю. Но со сходными поверьями сталкиваешься и у йоруба, и у акан Ганы и Берега Слоновой Кости, и у многих других народов вплоть до Конго.

Первые правители Бенина носили титул «огисо». Известно, что их было тридцать один, но имена большинства забыты. Последний «огисо» был свергнут с трона и изгнан из города за дурное управление и в особенности за казнь двух беременных женщин, что, видимо, до предела возмутило бенинцев. Он умер в глубокой нищете в одной из соседних с городом деревень. Уже в те давние годы бини широко расселились по округе, положив основание многим деревням, городам и даже целым народам. И снова из прошлого всплывают легенды.

Эгаревба пишет, что в годы царствования последнего «огисо» с небес на холм Окедо начало спускаться громадное чудовище и живьем пожирать людей, идущих на рынок в Бенин. Неоднократно люди пытались убить чудовище, но усилия их были тщетны. Все в городе были охвачены страхом, пока не нашелся смельчак по имени Эвиан, который решился побороть зверя.

В рыночный день Эвиан пришел на холм с железным молотом, разжег костер, положил молот в огонь, а сам спрятался в кустах. Он долго ждал, и вот чудовище появилось. Оно раскрыло пасть, готовясь, как обычно, проглотить несчастных прохожих. Тут Эвиан выскочил из кустов, схватил раскаленный докрасна молот и бросил его в пасть зверя. Со страшным криком чудовище взмыло к небу, чтобы никогда больше не вернуться.

Подобными историями пересыпана вся первая часть книги. Читая Эгаревбу, я узнал, как появился у бини обычай татуировать на лице племенные знаки, как после долгой сумятицы и междоусобиц в конце правления последнего «огисо» бини пригласили правителей со стороны, из Ифе. Он с множеством невероятных деталей описывает правление первых оба — великих князей Бенина, их войны, династические распри, междоусобицы.

Но чем ближе к современности, тем отчетливее сквозь пелену мифов проступают реальные факты истории. Одно время Бенин охватывал огромную территорию от Нигера до границ нынешней Дагомеи. Это была деспотия, многими своими чертами напоминающая государства Древнего Востока. Обоожествленный государь был полновластным хозяином над имуществом и жизнью своих подданных. В страшных религиозных церемониях предавались смерти рабы и преступники, и могли считать себя счастливыми те, кого продавали торговцам, кого, подобно скоту, гнали в порты побережья. Для охоты за рабами развязывались все новые и новые войны, истощавшие страну и подтачивающие ее могущество. Бенин оказался как бы в порочном круге, из которого сменявшие один другого князья уже не могли вырвать страну.

При всем своем могуществе обы были вынуждены считаться с кликой окружающих трон вождей. Они не терпели ущемления своих интересов и, будучи недовольны князем, всегда находили средство от него избавиться. Эгаревба, сам вождь, с наслаждением описывает, как хитроумные придворные сместили с трона обу Ахенкпайе, весьма им досадившего. Однажды они сообщили этому князю, что по требованию оракула он должен лично принести жертвы богине Игбадон, иначе пострадает мир и богатство всего края. Легковерный оба немедленно отправился к находящемуся довольно далеко от столицы алтарю богини, а вожди тем временем возвели на престол другого человека. В спешке они даже не соблюли многих формальностей возведения на царство. К свергнутому князю был направлен посланец, сообщавший, что оба должен остаться жрецом при храме богини Игбадон. Хитрость вождей удалась полностью.

Трагичнейшим годом в истории государства стал 1897. 1 января этого года в Бенин выехал исполняющий обязанности генерального консула в Лагосе некто Филипс. Он был намерен потребовать от обы соблюдения подписанного еще пять лет назад договора о свободе торговли для европейцев в Бенине. О своем выезде консул поставил обу в известность уже в пути. В это время князь участвовал в религиозных празднествах, известных под именем «агуе», и по обычаю иностранцам было за-

прещено его видеть. Поэтому он через посланца попросил консула на два месяца отложить свой визит.

Консул пренебрег этой просьбой, и его довольно крупный отряд продолжал путь. Он сообщил обе, что должен немедленно встретиться с ним. Князь в конце концов согласился и направил нескольких вождей сопровождать белых людей до столицы. Но вожди не посчитались с приказом обы, а напали на отряд консула и почти полностью его истребили.

В Англии словно ожидали этого. Уже 10 февраля в Бенин была послана карательная экспедиция. Солдаты и вооруженные моряки под командованием адмирала Роусона двинулись с нескольких сторон на город. Они натолкнулись на ожесточенное сопротивление бенинцев, и некоторые из отрядов англичан были вынуждены отступить, понеся большие потери. Но общее техническое превосходство англичан было слишком велико. Город был подвергнут бомбардировке, подожжен и 17 февраля взят штурмом. Бенин горел до 21 февраля, четыре дня и четыре ночи.

Сам оба был схвачен, судим и сослан. Эгаревба рассказывает, что в Бенине существовало предание, будто бы один из князей государства погибнет от руки белого человека. Оно сбылось на судьбе последнего владыки независимого Бенина.

Княжеский дворец был разграблен солдатами. С его стен были сорваны украшавшие их бронзовые пластины, с алтарей похищены бронзовые скульптуры и изделия из слоновой кости. Часть княжеских богатств погибла в огне пожара.

С волнением читал я страницы книги Эгаревбы, посвященные этой трагедии. Пожалуй, во всей истории колониальных войн в Африке мало эпизодов, которые по своей варварской, бессмысленной жестокости могут сравниться с расправой над Бенином. Развертывая завоевание Нигерии, англичане, видимо, хотели на долгие годы внушить страх перед «белым человеком» в души туземцев. Но породили ненависть, которая и сегодня дает о себе знать.

Почти всю ночь провел я за чтением увлекательной книги, и утром Джон долго не мог меня добудиться. Если бы не его настойчивость, я, может быть, так и не побывал бы в Бенинском музее.

Как оказался непохож этот музей на музей Ифе! С болью я смотрел на небольшую собранную здесь коллекцию образцов бенинского искусства. Какие жалкие остатки богатств, разграбленных в 1897 году английскими солдатами.

Но и это небольшое было волнующе интересным. Я увидел пугающие бронзовые маски, выносимые в народ во время ежегодного праздника ямса. Было выставлено несколько бронзовых пластин, представляющих сцены из жизни города. Из-за стекол витрин на меня смотрели отлитые из той же бронзы пантеры. Некоторые из вещей серьезно пострадали во время пронесшихся над Бенином военных бурь, другие же сохранились превосходно и поражали тонким мастерством.

В моей памяти еще свежи были впечатления от встречи с искусством Ифе, и я невольно сравнивал достижения художников двух городов — Ифе и Бенина. И хотя существует неоспоримая и тесная преемственность между творчеством скульпторов Ифе и Бенина, в глаза бросались резкие контрасты.

Пожалуй, сама идея существования каких-либо связей между творчеством Бенина и Ифе показалась бы мне невероятной, если бы раньше, еще в Лагосе, я не видел древних бенинских бронз. В лагосском музее собрана небольшая, но поистине замечательная коллекция, и в частности там выставлен один из шедевров мировой скульптуры — бронзовая головка королевы-матери из Бенина. Эта работа предположительно относится к XV—XVI векам, и ее стиль родствен стилю терракот и бронз Ифе. В этом скульптурном портрете хорош не только трогательно поэтический образ молодой, нежной и чуточку беспомощной, несмотря на свой высокий сан, женщины. Покоряет и редкая гармоничность линий, их мягкий, спокойный ритм.

Но таково было искусство только раннего периода бенинского королевства. В последующие же века традиции гуманного и жизнелюбивого творчества мастеров Ифе забывались все основательнее.

Правда, в одном отношении местные скульпторы пошли дальше своих учителей. Они не ограничивались созданием портретных скульптур, а начали разрабатывать сложные композиции на бронзовых пластинах, обычно украшавших стены жилищ вождя и придворной

знати. Среди выбираемых ими сюжетов были сцены из жизни двора обы, танцы, эпизоды войны. На пластинах можно увидеть вождей в парадной одежде или воинских доспехах, придворных, португальских купцов и солдат, бывших частыми гостями в Бенине в XVI—XVII веках. Некоторые детали одежды, украшения изображены очень верно. В сущности, если бы была написана подробная история королевства Бенин, то эти пластины могли бы послужить великолепными иллюстрациями к некоторым ее страницам. Насколько пока известно, мастера Ифе никогда не охватывали жизнь столь же широко.

И вместе с тем очевидно, что в своем творчестве скульпторы Ифе были значительно свободнее, независимее, чем мастера Бенина. Последние с течением времени все в большей мере оказывались в плену нерушимых и мертвящих эстетических канонов. В догму были вновь возведены черты, которые характерны для религиозной деревянной скульптуры йоруба и от которых художники Ифе сумели освободиться.

Скажем, у йоруба вождь, как правило, изображается заметно крупнее своих подданных. На бронзовых пластинах оба много выше окружающих его придворных. В деревянной скульптуре пропорции человеческого тела обычно нарушаются, и громадная голова помещается на тонкое, узкоплечее туловище. Так же выглядят люди на бенинских бронзах.

Цех литейщиков был замкнутой корпорацией, выполняющей только заказы двора, и, естественно, навязанные бенинскими феодалами вкусы стали строжайшим эстетическим «кодексом» скульпторов-литейщиков. Самой большой потерей бенинского искусства явилось исчезновение из его поля зрения человека во всем его своеобразии. Да и как скульпторы могли создавать реалистические портреты, скажем, владык Бенина, если религиозные каноны запрещали бенинцам даже говорить об обе теми же словами, что о простых людях? Нельзя было сказать, что оба спит, ест или идет. Для каждого из этих случаев существовали особые, условные выражения.

Таким-то «условным выражением» бенинской жизни стала и скульптура. В целях навязанной феодалами и религией псевдоэстетики погибала не только индивиду-

альность отдельных художников. Из искусства исчез реализм, ушла сама жизнь. Холодом мрачной, угрюмо фанатичной фантазии веет от многих бенинских бронз.

На другой день я уезжал из Бенина. Сколько еще загадок скрывается за стеной тропического леса? Сколько новых открытий еще предстоит здесь сделать археологам, историкам, искусствоведам? Я уезжал с твердой надеждой снова увидеть и красные стены Бенина, и город четырехста одного бога — Ифе.

МИР НАД РЕКОЙ

Бенин после нескольких лет закулисных переговоров и политического торга был возведен в ранг областного центра, а окрестные земли, населенные говорящими на наречиях языка идо племенами, выделены в четвертую область Нигерии — Средне-Западную. От соседней Восточной области она отделена рекой Нигер.

Сейчас от дороги, обрывавшейся у реки, к городу Онитше, находящемуся напротив, построен прекрасный автомобильный мост. Мне пришлось переправляться на пароме, громоздком и медленном сооружении, тяжело осевшем в черную речную воду.

Нигер вблизи Онитши широк и полноводен. Нас ежеминутно обгоняли легкие, вырубленные из ствола пироги и массивные грузовые лодки в добрый десяток метров длиной. Они напомнили мне об английском путешественнике Ричарде Лендере, который на такой вот лодке добрался из Северной Нигерии до городов побережья и оставил увлекательнейшее описание своего полного опасностей путешествия. «Отравленный» великой рекой, Лендер вернулся из Англии несколько лет спустя и где-то в дельте Нигера погиб от предательского выстрела.

А сколько замечательных людей и до Ричарда Лендера отдали свои жизни этой реке? Долгое время Нигер был одной из самых трудных географических загадок, в Европе не знали, ни где начинается река, ни ее направления, и один исследователь за другим пытались проникнуть в тайну. Что влекло этих людей? Честолюбие? Жажда славы и почестей? Денежное вознагражде-

ние? Любовь к приключениям? Все эти причины кажутся смешными, если вспомнить, чем Нигер награждал своих поклонников, — смертью.

Мне кажется, что исследователей влекла сюда самая человеческая из людских страстей — страсть разгадывать загадки, страсть открывать и себе и другим людям нечто новое, ранее неизвестное. Путешественники, идущие к Нигеру, переносили невероятные лишения, ежеминутно подвергались опасности погибнуть от болезни или копья, но пока все течение реки не было нанесено на карты, они не остановились.

Трудно читать без волнения записки, дневники, письма некоторых из них. Мне особенно врезалось в память последнее письмо, полученное от шотландца Мунго Парка уже много месяцев спустя после его гибели во время второго путешествия к Нигеру. Это был упорный, железной воли человек. Он отправился к великой реке за две недели до начала дождей в 1805 году и, может быть, добился бы успеха, если бы не начавшиеся ливни и лихорадка, их всегда сопровождающая. В своем последнем письме он писал: «Мне горько говорить, что из сорока пяти европейцев, оставивших со мной Гамбию в полном здравии, ныне осталось в живых только пятеро, т. е. три солдата (один сошедший с ума), лейтенант Мартин и я сам.

Боюсь, что по этому отчету ваше лордство (письмо адресовано государственному секретарю Англии лорду Кэмпдену) будет считать наши дела в весьма безнадежном состоянии. Но уверяю вас, я далек от отчаяния... Сегодня я поднял британский флаг и поплыву на восток с твердым решением открыть завершение Нигера или погибнуть в этой попытке. Пока я не слышал ничего, на что мог бы положиться для выяснения отдаленного течения этого могучего потока, но я все больше и больше склоняюсь к мысли, что он может заканчиваться только в море.

Мой дорогой друг господин Андерсон и также господин Скотт оба мертвы, но хотя бы все европейцы, что со мной, умерли и хотя бы я сам был наполовину мертв, я не отступлюсь. И если я не смогу преуспеть в цели моего путешествия, то хотя бы умру на Нигере».

Только африканец Исаако, доставивший это письмо, уцелел из всех, кто шел с Мунго Парком.

Онитша, куда паром наконец добрался среди вертящихся вокруг пирога, оказалась довольно крупным городом. Издалека, с борта парома, он казался очень зеленым, очень светлым и даже богатым. Но когда я ехал по его пыльным улицам, то видел ту же бедность, то же запустение, что и в других африканских городах и столицах. Кое-где за небольшими, полными цветов садами виднелись виллы людей преуспевших, выбившихся. Их было, видимо, немало в этом важнейшем торговом центре Восточной Нигерии.

Мне рассказывали, что в Онитше находится едва ли не крупнейший во всей стране рынок.

— Посетить его надо обязательно, — убеждали меня друзья. — Ибо — это наиболее многочисленная народность Восточной Нигерии, славятся своим предпринимательским духом, своей коммерческой ловкостью, и рынок в Онитше — венец деятельности их торгашей и предпринимателей.

Такой рекомендации было нельзя не последовать. Спросив у полицейского маршрут, я поехал к рынку. Но, не доезжая нескольких сот метров, пришлось остановить машину и дальше идти пешком. Уже на дальних подступах к торговому сердцу Онитши уличная толпа стала столь плотной, столько грузовиков, надрывно гудя, пыталось проехать к рынку, что лучше было выйти из машины.

Рынок оказался крупным, хотя и невысоким зданием, занимавшим несколько сот квадратных метров городской территории. Внутри он просто ошеломляет непривычного к его лихорадочной активности, к его шуму, к его режущим глаз краскам человека. Я с трудом пробирался между рядами, заваленными кусками местной и привозной ткани, между энергичными торговцами обувью и дельцами, специализирующимися на сбыте рыбных консервов. Здесь можно было купить буквально все — от только что выловленной в Нигере рыбы и орехов кола до последних моделей японских транзисторов.

Особенно заинтересовали меня книжные лотки. Наряду с дешевыми английскими изданиями торговцы предлагали тоненькие брошюры местных авторов, напечатанные или в Онитше, или в Ибадане. Они были написаны в своем большинстве на йоруба и ибо, неко-

торые — на нигерийском варианте английского языка, и прочитав их я не мог. Но один из торговцев оказался любезным человеком и охотно стал моим гидом в этих книжных дебрях.

Оказалось, что большинство брошюр написано на религиозно-моральные темы — о браке, о воспитании детей, о традициях наследования, об отношении к старшим. Но были и небольшие рассказы на исторические темы, на сюжеты из современной жизни. Торговец показал мне несколько одноактных пьесок, рассчитанных на силы небольшой школьной труппы. Их довольно много по школам и колледжам Нигерии.

Для меня этот прилавок с книгами был маленьким открытием. Конечно, в современной Нигерии выросло несколько писателей с мировыми именами — драматург Соинке, романист Чинуа Ачебе, новеллист Эквензи и некоторые другие. Но в самой Нигерии их книги пользуются популярностью в сравнительно узком кругу европейски образованной интеллигенции, не доходя до народных низов. И вот там начала зарождаться своя литература — литература, соответствующая культурному уровню и непосредственным интересам народа. Среди ее творцов, как мне рассказывал торговец, особенно много учителей, но встречаются и сельские проповедники, и мелкие служащие. Все они живут в самой гуще городских и сельских конфликтов, драм, испытаний и как-то пытаются выразить свои мысли и наблюдения.

Легко отнестись к этим творческим усилиям с пренебрежением. Когда позднее, уже вернувшись в Лагос, я заговорил об этой рыночной литературе со своими знакомыми, некоторые из них с улыбкой говорили об их наивности, о бедности и примитивности языка, об унылой поучительности. Но тому, кто интересуется развитием народного самосознания, теми идеями, что рождаются в эти годы в народной среде, эти бедно изданные книжонки могут сослужить большую службу. Ведь они как бы заполняют духовный вакуум, возникший за последние десятилетия между высшими группами местной интеллигенции и крестьянством, рабочими, служилым людом.

Хозяйками рынка в Онитше были женщины. Конечно, среди торговцев встречалось немало и мужчин, но женщины явно доминировали. Энергичные, бойкие на

язык, точно оценивающие потенциального клиента, они явно «забивали» своих конкурентов мужчин.

Я подошел к одной из этих женщин, полной, пестро одетой матроне, чтобы купить кусок ткани с великолепной синею набойкой. Окинув меня взглядом, она назвала цену раза в три-четыре выше общепринятой. Начался торг. Наверное, она так и не скинула бы цену, ей было бы просто неудобно не ободрать приезжего и к тому же европейца. Но мне вспомнилось, что эти куски ткани шиваются из белых полотняных мешков для сахарного песка, стоящих гроши. Когда я ей сказал об этом, она неохотно сбавила цену.

Эта власть женщин в торговле имеет в Западной Африке какие-то глубокие, пожалуй, исторические корни. Может быть, она рождена существующим в деревне разделением труда, в силу которого женщины были обязаны обрабатывать огороды и могли продавать как свою собственность оставшиеся в семье овощи. Может быть, это связано и с разделением труда в кастах ремесленников, где за женщинами было сохранено гончарное производство. Во всяком случае, по всей Западной Африке продовольственные рынки находятся под женским контролем.

В большинстве случаев эти рыночные торговки имеют грошовый оборот. Но известны женщины, без образования, без специальной подготовки, вершащие громадными делами, возглавляющие разветвленную торговую сеть. Они окружены десятками клиенток и посредниц, имеют самые тесные связи с европейскими фирмами, и к их голосу прислушиваются правительства. Хотя в их среде существует конкуренция, обычно торговки объединены в своеобразные организации, иногда охватывающие несколько рынков. Они активно участвуют в политической жизни, помогают своим партиям денежными сборами. Я вспоминаю, что когда в сентябре 1961 года в Секонди-Такоради, портовом городе на западе Ганы, вспыхнула всеобщая забастовка, то рыночные торговки сразу же пришли на помощь и деньгами и едой бастующим рабочим.

Еще тогда, будучи в Секонди-Такоради, наблюдая бурные демонстрации забастовщиков и их неожиданных союзников — рыночных торговок, мне показалось крайне важным понять, как возникла эта характерная для

Западной Африки женская монополия в торговле. Мне виделась нить, связывающая времена, в которые женщина — по традиции и сегодня собирательница съедобных корней, диких плодов, зерен, трав — обработала первое в истории Тропической Африки поле и создала земледелие, и наши дни, когда законы местной справедливости, отдающие человеку то, во что он вложил свой труд, позволили женщине прийти на рынок с собранным ею урожаем и продать его. Впрочем, все это — одни предположения...

В скобках замечу, что едва ли не самой привлекательной в журналистике чертой, на мой взгляд, является настоятельность, даже упорство, с которым эта профессия заставляет журналиста объяснять то, что он видит в жизни. Он служит как бы вперёдсмотрящим интеллигенции и общества, первым замечает, что скрывается за очередным поворотом истории, первым даёт свой, может быть, слишком торопливый и беглый ответ. Конечно, далеко не всегда имеет он возможность с честью выполнять свой долг, много разных помех притупляют его перо... Да и сама работа торопит, она ставит новые и новые вопросы, требует ответа, но не предоставляет времени, чтобы дать ответ действительно полный и глубокий. Журналист вынужден передавать эстафету ученым. И это оставляет иногда каплю горечи и неудовлетворенности в его душе.

В Онитше у меня не было знакомых, поэтому после осмотра рынка я не медля выехал дальше, в административный центр области. Меня подгоняло и скорое истечение срока действия визы в моем паспорте. Если бы я опоздал к границе, последовали бы весьма неприятные беседы с чинами нигерийского иммиграционного управления, которые внимательно следят за тем, чтобы гости Нигерии не задерживались в стране после отведенного им срока. Еще с самими нигерийцами, пожалуй, и удалось бы объясниться, но если вмешался бы в дело британский «советник» — холодно-вежливый, неуступчивый в своей тщательно скрываемой враждебности, то тогда со мной обошлись бы весьма сурово. Пребывание в какой-нибудь нигерийской «каталажке» мне, естественно, не улыбалось.

К счастью, от Онитши до Энугу проложено прекрасное шоссе, так что можно было ехать «с ветерком».

Вдоль дороги расположено много деревень; этот край вообще самый густонаселенный в нигерийской федерации, и деревни выглядели на удивление зажиточными. Большинство домов крыто железом, даже листьями алюминия, дома светлые, просторные, с застекленными окнами и резными дверями в центре. Очень хотелось войти через калитку в один из этих зеленых, цветущих садилов, постучать в дверь, познакомиться с хозяином. Но нужно было спешить.

В моем плане на пребывание в Эпугу был отведен всего день. Поэтому, даже не заехав в гостиницу, я отправился на поиски Майкла О. К нему у меня было письмо из Ибадана от учителя, с которым я там встречался. Передавая письмо, учитель заверял, что Майкл примет меня самым дружеским образом.

Так действительно и произошло, когда я, объездив полгорода, в конце концов разыскал глинобитный домик, где Майкл жил со своей многочисленной семьей. В доме буквально негде было повернуться, но хозяин решительно настоял, чтобы мы посидели какое-то время у него, выпили пива, закусили.

— Вы мой гость, я не могу, чтобы вы от нас ушли, не отдохнув с дороги,— повторял он, хлопоча вокруг стола.— Очень жаль, что нет свободной комнаты. Вы нас несколько бы не стеснили.

Эпугу славится своими угольными шахтами. Местный уголь расходуется по всей Нигерии, даже вывозится за границу. Я стал расспрашивать Майкла, что знает он о забастовке горняков, происходившей здесь в 1949 году. Но он ответил, что был в те годы мальчишкой и мало что помнит.

Майкл проводил меня до гостиницы, расположенной на окраине города в тени цветущих мимоз и акаций, и мы условились встретиться вновь вечером.

Немного отдохнув, я вышел подышать свежим воздухом на террасе. Солнце уже опустилось к горизонту, облив багрянцем кроны окружающих отель деревьев, и на небе, быстро синевшем, одна за другой загорались звезды. В кустах монотонно заголосили цикады, запрыгали мелкие голубоватые огоньки жучков-светляков. Сидевшие на лужайке справа от террасы торговцы сувенирами, эти неизбежные спутники любой гостиницы в Африке, расстелили циновки и, беззвучно шевеля гу-

бами, начали молиться, все вместе то падая на колени, то снова вставая. Отдав богу богово, они суетливо принялись свертывать в узлы свои пестрые и яркие товары.

Эти торговцы сувенирами — своеобразный народ. Мне кажется, они образуют что-то вроде касты. От Берега Слоновой Кости до Сенегала — это обычно дьюла или малинке из Республики Мали, тогда как к востоку от Берега Слоновой Кости они почти всегда принадлежат к северонигерийской народности хауса. Вечные бродяги, они пешком и на грузовиках пересекают тысячи километров в поисках товаров и клиентов. Мне рассказывали, что в их среде существует солидная организация, занимающаяся снабжением и информирующая о ценах в том либо другом городе. Обычно в их руки попадают изделия, уже специально изготовленные для туристского рынка, но иногда в своих путешествиях они нападают на действительно интересные и ценные произведения народного искусства. Наиболее удачливые из этих торговцев открывают в конце концов собственные лавчонки или меняют специализацию, переходя на более доходные операции скотом, орехами кола, ямсом.

Когда пришел Майкл, то сразу я его не узнал. Днем он был одет в мятую, с расстегнутым воротом белую рубашку и шорты. Сейчас передо мною стоял мужчина в темном английском костюме, с галстуком-бабочкой, в сверкающих башмаках. Само выражение его лица стало как-то строже, солиднее, что ли. Одним словом, почти невероятная метаморфоза. Видимо, и Майкл, как большинство африканских интеллигентов, был склонен с подчеркнутым вниманием относиться к своему облику, особенно появляясь в общественном месте.

Мы прошли в полупустой ресторан, сели у широко распахнутого окна.

Эти встречи... Пожалуй, ничто не расширило моих представлений об Африке столь значительно, как беседы, как долгие ночные разговоры с учителями, студентами, чиновниками, с профсоюзными и партийными деятелями, с молодежными активистами. Африканская пресса и слаба и слишком далека от народной жизни. Книжки рассказывают о прошлом. Только из встреч с людьми можно понять и почувствовать неповторимость сегодняшнего дня континента.

К тому же никогда раньше жизнь в Африке не была столь напряженна и стремительна, столь противоречива и драматична, как сейчас. Африканцу приходится видеть, как рушится древняя, племенная мораль, как появляются новые, иногда чуждые этические нормы. На его глазах ломается привычная шкала социальных ценностей. В мир, где царила общинная солидарность, врывается современность с ее классовыми противоречиями, с ее острыми конфликтами между бедными и богатыми, между нациями, между африканскими странами. Вчера была завоевана политическая независимость, а сегодня уже поднимаются вопросы, как ускорить движение вперед, как повысить жизненный уровень населения, как освободиться от экономического засилья Запада.

И все эти новые жизненные явления требуют своего осмысления, толкования. Вот почему дискуссии и споры идут по всему континенту. Нынешнее время требует ясности оценок, точности представлений о будущем африканских народов, и происходит быстрое освобождение лучших умов континента от плена буржуазного мировоззрения. Все чаще африканский интеллигент обращается к марксизму в поисках верного пути к пониманию окружающей действительности. Марксизм в его глазах служит выходом из хаоса противоречий, ключом к дверям будущего. В духовной, в интеллектуальной борьбе умов начинают побеждать идеи научного социализма.

Много интересного рассказывал Майкл. От него я, по сути дела, впервые услышал о растущем среди интеллигенции и буржуазии ибо стремлении к национальному обособлению, может быть к выходу из нигерийской федерации. Он говорил, что многие в провинции недовольны большими отчислениями в федеральный бюджет от доходов, получаемых областью от растущей добычи нефти в районе дельты Нигера. Эти средства, говорил Майкл, могли бы использоваться для развития самой области.

Будучи довольно образованным человеком, мой собеседник, конечно, понимал, что распад федерации принесет народу неисчислимы испытания. Он и сам соглашался, что резко сократится рынок для национальной промышленности, что, возможно, увеличится безрабо-

тица. Он не возражал и против довода, который мне казался особенно убедительным,— что раскол неизмеримо уменьшит престиж Нигерии в Африке и в мире. И все-таки Майкл продолжал стоять на своем:

— Любые соображения и экономического, и политического порядка отступают, когда речь идет о национальном достоинстве. Нас унижают, мы постоянно чувствуем себя гражданами второго сорта.

С большой гордостью Майкл повторил уже не раз слышанные мной слова о предприимчивости, об инициативности ибо. Но он также высказал наблюдения, которые мне показались парадоксальными. По его словам, нынешние успехи ибо и в торговле, и в образовании, и в политической жизни вызваны тем, что к началу колонизации общественная структура его народа была значительно менее развита, чем у соседних народов.

— У йоруба существовали княжества, у хауса и фулани — эмираты. Мы же не знали государства. Ведь наши объединения нескольких деревень не назовешь государством, не правда ли?

Майкл подчеркнул, что колониальные власти использовали иерархию, вождей и знать хауса и йоруба, чтобы затормозить их прогресс. У ибо им не было на кого опереться. Майкл вспоминал, как по деревням родители создавали ассоциации, чтобы совместно оплачивать образование своих детей. Крестьянами были образованы и оригинальные «классы взаимопомощи», позволившие разбогатеть некоторым из них, вырасти в предпринимателей.

И снова мой собеседник начал жаловаться, мол, другие области с ревностью следили за успехами ибо. Он вспоминал, что в Северной области были случаи избиений торговцев, учителей, чиновников — уроженцев Восточной области.

— Мы не можем больше терпеть подобного отношения. Мы еще докажем, что наша область меньше нуждается в других областях, чем они нуждаются в нас, — утверждал Майкл.

Пожалуй, я впервые слышал столь убежденного националиста. Точнее, и раньше мне приходилось сталкиваться с африканскими националистами, но у них это чувство было связано с антиколониализмом, с желанием преодолеть оскорбительное для африканских наро-

дов засилье чужеземной культуры. Сейчас же я столкнулся с национализмом, откровенно направленным против других африканских народов. Это настораживало. Мне снова припомнилась моя беседа с другом Майкла в Ибадане. Он также высказывал наблюдения, звучавшие как предупреждение.

Именно в это время в Африке группа прогрессивных деятелей вела интенсивную кампанию за объединение всего континента в государстве федерального типа. Знали ли они об оживлении национализма, которое грозило полным провалом их планам? Я думаю, да. Незадолго до поездки в Нигерию я встречался в Аккре с одним южноафриканским журналистом — убежденным панафриканистом. Он говорил мне, что, если дать время национализму, тот столь серьезно отравит отношения между африканскими странами и народами, что их объединение станет крайне трудным делом. Тогда я не понял всей меткости этого замечания. После беседы с Майклом мне стало ясно, как прав был южноафриканский журналист.

Наверное, если бы я сказал Майклу, что его националистические убеждения навеяны неокOLONиализмом, он был бы глубоко и искренне оскорблен. И все-таки дело обстояло именно так. Подкармливаемая Западом местная буржуазия была лишь пешкой в его игре. Ее микрошовинизм поддерживался и разжигался умело осуществляемыми провокациями. А главное, само распространение капиталистических отношений в Нигерии автоматически порождало национальные конфликты, углубляло национальную рознь.

Наш разговор затянулся. Мы давно уже оставили ресторан и перебрались на террасу. В гостинице во всех окнах погас свет, и в густой темноте были едва различимы кроны деревьев. С мягким шумом над террасой пролетали крупные летучие мыши.

Но нам не хотелось расходиться. И Майкл, и я были взволнованы. Мне казалось, что за горячностью моего знакомого скрывалось сомнение в своей правоте, с которым, может быть, он и спорил, беседуя со мной. Я, как умел, пытался укрепить эти сомнения. Было далеко за полночь, когда мы наконец распрощались.

Сторож, дремавший на циновке у террасы, пожаловался:

— Спать не давали. Все говорили, говорили, говорили.

И, громко зевнув, он снова растянулся на циновке, натянув на голову красное покрывало.

Засыпая, я не знал, что следующую ночь проведу в глухой деревушке на берегу Нигера. Но получилось так, что, выехав утром из Энугу на Локоджу, я заблудился.

Правда, со мной была дорожная карта, и пока тянулся асфальт, я был более или менее уверен в своем маршруте. Но милях в пятидесяти севернее Энугу асфальт кончился, и дорога начала двоиться на перекрестках, возникавших через каждый десяток миль. Движения по шоссе не было никакого, лишь изредка вдоль обочин встречались идущие гуськом женщины с вязанками хвороста на голове да одинокие крестьяне, бредущие к югу на заработки.

Проехав добрую сотню километров, я решил остановиться в первой же деревушке покрупнее. Лес, которым одно время я ехал, давно кончился и вокруг тянулась саванна с редкими низкорослыми деревьями. По берегам пересекавших кое-где шоссе речушек росли плотной стеной высокие деревья, пальмы, густой кустарник, но в общем видно было далеко. Когда за торговым полем мелькнули серые соломенные конусы деревни, я остановил машину и по узкой, бегущей через поле тропе пошел в ее направлении...

Мое появление буквально ошеломило ребятишек, игравших вокруг домов. С криками «белый человек!», «белый человек!» они бросились врассыпную. На их вопли из одной хижины высунулась чья-то голова и сразу же исчезла. Я с недоумением оглядывался по сторонам, решительно не представляя, что предпринять.

Наконец навстречу мне вышел старик. Его темное лицо было в густой паутине морщин. Он с трудом шагнул, опираясь на палку. Из-за его спины смущенно выглядывали два молодых парня в грязных, когда-то белых майках. На мой поклон старик что-то ответил, видимо, произнес приветствие и, замолчав, вопросительно смотрел на меня большими слезящимися глазами. Английского ни он, ни парни не понимали, и я стал повторять «Локоджа, Локоджа», показывая рукой то в одном, то в другом направлении. Старик обернулся и что-то

сказал резким тоном одному из ребят. Тот подошел поближе, старик сказал еще несколько слов, и парень направился к дороге. Старик жестом показал, что мне надо идти туда же.

В машине мой спутник молча сел рядом со мной и кивком головы дал понять, что надо поворачивать назад. Тронулись. Проехав километров пять, парень показал рукой влево, где в густой траве была едва различима тропа. Но впереди виднелся холм, на вершине которого стоял дом европейского стиля. Мне сразу стал понятен замысел старика, — он поручил своему сыну довести меня до ближайшего места, где бы я смог объяснить.

Дом на холме оказался «рест-хаузом», как и сегодня называют в бывших британских колониях правительственные гостиницы для командированных «на глубину» чиновников. Это было очень бедное сооружение с двумя голыми комнатами и большой террасой, на которой стояла пара потрепанных кресел. Проведя меня на террасу, мой спутник дал знак подождать его и вышел.

С террасы открывалась изумительная панорама. Прямо внизу извивалась красная лента дороги, а дальше тянулись золотистые сорговые поля и среди них купы деревьев и десятки небольших крестьянских поселений в шесть-семь красных хижин. На горизонте виднелась темная полоса леса. Земля вокруг была ярко освещена солнцем и казалась молодой, сильной, свежей.

За моей спиной послышались голоса. Сопровождавший меня парень разыскал сторожа «рест-хауза». Это был угодливый, лебезящий малый в грязных шортах и рваной рубаше. Но английский он знал вполне прилично. Узнав, что я еду в Локоджу, он сказал, что мне надо было свернуть к западу километров за пятьдесят раньше. На карте, которую я ему показал, он карандашом отметил дорогу. Все устраивалось великолепно, больше того, сторож смог приготовить чай и быстро зажарил курицу.

Парень, привезший меня сюда, решительно отказался от моего предложения подвезти его домой. Впрочем, я не знаю, что переводил ему сторож, с презрением поглядывавший на «деревенщину». Может быть, он говорил парню нечто прямо противоположное смыслу моих

слов. Такое случается. К счастью, со мной была «матрешка», и, когда я начал извлекать из ее недр все новые и новые фигурки, парень пришел в восторг и смеялся, как мальчишка. Бережно взяв ее в руки, он быстро зашагал вниз, к дороге.

Немного отдохнув и рассчитавшись со сторожем, тронулся в путь и я. Потеряв около трех часов, я лишь поздним вечером добрался до Шинтоку.

Деревушка Шинтоку расположена на левом берегу реки Нигер. Ее окружают покрытые редким лесом холмы. Местами из земли торчат голые скалы, которым время и ветер придали самые фантастические формы. Здесь останавливаются на ночь опоздавшие к шестичасовому парому через реку. Ночью за Нигером видны огни Локоджи — центра одной из провинций Северной Нигерии.

Когда зашло солнце, на крыше дома, в котором я нашел приют, и на соседних деревьях устроилась стая обезьян, о чем-то оживленно толковавших до рассвета. Ранним утром, проснувшись, я увидел на подоконнике большую черную обезьяну. Она с любопытством смотрела на мое несколько ошеломленное лицо.

И вот подошел паром. Как всегда бывает у крупных переправ, у причала собралось немало переполненных «мамми-лорри» и десятка два пешеходов. Все заторопились, хлынули к парому, где матросы с трудом наводили порядок. К счастью, я еще вчера подогнал машину к самому причалу и потому был пропущен одним из первых. Иначе пришлось бы ждать еще полдня, так как переправа занимает два-три часа.

И справа и слева в дымке виднелись гряды бурых холмов, впереди — большой остров, скрывавший устье впадающей у Локоджи в Нигер реки Бенуэ. Вокруг скользили длинные пироги, груженные корнями ямса, связками сушеной рыбы и громоздкими глиняными кувшинами. Мелкие чайки стремительно пикировали в реку и тяжело взлетали с рыбами в клювах.

В широком Нигере, стремительно несущем свои воды к океану, чувствовалась поистине неистовая сила.

В Африке все крупные реки были свидетельницами рождения своеобразных цивилизаций. Они были дорогами, объединявшими народы с различной культурой, традициями. Они помогали взаимному обогащению стал-

квивающихся между собой культур. Именно в речных долинах Африканского континента возникли точки наиболее быстрого роста производительных сил, торгового обмена, государственности. Реки Африки — это протест самой природы против замкнутости, самоизоляции народов. Наверное, они иссякли бы, пересохли, если бы их течение не размывало барьеры между племенами, между государствами, не разрушало взаимной вражды, подозрительности.

На берегах Нигера издревле возникли великие цивилизации. В верховьях реки в начале нашей эры существовала империя Гана. Долгое время об этом государстве были известны только предания, пока археологами не были найдены занесенные песками развалины его столицы. Позднее в этих же местах сложилась империя Мали. Ее территория охватывала всю излучину Нигера, и это государство было как бы посредником между арабскими странами Африки и народами к югу от Сахары. О Мали сохранилось немало сообщений в арабских хрониках, известны имена многих владык этой империи. Клан Кейта, к которому принадлежал основатель империи Сундьята и многие из правителей, существует в Западном Судане и по сей день.

Символом расцвета западносуданских цивилизаций стал город Томбукту. И сегодня для большинства европейцев этот город принадлежит скорее к миру сказки, чем существует в реальной действительности. А в средние века в Европе ходили легенды об его богатстве, о красоте его зданий, об учености жителей. Султан Марокко послал на завоевание Томбукту отряд испанских солдат, которые разгромили войска аскии — князя государства, созданного племенами сонгаи, и разграбили город. После этого разгрома Томбукту никогда не достигал прежнего расцвета.

Когда я приехал в этот город, бродил по его занесенным песком улицам, трудно было поверить в его прошлое величие. Но Томбукту сохранил одну свою черту — он оставался городом многих народов. Я видел алжирских торговцев с грузом фиников, туарегов со стальными копьями, с прямыми мечами у пояса, бамбара из Бамако и хауса из Кано. Как и в древности, в Томбукту не прекращался процесс взаимопроникновения и взаимообогащения различных культур.

Глядя на спокойное, сильное течение Нигера, хотелось думать, что недалеко возрождение живущих по его берегам народов. Верилось, что остались позади самые черные годы их истории, что теперь, когда они вновь взяли собственную судьбу в свои руки, им удастся выйти на широкую дорогу прогресса. Конечно, преград на их пути немало, им трудно преодолеть свою разобщенность и изолированность. Но если они прислушаются к советам, которые подсказывает великий Нигер — советам сотрудничества и взаимной помощи, их силы удесятерятся.

Паром с трудом преодолевал могучее течение. Команда состояла из шести человек, принадлежащих к народности иджо с дельты Нигера. Лишь один из матросов был северянином: уткнувшись в Коран, он подчеркнуто не обращал внимания на шумливых пассажиров.

Мы плыли около двух часов. Постепенно каждый из пассажиров нашел себе место, и суэта затихла. Освободились и матросы, кроме капитана и моториста. Это были совсем молодые ребята, веселые и жизнерадостные. Один из них подошел ко мне.

— Правда, что вы русский?

— Правда.

— Первый раз вижу живого русского, — засмеялся он. — Можно с вами поговорить?

Его звали Окоро. У реки жили его отец, дед, прадед, и он говорил о Нигере так, как говорят о человеке, с которым давно и хорошо знакомы и которого любят. Окоро рассказал мне о характере Нигера, о его «привычках», о неожиданных вспышках гнева, когда его бушующие волны начинают опрокидывать пироги. Он рассказал о рыбе, которую местные жители — нупе — зовут «владыкой воды». Эта рыба бывает больше шести футов длиной, и нужно немало людей и сил, чтобы выловить ее.

Окоро подозвал своего друга, и вдвоем они долго расспрашивали меня о Москве, об Университете дружбы народов, о русских реках.

С Локоджей, где я остановился на ночь, связана одна любопытная история из первых лет английской колонизации Нигерии. В 1841 году здесь появились три английских парохода — «Уилберфорс», «Альберт» и «Судан» — с намерением основать в этих местах евро-

пейское поселение. Начальник экспедиции капитан Троттер после переговоров с местными вождями за 45 фунтов стерлингов, или семьсот тысяч ракушек каури, купил на правом берегу Нигера участок земли длиной около шестнадцати миль и шириной в четыре мили. В качестве первого платежа вождям были вручены мешки, содержащие сто шестьдесят тысяч каури.

Хозяином «образцовой фермы» стал некий Карр, для охраны которого был оставлен у Локоджи один из кораблей. Два парохода разделились, чтобы обследовать течение как Нигера, так и Бенуэ. Когда «Альберт» в начале октября вернулся к «образцовой ферме», обнаружилось, что и сам Карр и два европейца, его помощника, больны тропической лихорадкой. Капитан парохода решил взять европейцев на борт, оставив следить за делами фермы американского негра Ральфа Мура. Позднее, после своего выздоровления на острове Фернандо-По, Карр попытался вернуться в Локоджу, но пропал без вести.

Крах попытки создать европейское поселение у Локоджи вновь подтвердил репутацию Нигерии как «могилы белого человека». Если в Кению после ее захвата хлынули тысячи европейских поселенцев, то в Нигерию ехали лишь сорвиголовы да мечтающие о быстрой карьере чиновники. А поскольку колонизаторам не приходилось отбирать у коренного населения земли для европейских поселенцев, они легко могли внедрить в Нигерии систему косвенного управления, т. е. управления, основанного на использовании традиционной власти местных вождей и консервации местных обычаев.

«Косвенное управление» оставило глубокий след в истории Нигерии. Искусственное сохранение в стране вождей, консервативных обычаев явилось сильным тормозом прогресса. Даже сегодня, в независимой Нигерии, возникают сложные политические проблемы, потому что в период завоевания не были разрушены архаичные государственные структуры этого района.

Так климат Нигерии вмешался в ее историю.

Через три дня я снова пересек нигеро-дагомейскую границу, на этот раз в обратном направлении. А еще через день вернулся в Аккру. Путешествие в Нигерию закончилось.

ГАНА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Между ночью и днем на юге Ганы есть несколько мгновений серых сумерек. Уже затихает ночная жизнь с ее тысячами странных голосов — и еще не пробуждаются дневные звери и птицы. Уже различимы силуэты пальм на морском берегу, темные пятна кустарников, очертания приземистых рыбацких домов, но пока что и эти дома, и эти усыпанные цветами кусты, и пальмы лишены красок, которыми они засверкают, как только поднимется солнце. В эти несколько мгновений мир вокруг кажется призрачным миром сказки.

Впервые я сам пережил эти секунды на берегу реки Вольты, в местечке Ада-Фоа. Приехал я сюда затемно и остановил машину у подножия громадного хлопкового дерева. Знакомых у меня здесь не было, и я решил переночевать в автомобиле.

У причала, куда я спустился, тихо поплескивала вода. Ночь была темной, безлунной и беззвездной. С шелестом проносились летучие мыши, которых тысячи в этих местах. Из далекого дома доносилась приглушенная расстоянием мелодия.

Но незаметно и ночь, и ее звуки отодвинулись куда-то. Сначала я думал о планах на завтрашний день, который, конечно, будет таким же, как прошедший, и в свою очередь пройдет в душном от влажного воздуха зное. Потом мне неожиданно припомнился московский солнечный зимний день с мириадами многоцветных искр на снегу. Проплыла перед глазами какая-то деревушка, где меня с друзьями жарким летним днем угощали ледяным молоком из запотевшей крынки.

Здесь все иное. Непривычна звучащая вдали музыка. Странны праздники — эти длинные процессии пляшущих мужчин и женщин, вожди в паланкинах под широкими пестрыми зонтами, глашатаи, гудящие в массивные, сделанные из слоновых бивней рога. По траве не пройдешь босым — колючки и острые стебли изрежут ноги. В памяти вставали слова знакомого англичанина:

— Сколько бы лет вы тут ни прожили, вы останетесь посторонним. Вам всегда будет казаться чужой окружающая жизнь, вы всегда будете казаться чужим окружающим людям.

Проснулся я от холода и боли. От реки на берег ползли клубы тумана. Комары тучами кружили над моей головой. С трудом удалось мне спастись, укрывшись в машине. Часы показывали, что скоро взойдет солнце, которое одно могло разогнать полчища моих мучителей.

Действительно, вдруг посветлело. Из ночной мглы выступили контуры рыбачьих пирог у берега. Вдали возникли пятна небольших, заросших кокосовыми пальмами островков. Темной, неровной полосой вытянулась у самой воды лента кустарников. Воцарилась полная, ничем не нарушаемая тишина.

И вдруг из-за реки поднялось солнце. Оно восходило к зениту быстро, почти вертикально. Красный диск стремительно светлел и словно сжимался. Мгновенно еще минуту назад серый мир засиял сотнями, тысячами радостных цветов.

Позднее я часто вспоминал это утро. Тогда впервые мне приоткрылось очарование африканской природы. Так постепенно начала разрушаться стена, которая обычно отгораживает приехавшего в эти места. Медленно я переставал быть посторонним.

АНКРСКАЯ РАДУГА

Когда я приехал в Аккру, ганская столица проводила очередного из своих гостей. На невысоком деревянном здании аэропорта было выведено аршичными буквами «Прощай, Гана!». Мне, тогда еще не знавшему

сложного ритуала местных встреч и расставаний, эта напичь оказалась довольно необычной. Но я отказывался ее признать за мрачное предзнаменование. И был прав.

Перед приездом в Гану открываются три пути. Он может сразу же замкнуться в «колонии» своих соотечественников — вместе с ними скучать и развлекаться, отмечать праздники, ездить на пляжи, вступая с окружающими африканцами лишь в сугубо деловые, ограниченные нуждами работы контакты. Второй путь — это встречи только с теми африканцами, которые обычно окружают приезжих иностранцев. Но эта тоненькая прослойка, к слову сказать существующая во всех африканских странах, обычно включает людей, привыкших в той или иной форме паразитировать на европейцах, — торговцев, слуг, шоферов, официантов, гидов. Среди них немало и хороших людей, но большинство живут мелким обманом, прислужничеством, холопской лестью, рассматривая оказавшихся в их орбите европейцев как овец, которых следует стричь да стричь. Это объясняет, мне кажется, выглядящее на первый взгляд парадоксом заявление, которое однажды с гордостью высказал один яркий представитель этой группы, что «не европейцы колонизировали Африку, а мы колонизировали приезжих европейцев».

И третий путь — жить вместе с теми, к кому приехал, стремиться завоевать их дружбу и уважение. Традиционное гостеприимство ганцев помогало и помогает каждому найти этот путь. Но на первых порах за этим гостеприимством скрывается известная настороженность — не проявит ли гость хотя бы скрытого пренебрежения к хозяину, нет ли в нем высокомерия и покровительственности? Наконец, смотрят, знающий ли, квалифицированный ли человек приехал. Ганец склонен воспринимать чуть ли не как национальное оскорбление, когда в его страну присылаются слабо подготовленные и мало компетентные специалисты.

«Значит, мою родину вы не цените, раз направяете таких людей, — думает, а иногда и говорит он, добавляя: — В страну, которой дорожат, посылают лишь лучших».

Приемный экзамен в Гане пройти, таким образом, не просто.

Сама журналистская работа толкала меня на третий путь. Один день — пресс-конференция, после которой споры с коллегами-журналистами. В следующий раз — поездка в университет, беседы с профессорами, студентами. На другой день — посещение заводской стройки или государственной фермы. И всегда встречи, встречи.

Помогало мне и время, переживаемое страной. Оно еще ждет своего историка, способного из-под вороха как злобной клеветы, так и слишком бѣсторженных аполгий раскрыть его подлинное лицо — лицо суровое, мужественное. Завоевав независимость в 1957 году, первой в Западной Африке, Гана шла сложным и противоречивым путем поисков, эксперимента, то отступая, то слишком забегая вперед. В стране шла напряженная, обычно скрытая от постороннего взгляда внутренняя борьба. Но иногда она выплескивалась на улицы. То слышались взрывы бомб, которыми тайная оппозиция стремилась доказать свою силу, то центр города заливала волна мощных проправительственных демонстраций. Иногда в Аккре узнавали о бегстве из страны еще вчера влиятельного министра. И чуть ли не каждый день в Гану со всей Африки приезжали борцы за свободу континента — за опытом, за моральной и политической поддержкой.

Оглядываясь назад, я думаю, что именно в начале шестидесятых годов Ганой был совершен громадный рывок в современность. Заметнее всего это было в глухих районах.

Летом 1962 года я оказался в городке Ва на северо-западе Ганы, недалеко от границы с Берегом Слоновой Кости. В колониальные годы в эту глухую дыру ссылали проштрафившихся чиновников да противников режима. В окружающих Ва деревушках жили — где-то на грани бронзового и железного веков — племена лоби, и расчет колониальных властей был прост: среди лоби «агитаторы» не найдут поддержки, не получат отклика.

И сегодня многие черты местечка свидетельствуют о былом застое его уклада. В глинобитном «дворце» скрывается верховный вождь Ва, дряхлый, беспомощный старик. Из земли сложена и маленькая мечеть с конусом-минаретом, из которого ершом торчат кривые сучья креплений. Бедны низенькие, выросшие в землю домишки

с плоскими крышами. Несколько враждующих между собой миссионеров различных протестантских сект тщетно пытались обратить в свою веру местных мусульман и «язычников».

Я, не щадя пленки, фотографировал окружающую экзотику. В свое оправдание скажу, что городок чрезвычайно живописен и своеобразен. Но мой друг Джон, с которым я приехал сюда из областного центра Северной области Ганы — Тамале, с обидой в голосе спросил меня:

— Почему ты фотографируешь только старые дома? Посмотри, какая прекрасная и совсем новая школа. В городе есть и поликлиника. Неужели это тебе неинтересно?

Признаюсь, мне стало стыдно. Как же я не заметил того, что действительно переворачивало всю жизнь городка! Конечно, это было интересно, но, видно, туристская болезнь «экзотомания» — да простят мне этот уродливый неологизм! — захватила и меня.

Вместе с Джоном мы побывали в школе, где несколько приехавших с юга и местных учителей воспитывали будущую интеллигенцию народа, который прежде не знал письменности.

В одном из классов учитель по моей просьбе спросил ребят, кем они хотят быть в жизни.

— Учителем.

— Врачом.

— Инженером.

— Офицером, — звучало в ответ. Еще несколько лет назад пределом мечтаний местной молодежи были должности в системе так называемой «туземной администрации», т. е. администрации, управляемой вождем. Теперь ребячье честолюбие стало совершенно иным.

Сейчас слова о пробуждении Африки превратились в ходячий штамп. Но если попытаться все-таки представить, в чем выразилось это пробуждение, то одним из его признаков будет этот отказ молодежи от предназначенного ей традицией места в жизни. Да и не только молодежи. Крестьянин переставал нести налагаемые обычаем повинности по отношению к вождю. Рабочего больше не удовлетворяли получаемые им гроши. Интеллигента возмущало, что в своем труде он вынужден оглядываться на европейского хозяина.

Новые надежды, новые чаяния будоражили все слои общества Ганы. В недавнем прошлом недовольство старой жизнью подняло народ против колониального порабощения. А когда страна завоевала независимость, эта растущая нетерпимость к косности и застою превратилась в мощного союзника общественных групп, пытающихся преобразовать Гану. Но союзника требовательного, настороженного, готского в любую минуту поддержать новых людей, если прежние кумиры разочаруют.

Постоянно я жил в Аккре, а вернее в деревушке — пригороде Тесано. Собственно, с Аккры и началось мое знакомство с Ганой.

Приехав сюда на международный конгресс африканистов, видный французский социолог Жорж Баландье даже с некоторым изумлением в голосе говорил:

— Но ведь у местных жителей нет ни малейшего представления об урбанизме. Аккра — это хаос.

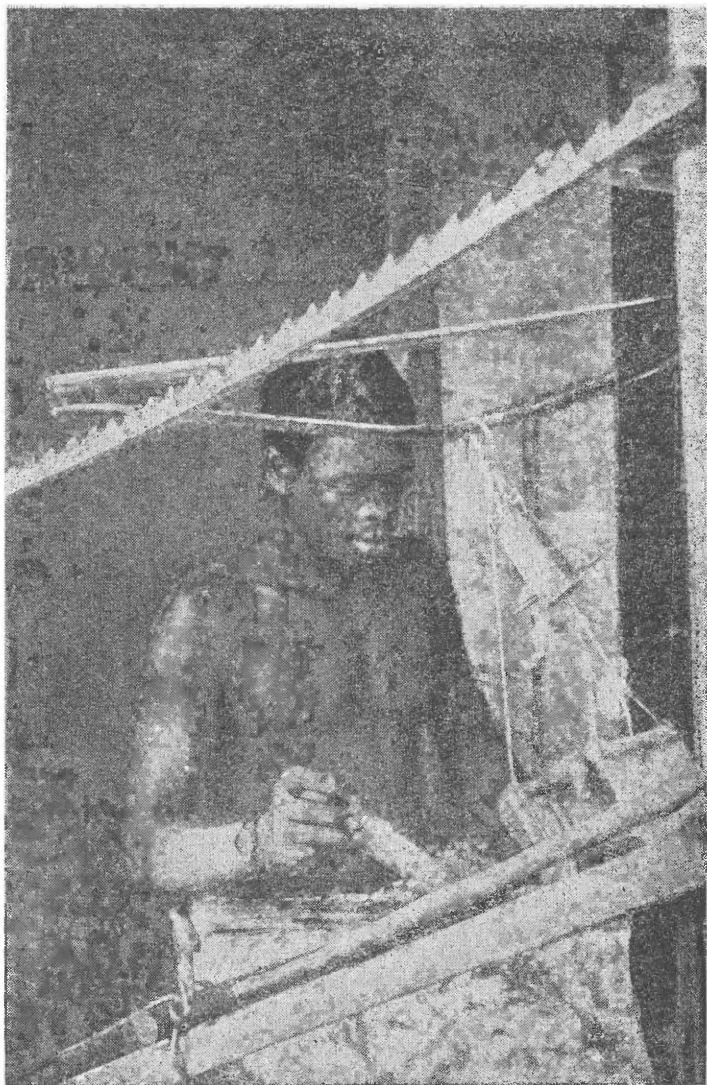
В этих словах есть немалая доля правды. Ганская столица начала строиться от моря в глубь материка, охватывая все более широкий полукруг. Ее улицы переплелись в сложный лабиринт, в котором, не будучи знакомым с арбатскими переулками, разобраться почти невозможно. Вчерашние хозяева страны, англичане, выделили для себя два-три участка посуше, куда не подпускали африканцев, а остальную территорию города пустили, так сказать, на самотек, даже не попытавшись создать четкой, практичной городской планировки. Три основные радиальные магистрали столицы сходятся в центре, где в часы пик образуются невообразимые по своей плотности пробки.

Об Аккре можно говорить как об одном городе, но много вернее было бы сказать, что это три-четыре совершенно различных городка с одним общим названием.

Самые старые районы столицы Джеймстаун и Ашертаун. Они начинаются сразу же за зданием центрального почтамта и образуют вдоль берега океана паутину узких улиц и тупичков, над которыми даже сильная буря не способна разогнать устоявшийся запах рыбы. В низких глинобитных домишках под крышами из гофрированного, всегда ржавого железа живут потомст-

На рыбном рынке Аккры

Этот ткач вынес свой станок прямо на мостовую рядом с мастерской

венные рыбаки из племен га-адангме. Сюда на небольшой рынок ранним утром съезжаются со всего города любители креветок, омаров, достигающих иной раз фантастического размера, разной рыбы от мелкой, как наш пескарь, до весящих многие килограммы зубастых чудовищ.

Торгуют женщины. Они сидят на низеньких круглых скамеечках под плоскими, диаметром не меньше метра плетеными шляпами. Полицейский в форме цвета хаки с палкой под мышкой наблюдает за порядком и мгновенно решает мелкие рыночные конфликты. Мне кажется, что его безапелляционная власть иногда вызывает и недовольство среди женщин, но достаточно его веселой и соленой шуточки, чтобы вспыхнул всеобщий смех и авторитет полицейского стал еще прочнее.

В нескольких шагах от маяка, напротив мелкой закусочной под пышным названием «Райский бар», находится песчаная площадка, где рыбаки растягивают на просушку свои сети, чинят лодки и продают торговкам улов. Здесь можно увидеть немало разной морской живности, и я никогда не забуду, как однажды рыбаки выволокли сюда из лодок двух-трехметровых акул и молот-рыбу. Их серые, обтекаемые тела казались сделанными из особого сорта упругой и гибкой стали.

Лабиринт приземистых домишек — лабиринт неожиданностей. Иной раз сталкиваешься с необычной процессией: одетые в многоцветные тоги — кенте мужчины во главе с белоголовыми стариками идут к морю совершать жертвоприношения духам предков. Зайдя на звуки музыки во двор, оказываешься гостем на чьей-то свадьбе, знакомишься с десятками дружески улыбающихся людей, выпиваешь под треск барабанов тыкву чуть сладковатого пальмового вина. Хорошо, если есть с собой что подарить молодоженам, — тогда еще теплее становятся улыбки, еще внимательнее, сердечнее хозяева. Им не дорог подарок, важно проявленное уважение.

На этих пыльных, узких улицах с редкими манговыми деревьями здесь и там развертывается пестрым фильмом жизнь многих тысяч людей. Им тесно в темных и низких домах, куда они возвращаются ночевать. Перенаселенность выгоняет на мостовые маленьких ребятишек, голыми ковыляющих за своими матерями; муж-

чин, когда они, вернувшись с лова, имеют несколько часов для отдыха; стариков, которые собираются группами и мирно беседуют на прижавшихся к стенам домов скамеечках. Ни в одном из других районов столицы не ощущаешь столь остро, как здесь, бурной интенсивности местной жизни.

Зонго расположено недалеко от рыбацких кварталов. Но облик его совершенно иной. В прошлом «зонго» назывались в этих краях предместья, где селились только мусульмане. Да и теперь мусульмане, в своем большинстве выходцы из Северной Нигерии, Нигера, Верхней Вольты и Мали, предпочитают селиться вместе, сбиваются в землячества, возглавляемые вождями. В аккрском Зонго правительством независимой Ганы было немало построено новых зданий, однако изменить складывающийся десятилетиями характер района трудно. Среди новых, обычно пестро раскрашенных домов еще много нищих и жалких лачуг, иногда исчезающих после сильных ураганов вместе со скудным скарбом своих жильцов.

В этом бедняцком районе живет красивый народ. Уроженцы саванны, пришедшие в Аккру на заработки, обычно высоки ростом, стройны, а держатся с дружелюбным достоинством, за которым чувствуется большая духовная сила. На больших религиозных торжествах все они собираются вместе на лугу недалеко от ипподрома, и, как одно тело, громадная толпа повторяет движения имама, то простираясь на земле, то вновь поднимаясь, чтобы бросить взгляд в сторону Мекки.

Вслед за крестьянами в Зонго пришли и деревенские певцы, фокусники, акробаты. Я помню, как мне пришлось наблюдать выступление одного из них на вытопанной среди трех домишек площадке. Это был мускулистый, по пояс обнаженный мужчина, державший в руке длинный тесак. Когда его спутник, мальчишка лет пятнадцати, застучал в маленький, зажатый под мышкой барабан, мужчина начал совершать прыжки, а тесак в его руке словно резал его грудь и живот. Одновременно был слышен звук, который производит режущий дерево тупой нож. Зрелище было довольно-таки пугающее, и когда наконец плясун остановился, зрители издали вздох облегчения; на теле акробата не было и малейшего пореза.

Когда видишь нищету Зонго и некоторых других аккрских кварталов, невольно спрашиваешь себя: чем живы здесь люди? Имеющие хождение среди местных европейцев легенды, что африканец всегда найдет банан или кокосовый орех или несколько манговых плодов, даже если у него и нет денег,— это глупость, пущенная в ход для облегчения очень нетребовательной совести. Правда, здешние люди гостеприимны, они всегда помогут соплеменнику в беде. Но ведь и на их стол кусок хлеба не падает с неба.

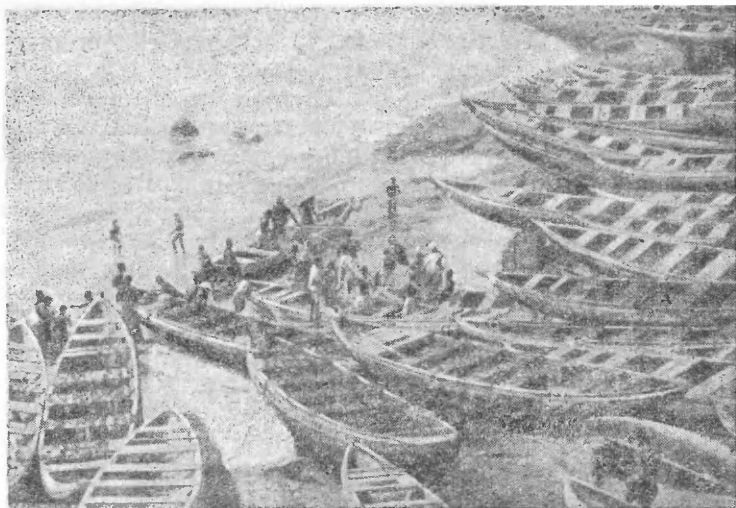
Нужда научила местных жителей многим и далеко не всегда законным промыслам. Одни днями бродят по городу, собирая или скупая бутылки для перепродажи. Очень популярна профессия сторожа; богатые обыватели верят, что сторожа связаны с воровскими шайками, которым отдают часть зарплаты, чтобы не грабили охраняемые ими дома. Поэтому нет жилья побогаче без обычно спящего ночью охранника с гесаком, а то и стрелами.

Иногда мужчины собираются в группы и в окрестной саванне устраивают охоту. Вооруженные тяжелыми палками, они выстраиваются длинной цепью, зажигают в нескольких местах высокую траву, и подгоняемый ветром огонь заставляет прячущееся в траве зверье — мелких антилоп, диких курочек, различных грызунов, а иногда и питонов — выходить прямо на цепь охотников. Слышны азартные выкрики, громко трещат горящие ветки кустарника, ядовитый дым разъедает глаза. Когда охота наконец завершается, все сносят свою добычу в одно место, и глава группы под строгим контролем присутствующих приступает к дележу.

Да, в Аккре много районов, и каждый район имеет свое лицо...

Ганская столица растет стремительно. Вдоль дороги, ведущей к порту Тема, город уже подступает к пальмовой роще рыбацкого местечка Лабади, а по пути в Секонди-Такоради добрался до деревушки Ачимота, где в двадцатые годы ганским просветителем Эггри был образован лучший в стране колледж.

Мой хороший друг, врач Марк Дэви-Хейфорд, имеет небольшую клинику для детей на дороге в Секонди-Такоради. Рядом с его вывеской к столбу прибита доска с надписью: «Пророк исцеляет дух», реклама како-

Долгие годы на этих лодках доставлялись грузы на берег с кораблей, приходящих в Аккру

го-то мелкого знахаря. Над клиником нависают красным облаком корни двух акаций, прозываемых «пылающими деревьями». Они высажены и вдоль дороги, уходя далеко за городскую черту.

Врачу за шестьдесят лет, но он энергичен и постоянно обуреваем различными планами. Показывая из окон своего кабинета окрестные здания, он любит говорить, что совсем недавно здесь была саванна, бесплодная и дикая. Его энергию питает этот бурный рост города, эта кипучая жизнь вокруг. С раннего утра на деревянных скамеечках у его клиники собираются десятки мам со своими ребятишками, и для каждой у него есть и доброе слово, и ценный совет. Как-то я спросил Дэви Хейфорда о происхождении его фамилии.

— На побережье многие семьи носят европейские фамилии — голландские, английские, португальские, — рассказал он. — Обычны португальские фамилии у семей, происходящих от африканцев, в конце прошлого века вернувшихся из Бразилии. Ну, а английские и голландские фамилии нам оставлены купцами-европейца-

ми. Они подолгу жили здесь, женились, и их дети сохраняли их имена. Вот и появились среди нас Вандеркупы, Рейндорфы, Баннерманы и другие.

Мы разговаривали за обедом. Марк пригласил меня к себе, чтобы я мог отведать настоящей кухни его народа — фанти. У фанти гастрономические традиции оберегаются прежде всего женщинами, которым принадлежит исключительное право — или обязанность? — приготовление завтраков, обедов и ужинов. Мужчины не подходят к очагу. И наш обед был сделан руками жены Дэви-Хейфорда и его помощницы по клинике Кэтрин. Он был выше всех похвал.

Поблагодарив хозяйку, мы встали из-за стола. Было часа три пополудни, и за окнами стояла душная жара. Но в комнате от бесшумного, прикрепленного к потолку фэна шел освежающий поток воздуха. Марк поставил на диск проигрывателя долгоиграющую пластинку с записями «хайлайфов», и мы молча слушали их шумные то веселые, то грустные мелодии.

Хайлайф — это прежде всего танец. Хотя он и возник совсем недавно, никто не знает, как он появился и почему завоевал столь громадную популярность. На юге Ганы нет человека, который бы не мог танцевать «хайлайфа». И на дружеской вечеринке, и на политическом митинге не обходится без этого танца. Много различных танцевальных эпидемий обрушивалось на Гану — минули в Лету твист, рок-н-ролл, фокстрот, а хайлайф любим, как и прежде. Может быть, потому, что это не только танец. Очень редко он не сопровождается песней. Марк переводил мне отдельные куплеты, звучащие с пластинки, и мы вместе смеялись над острыми сатирами или веселыми шутками создателей этих хайлайфов. Каждая из песен, наверно, не переживает события, которому она посвящена, но сам жанр стал народной традицией — очень емкой, очень послушной формой высказывания мыслей и чувств улицы.

Улица любого города Ганы чрезвычайно «музыкальна». Несколько парней находят деревянный ящик, жестяные банки разного размера и образуют импровизированный оркестр. Когда приходит из северных провинций бродячий певец с зажатым под мышкой небольшим барабаном и спутником-мальчишкой, аккомпанирующим ему на сделанной из обтянутой змеиной кожей

продолговатой тыквы скрипке, вокруг сразу собираются слушатели. Вечером, гуляя по городу, постоянно слышишь из-за стен домов перестук барабанов и женское пение. Музыка здесь — это сама стихия.

А хайлайф превратился в язык улицы. Им она описывает все значительные события своей жизни, комментирует свою историю, рассказывает о своих бедах либо радостях, излагает свою мораль и житейские мудрости. Когда-нибудь в будущем историки, изучающие развитие народного самосознания в Гане, станут охотиться за записями этих песен, как за редчайшими манускриптами. Сегодня же их хранят только короткая уличная память да немногочисленные грампластинки.

Проигрыватель замолк.

Под новым углом зрения увидел я ганскую столицу, прочтя книгу «Черная власть» американского писателя Райта. О ней впервые мне рассказали в Лагосе.

Сотрудник министерства информации Нигерии, средних лет англичанин, сероглазый, с жесткой щеткой рыжих усов и пшенично-желтыми волосами, жаловался:

— Когда проживешь в этих местах много лет, то становится трудно писать. Куда проще моим коллегам из Лондона. Они проводят в Нигерии две-три недели, а потом публикуют книгу в двести страниц.

В словах моего собеседника слышалось и презрение к лондонским «шелкоперам», и нотка зависти: сам он не опубликовал ни одной книги, хотя вот уже больше двадцати лет знает Нигерию, которую изъездил вдоль и поперек.

— Почему? — спрашивал я.

— Поймите, — объяснял он, — я не могу и не хочу повторять общие места или описывать экзотику, до которой падки издатели. Обратите внимание, появился целый жанр литературы, посвященный африканским странам. За редким исключением, его создатели — люди с минимальным африканским стажем.

Была доля истины в том, что он говорил. Уже определилось немало проверенных опытом приемов описания африканских стран — несколько страниц о богатстве природы, несколько страниц о бедности людей, упоминание о диких обычаях прошлого и рассказ о прогрессе

се в области просвещения, пара глав об африканских контрастах и прогнозы на будущее.

— Есть и удачи,— продолжал англичанин.— Не знаю, попадалась ли вам книга Ричарда Райта о Гане? Если память не изменяет, она называется «Черная власть». Впрочем, я уверен, что вам она не понравится.

И он засмеялся.

Мы расстались. Вернувшись в Аккру, я припомнил рекомендацию своего знакомого и в лучшем книжном магазине Ганы — книжной лавке университета в Легоне разыскал книгу Райта. Она действительно называется «Черная власть». Это массивный том в черном коленкором переплете с золотым тиснением.

В то время я жил в гостинице «Рингуэй», на втором этаже. Внизу был бар и танцплощадка под открытым небом. Когда зажигались развешанные по ее углам разноцветные фонарики, небольшой оркестр начинал свою рабочую ночь. Допоздна слышались усиленные громкоговорителями мелодии хайлайфа. Обычно, пока площадка не опустеет, заснуть невозможно. Но, открыв книгу Райта, я скоро стал слышать только его голос.

Райт, американский негр, довольно широко известный своими романами, побывал на Золотом Береге в начале пятидесятых годов. В то время страна только недавно получила режим внутреннего самоуправления, и правительство во главе с доктором Кваме Нкрумой делало свои первые шаги. Райта волновали десятки вопросов, но прежде всего — как молодое африканское правительство справляется с новыми и необычными задачами, каково значение для Африки этого опыта. Со страниц книги звучал то недоумевающий, то скептический, то радующийся, то раздраженный голос.

Я не заметил, когда оркестр кончил играть и опустела танцплощадка. Мысли и наблюдения Райта вызвали во мне противоречивое чувство.

Хотя я приехал в Гану примерно через десять лет после американца, сначала мне казалось, что мы видели примерно одно и то же и говорили с теми же самыми людьми.

Райт рассказывает, как однажды к нему в дом пришел молодой парень, одержимый желанием стать детективом. Он хотел, чтобы писатель помог ему получить доллары и записаться на существующие в Америке

заочные курсы сыщиков. Между ними произошел следующий разговор:

— Что надоумило вас стать детективом?

— В журнале... В одном американском журнале, сэр... том, что пишет о преступлениях. Он у меня в комнате, сэр. Хотите, я его принесу?

— Нет, нет, не нужно. Так почему же вы хотите стать сыщиком?

— Чтобы ловить преступников, сэр.

— Каких преступников?

Он посмотрел на Райта, словно тот неожиданно лишился рассудка.

— Англичан, сэр! — воскликнул он. — Мы, африканцы, не нарушаем закона. Сэр, это наша страна. Это англичане пришли сюда, поработили нас, забрали нашу землю, наше золото, наши алмазы. Если бы я был хорошим сыщиком, я бы узнал, как они это сделали. Я бы бросил их в тюрьму!

Со времени этого разговора прошло немало лет, и, конечно, сейчас тот молодой парень знает, что не нужно становиться сыщиком, чтобы освободить свою родину. Может быть, это его младший брат спрашивал у меня, как получить стипендию в Советском Союзе, чтобы выучиться на инженера.

За прошедшее со времен Райта десятилетие вошло в жизнь новое поколение.

В магазине к вам подходит молоденький приказчик в белом халате, с любезной улыбкой на лице. Его время принадлежит вам, и он внимательно выслушает ваши просьбы и даже капризы. Вместе с вами он пройдет от полки к полке, принесет со склада несколько новых образцов нужного вам товара.

А вечером этот молодой паренек сидит за книгами или спорит с друзьями. Его интересы не ограничиваются Ганой, он знает, что происходит в Конго, какую речь произнес британский премьер, что за резолюции обсуждаются в ООН. Если он считает вас другом своей страны, то откровенно расскажет и о том, что, по его мнению, еще плохо, еще не налажено в Гане.

В университете, находящемся в нескольких километрах от столицы, мне довелось как-то раз встретиться с группой студентов-социалистов. Мы сидели, человек десять, в маленькой комнатке одного из студентов, звали

которого Кваме Овусу. Окна закрыты, чтобы не налетели комары, и хотя солнце уже село, жарко было почти невыносимо. Разговор шел оживленный, и молчавших по углам не было. Спорили о семилетнем плане экономического развития страны,— его проект на днях был опубликован.

— В плане предусматриваются слишком крупные займы за границей, — говорил один из студентов. Его голос звучал резко: — Это может поставить страну в зависимость от Запада.

— Но где взять средства? — возражал ему высокий худой студент. — Нам надо развивать и сельское хозяйство и промышленность одновременно, иначе возникнут диспропорции, которые трудно будет преодолеть.

Вмешался третий:

— Конечно, план предусматривает большие займы за рубежом. Но и внутренние накопления велики. — Подумав, он добавил: — Мы сможем, вероятно, большую часть средств получить от социалистических стран. Это позволит нейтрализовать попытки Запада использовать экономические средства для шантажа.

Обо мне набившиеся в комнатке ребята забыли, а я чувствовал себя не в Африке, а словно перенесенным в общежитие какого-то московского вуза. Эти студенты умели думать и любили это весьма порицаемое во многих африканских странах занятие. И еще — они уважали мнение друг друга.

Мне кажется, что у Ганы нет лучшего приобретения, чем эта перешагивающая через первые ступени жизни молодежь. Правда, после 24 февраля 1966 года и установления военной диктатуры на поверхность всплыли люди иных жизненных устремлений. Сейчас делаются попытки перечеркнуть все сделанное первым правительством независимой Ганы. Но я не верю, что солдаты удадутся изменить характер воспитанной за годы независимости молодежи.

В свое время Райт столкнулся с одним из нынешних хозяев Ганы — торговцем леса. Они и тогда чувствовали себя силой, верили, что будущее лежит в их пухлых бумажниках. Райт разглядел, как свирепо их желание подмять страну, и содрогнулся. Он пересказывает всю свою беседу с лесоторговцем. Разговор происходил в баре, в руке торговец держал стакан виски.

— Моей семье принадлежат здесь леса и плантации какао, — сказал он.

— Да?

— Раз ты видишь меня в баре пьющим — это еще не значит, что я не знаю, что делаю.

— Я не сомневаюсь в ваших способностях, — заметил Райт.

— Послушай, — сказал торговец, — вот эти вожди... Я их в грош не ставлю. Они говорят, что они хозяева над людьми. Хорошо. Как они доказывают, что они — хозяева? Заставляют людей нести их на своих плечах. Ты когда-нибудь видел паланкин? Четыре мужчины несут одного человека. Конечно, когда четверо несут на своих плечах одного, это верный знак, что он хозяин над людьми... Все видят и знают, что человек, которого несут таким образом, — хозяин. Но я не вождь, я бизнесмен. Как же я показываю людям, что я хозяин? На меня работает сотня людей. Но они не носят меня на своих плечах. Пойди-ка сюда, я тебе кое-что покажу.

Он поднялся и пошел к двери. Райт последовал за ним. Торговец откинул грязную занавеску и ткнул пальцем в темную дождливую ночь.

— Видишь эту машину? — спросил он.

На краю открытой сточной канавы стояла длинная черная машина, и ее фары и задние огни мягко сияли в сырой темноте.

— Вот мой паланкин, — сказал он Райту. — Понимаешь? Я заставил сто пятьдесят лошадиных сил носить меня. И все людишки вокруг, белые и черные, знают, что я хозяин, когда видят меня в этой машине... Я современен. Я не вождь, которого полуголые и истекающие потом люди носят на плечах...

В какой-то мере Райту повезло как журналисту: не часто сталкиваешься с людьми, которые способны, подобно его лесоторговцу, так четко, я бы сказал, наглядно выразить и свое нутро, и свои претензии. Живя в Гане, и я не раз имел случай говорить с людьми, которых десять лет назад многие прочили на роль господствующего класса. Но ни один из них не обладал присущей райтовскому лесоторговцу силой.

В Аккре есть несколько районов, излюбленных людьми богатыми. Это — Северное Осу, Кольцевые дороги, окрестности госпиталя Ридж. Невысокие, но простор-

ные, часто стоящие на столбах, дабы избежать сырости, дома окружены там купами деревьев и едва видны за высокими кустарниковыми изгородями. У ворот стоят таблички с именами избранных, допущенных за очень высокую плату в этот обетованный уголок. На улицах здесь немыслимо встретить прохожих, разве что возвращается с ночи сторож или совершает обход полиции-ский. Пронесются поблескивающие свежим лаком машины.

Однажды меня пригласили в один из этих домов на обед. Не без колебания принял я это приглашение. Обычно в этот узкий, очень замкнутый мирок не допускают советских, и не то чтобы из особой ненависти, а главным образом из неприязни вообще к чужакам, к не посвященным в «тайны» этого круга. Мне не представлялось, о чем мы сможем разговаривать, если, конечно, не случится стихийного бедствия. Тогда тема была бы обеспечена.

Неожиданно вечер оказался интересным. Хозяин — адвокат по профессии — пригласил нескольких близких друзей. Когда я приехал, около буфета уже шумели голоса. Гости были в темных костюмах, накрахмаленных белых рубашках, при галстуках, некоторые в смокингах. По стенам большого зала висели английские гравюры — всадники травили собаками лис. На столе сверкали сегобром подсвечники, поблескивал фарфор.

Эта чисто английская обстановка дома не удивила меня. Местный сноб, получивший образование в Европе, довольно скоро может забыть лекции своих профессоров, но никогда из его памяти не изгладятся мелкие европейские условности. В бывших английских колониях значительная часть людей побогаче старательно копирует манеры своих бывших господ, тогда как в бывших французских — царят французские вкусы. Еще полбеды, если бы дело ограничивалось модами или прическами; хуже, что исчезает чувство национального достоинства, уважение к родному народу.

Разговор вокруг шел самый легкий. Я сел с хозяином дома, и, когда у него появлялась свободная минута, он шептал мне весьма ядовитые характеристики своих гостей.

— Этот, — кивал он на толстого, в белом смокинге мужчину, — еще пятнадцать лет назад посылал жену на

рынок торговать по мелочи. Сегодня он владеет несколькими грузовиками. Начал с выгодного подряда...

— А тот, что стоит у стола, был учителем. Разбогател на земельных распрях между деревнями. Брался передавать взятки судьям и прикарманивал получаемые от крестьян суммы.

Когда все сели за стол, заговорили о введенном недавно в стране контроле над импортом из-за границы. Эта мера больно задела местных торговцев, спекулирующих привозными товарами, недовольство за столом было всеобщим.

— Куда мы идем? — вопрошал бывший учитель. — Разве об этом мы мечтали? Деловому человеку негде развернуться. Ограничениями мы связаны по рукам и ногам. — Повернувшись ко мне, он продолжал: — Вы знаете, мы не против социализма. Но зачем душить частное предпринимательство? В нашей стране, очень бедной, нужны энергия и инициатива каждого, не правда ли?

Вопрос был чисто риторическим, мой ответ ему был не нужен.

Когда я собрался уходить, хозяин воспользовался тем, что его гости окружили разносившего виски боя, и вышел проводить меня до машины.

— Как понравились вам мои знакомые? — спрашивал он. — Наверное, вам впервые приходится встречаться с настоящими предпринимателями?

Он улыбнулся. Я пробормотал в ответ что-то невразумительное.

— Конечно, эти люди обеспокоены, — говорил хозяин. — Но не обманывайтесь. И сегодня им удастся сколачивать деньжонки. Может быть, завтрашний день будет еще успешнее?

Хозяин засмеялся. Пожав друг другу руки, мы расстались.

Эта встреча состоялась в мои первые месяцы в Гане. Позднее мне не раз приходилось иметь дело с людьми, посвятившими свою жизнь деланию денег. Их типы чрезвычайно разнообразны.

Каждый из живущих в Аккре европейцев знает «Канс бэкери». Этот небольшой, торгующий продовольствием магазинчик был открыт, когда все остальные лавки в городе уже не работали. В воскресенье или

поздним вечером здесь можно было получить свежий хлеб, сигареты, купить сахар. Владелец магазина и его семья жили на втором этаже, над лавкой. Сам хозяин, молчаливый, уже пожилой человек, обычно днями сидел за кассой, а его дочь и два сына обслуживали покупателей. В этом небольшом деле не использовался наемный труд, и потому, не нарушая трудового законодательства страны, хозяин мог держать свой магазин открытым сколько вздумается.

На центральном столичном рынке Маркала я познакомился с главой «цеха» торговцев мешками. Это был высокий мужчина с глубокими шрамами на лице. Шрамы покрывали лицо как паутина, их нанесли еще в детстве, как знак принадлежности к одному из родов народа джерма. Народ этот живет на берегах реки Нигер на территории страны с одноименным названием.

Торговец был совершенно неграмотен, что, впрочем, не мешало ему вершить большие сравнительно дела. По его словам, он пришел в Аккру лет двадцать назад на заработки, жить устроился у своего земляка — уроженца той же деревни, что и он. Тот посоветовал ему заняться мелкой торговлей и обещал дать необходимые для начала деньги.

— Если дело у тебя пойдет, через год ты вернешь мне мою ссуду, — говорил тот. — Ежели провалишься, через год я тебе опять помогу. Но уж если не получится и во второй раз, тебе придется идти на плантации или золотые рудники. Долг отработаешь.

Сначала молодой парень собирал бутылки, но в этом выгодном деле уже существовала монополия. После того как конкуренты его несколько раз избили и предупредили, что он может кончить плохо, ему удалось прибиться к торговле мешками. Спрос был большой, за мешками приезжали из деревень перед сбором какао, мешки покупали и отходники перед возвращением на родину. В конце года удалось вернуть долг и оставить себе немного денег.

Уже в конце нашего разговора я спросил у торговца, как идут дела теперь. Тот замаялся, но потом все же сказал:

— Хуже, чем раньше. Трудно переводить деньги на родину. Можно купить товар и отправить его, но здесь

Жизнь этого человека тесно связана с морем. Он рыбак из племени га (племя рыбаков)

поднялись цены, и вместе с таможенными пошлинами на границе они обойдутся слишком дорого. Больше нет выгоды.

Когда я через несколько месяцев снова побывал на рынке Маркала, то больше не встретил своего знакомого. Мне рассказали, что он вернулся на родину.

Конечно, уезжали далеко не все, многие оставались. Существовали возможности в торговле, некоторые пробовали свои силы в спекуляции землей, другие строили доходные дома, третьи вкладывали деньги в производство строительных материалов, в транспорт, в лесной промысел. Так постепенно ганская буржуазия набирала силы, чтобы бросить вызов правительству.

Многое из того, что рассказано выше, мне стало заметно благодаря книге Ричарда Райта. Но англичанин, рекомендовавший его книгу, оказался прав: в общем она вызвала во мне чувство активного протеста. Сцена за сценой, эпизод за эпизодом писатель создавал гнетущую картину безмерного хаоса, из которого просто нет выхода. Дикие предубеждения, фантастические верования, необузданные страсти якобы полностью затуманивали сознание народа Ганы, и он оказывался способен лишь к лихорадочным, зачастую бессмысленным и опасным действиям.

Этот пессимизм мне казался столь же неоправданным, как и картина ганской жизни, которую пытался нарисовать Ричард Райт. Его точка зрения до странно-го напоминала взгляды, широко распространенные среди части ганской интеллигенции.

Говорит известный аккрский адвокат в узком кругу друзей и почитателей:

— Наш народ распался. С одной стороны, я вижу прущее из глухих деревень и городских предместий варварство. На другом конце мы — жалкая кучка образованных людей. Там стихия, здесь разум. В нашей стране они оказались несовместимы.

Седые головы слушателей важно наклонялись в знак согласия и одобрения.

Одно время, в конце сороковых годов, эта группа интеллигенции была настроена иначе. Ей думалось, что она сможет повести народ за собой по гладенькой дорожке либеральных реформ. Но в феврале 1948 года в Аккре, Кумаси и некоторых других городах произо-

шли народные беспорядки, жестоко подавленные армией и полицией. Для правого крыла интеллигенции стала более или менее ясна беспочвенность ее надежд. С этой поры она начинает все более активно поддерживать консервативные и откровенно реакционные силы — вождей, связанные с англичанами круги буржуазии.

У части интеллигенции разрыв с народом был следствием прежде всего ее политических убеждений. Но и среди прогрессивных групп образованной части общества иногда бывало острым ощущение своей «далекости» от народа, от его чаяний и нужд. Их тоже иногда захлестывали настроения пессимизма и отчаяния.

Само образование становилось зачастую преградой между этими людьми и народом. Начиналось с первых классов школы, где все преподавание строилось по колониальным образцам и из ученика старательно выколачивалось уважение к национальной культуре, морали, к родной истории. Положение усугублялось в средней школе, где ученики обычно не только учились, но и жили. Если раньше влияние школы уравновешивалось в какой-то степени семьей, то теперь ученик оставался один на один с колониальным вариантом западной культуры. И, наконец, он уезжал продолжать образование в Европу, обычно в Англию, откуда через несколько лет возвращался, забыв почти все о родном народе.

В среде интеллигенции эта духовная изолированность еще не породила сознания трагичности собственного положения и ощущения прямой вины перед народом. Многие воспринимают привилегии, дарованные образованием, как нечто, положенное им по праву, не понимая, что их знания оплачены эксплуатацией чужого труда. Когда я рассказывал о великом моральном движении русской интеллигенции XIX века — о хождении в народ, мои ганские знакомые недоуменно пожимали плечами. Этот жест искупления им ничего не говорил.

Для многих и многих из числа ганских интеллигентов подъем политической активности народа, его прямое вступление в борьбу за будущее страны были и остаются пугающими явлениями. Когда они видели, что народ выходит на улицы, то торопились понадежнее запереть двери своих особняков.

Эти взгляды и стали взглядами заезжего американца. Действительность была и страшнее, и радостнее одновременно.

КРЕПОСТИ И ЗОЛОТО

Виннеба расположена в шестидесяти километрах от Аккры. В начале мая 1964 года я оказался в этом небольшом рыбацьем городке по пути в Обуаси, центр ганской золотодобывающей промышленности. Мне повезло. На другой день после моего приезда в Виннебу здесь должен был состояться праздник живущего в этих местах небольшого племени эффуту.

С раннего утра на берегу моря чуть ли не все жители города ждали выхода вождя. Он появился в паланкине под пестрыми зонтами в сопровождении глашатаев и трубачей. Роскошное, сверкающее на солнце яркими красками шелковое кенте, отделанные золотом сандалии, золотые перстни на пальцах, массивная золотая цепь, золотая корона — каждая деталь облика вождя должна была говорить о богатстве и силе его народа, чьим достоянием оставалась вся украшавшая владыку роскошь.

Началось празднество. Две группы молодых людей — «воинов» вышли в окружающую город саванну и рассеялись по отведенным участкам. Они участвовали в своеобразном соревновании на ловкость, — героем празднества становилась группа, которой удастся поймать голыми руками и первой принести вождю для торжественного жертвоприношения маленькую местную антилопу. В прошлом каждая группа соответствовала военному отряду «асафо», и это название сохранилось по сей день.

В праздник жители города распадаются на две партии страстно спорящих между собой болельщиков. Охота продолжается часами, и времени для жарких дискуссий предостаточно. Это соперничество двух «асафо» так же старо, как и само племя, и в пылу полемики болельщики часто вспоминают прошлые победы и поражения. Лишь несколько десятилетий назад антилопа заменила под жертвенным ножом человека. В день торжеств

Только мягкий шум морского прибоя нарушает тишину этого местечка на западе Ганы

старики рассказывают, как раньше совершался сегодняшний обряд.

Наконец прибегающие мальчишки оповещают, кому улыбнулась удача. Раздаются радостные крики, насмешливые шутки над побежденными. Победенные угрожают расправиться с победителями в будущем году. Перебранку останавливает только появление охотников со связанной антилопой, которая передается вождю. Он прольет ее кровь в честь предков и покровительствующих племени божеств.

Постороннему и охота за антилопой, и вся пестрая жизнерадостность праздника могут показаться лишь яркой особенностью местного быта, имеющей не большее значение, чем, скажем, гуляния на масленицу. Для многих виннебцев так и есть, — обряд в их глазах потерял свой прежний ритуальный смысл. Но, пожалуй, большинство народа продолжает иначе относиться к своему празднику.

Традиционные верования оказались чрезвычайно живучи. В южных районах Ганы они успешно сопротивлялись проникновению христианства, которое насаждали враждующие между собой церкви. Даже те из ганцев, кто был обращен в христианство, часто продолжали соблюдать обряды своих отцов. Редкие христиане, отказывавшиеся следовать обычаю, подвергались настоящему остракизму — их отстраняли от дел деревень, изгоняли. Сравнительно недавно старейшины одного из реликтовых местных «государств» потребовали смещения своего вождя. Объясняя это требование, они говорили, что их вождь — христианин и нарушает обычаи народа, не соблюдает положенных обрядов. В конце концов вождя убрали.

Может быть, этот эпизод лучше всего показывает, почему нельзя оставаться безразличным к устойчивости, к прочности традиционных верований. Согласно взглядам народов южных и центральных областей страны, верховный вождь — священная особа, обязанная не только управлять, но и блюсти религиозные обряды, чистоту традиционных верований. В определенном смысле государства Ганы имели теократический характер, поскольку вождь являлся и верховным жрецом. Захват этих государств англичанами ничего не изменил в этом отношении. А что следует из этой особенности местной

жизни? Ответ однозначен. Пока не подорваны народные верования, будут сохранять свое влияние и вожди. Их нельзя уничтожить, убрать. На место снятого будет немедленно выдвинут новый, который в случае необходимости станет осуществлять свою власть из-за кулис, через подставных лиц. Колонизаторам не раз приходилось сталкиваться с подобной ситуацией, и в конце концов они предпочли конфликтам с вождями политику их приручения.

Вожди — а их в Гане многие сотни — по сей день остаются в стране большой силой. Возможно, что, будь они несменяемы, ганцам давно надоели бы и самоуправство, и жадность, и косность традиционных владык. Но пережитки родо-племенной демократии в данном случае спасают весь строй: особенно опостылевшего всем вождя можно свергнуть, возвести на его трон другого. В Гане постоянно происходят смещения и свержения скомпрометированных владык, постоянно вспыхивают ссоры между «партиями» сторонников той или иной кандидатуры на престол. Повторяю, сам строй от этого до поры до времени выигрывает. Возможность осуществления перемен демократическим путем предохраняет его от вспышки всеобщего возмущения, которая бы закончила с традиционной властью раз и навсегда.

В Виннебе существует хорошая школа, с одним из преподавателей которой, Генри М., меня связывало давнее знакомство. Я остановился у него на ночь, утром мы вместе смотрели празднество. Когда происходил торжественный выход вождя к народу, он заметил, повернувшись ко мне:

— Как по-разному могут видеть люди одно и то же. Я не сомневаюсь, что ты просто любишь необычным зрелищем. Я же спрашиваю, когда выхолостится религиозный смысл из этого праздника, когда он превратится всего лишь в народное гуляние. До тех пор нам будет трудно двигаться вперед.

Генри был прав.

При встречах вожди обычно казались мне скорее фантастичными, чуть смешными, а не реальными фигурами. Как-то раз, когда я был у наших летчиков в аккрском аэропорту, туда приехал вождь. Это был сморщенный старичок, увешанный просто невероятным количеством золотых украшений. Наверное, в одной толстой це-

пи, висевшей у вождя через плечо, было не меньше пуда благородного металла.

Старичок настороженно поглядывал вокруг, ошарашенный и доносящимся из соседних мастерских шумом, и видом странных для него летательных аппаратов. Сопровождавший вождя «лингвист» — придворный, через которого вождь может разговаривать с окружающими, подошел к нашим летчикам и сказал, что вождь никогда не летал и очень хотел бы испытать ощущение полета.

Наши ребята переглянулись между собой. Видимо, их позабавила перспектива покатать старика между облаков. Один из летчиков распорядился, чтобы к взлету подготовили вертолет, и предложил лингвисту проводить вождя к машине. Через несколько минут они уже были в воздухе.

Весь полет продолжался не больше пятнадцати минут. Когда вертолет приземлился, старик первым выскочил оттуда. Его лицо буквально посерело от пережитых испытаний. Он через лингвиста поблагодарил экипаж и, явно молясь сохранившим его жизнь богам, заторопился с аэродрома.

Летчики добродушно улыбались.

В торжественные моменты, окруженные ликующими подданными, в сиянии роскошных одежд и украшений, в громе труб и барабанов, вожди могут показаться живыми куклами. Да так оно, в сущности, и есть. Каждое их движение и каждый поступок предусмотрены и определены строжайшим церемониалом, который опасно нарушать. Но праздники коротки, а будни длинны. В будни вчерашняя кукла приобретает самостоятельность и оказывается дельцом, политиком, предпринимателем. Прячется в сундук шелковое кенте, надевается английский костюм.

Не раз Гане пришлось испытать силу вождей. Напомню только об одном из сравнительно недавних эпизодов.

19 сентября 1954 года в центре области Ашанти городе Кумаси состоялся первый митинг новой партии — Движения национального освобождения. Это название способно ввести в заблуждение, ни о каком национальном освобождении лидеры движения никогда не думали. Их ставка с самого начала делалась на национа-

лизм ашантийцев, и уже первый митинг был проведен с нарочитым соблюдением национального ритуала больших общенародных собраний. Его сопровождали стук военных барабанов, мушкетные залпы, пение военных гимнов. Председателем партии был избран старший лингвист верховного вождя ашантийцев — асантехене. Это также должно было показать связь движения с национальными традициями народа.

Председатель партии Бафур Осеи Акото был известен своим богатством, нажитым на продаже какао-бобов. Но никто не обманывался в том, кто являлся подлинным хозяином движения. В очень осторожной форме старая лиса асантехене Премпе II обещал партии свою поддержку. Он и был подлинным вдохновителем движения. А как только его позиция стала известна, о своей симпатии к партии заговорили и остальные вожди области Ашанти. Район за районом переходил на сторону борцов за «святые обычаи» народа ашанти.

В октябре 1954 года Совет ашантийцев — высший в крае орган традиционной власти — обратился к английской королеве. Совет призывал королеву создать комиссию, которая бы изучила возможность установления в Гане федеральной структуры государства. Как стало ясно позднее, вожди хотели, чтобы каждая область страны получила внутреннюю автономию и имела бы свое законодательное собрание. Английское правительство ответило на просьбу Совета отказом.

В скобках замечу, что через несколько лет во многих африканских странах эта найденная ашантийскими вождями идея федерализма будет подхвачена столь же реакционными общественными группами. В федерализме феодальные круги других африканских стран увидят щиг от демократических поползновений со стороны центральных правительств, от всех попыток ликвидировать их привилегии. Так, благодаря консерваторам и реакционерам этой родившейся в Кумаси идее будет суждена довольно долгая, хотя и бесславная жизнь.

Когда не оправдались надежды на открытую помощь метрополии, лидеры движения организовали кампанию террора против стоящей у власти Народной партии Конвента. Все средства были хороши — пытки, тайные убийства, бомбометания. При ДНО активно создавались полувоенные отряды из молодежи, которым поручалось

запугивание противников. Во многих районах Ашанти дело дошло до того, что правящая в стране партия оказалась вынуждена фактически уйти в подполье.

В течение 1955 и 1956 годов шла ожесточенная борьба. Попытки правительства договориться отвергались руководством движения. Мне рассказывали, что в середине 1955 года вожди партии были убеждены — еще одно усилие, и правительство падет. К тому же ашантийских вождей стали поддерживать и Партия народов Севера, тесно связанная с родо-племенной верхушкой северных районов Ганы, и фанатичная Партия ассоциации мусульман, и вожди народов фанти, эве и других. В стране сложилось предельно напряженное положение.

Когда позднее меня спрашивали, почему правительство во главе с доктором Квама Нкрумой не уничтожило институт вождей, я всегда вспоминал эпоху испытания силой между Народной партией Конвента и Движением национального освобождения. В 1954—1956 годах вожди делом доказали, что ведут за собой весьма значительные слои ганского общества. Попытка их ликвидации немедленно вызвала бы повторение трагических событий 1954—1956 годов, может быть, привела бы даже к большему кровопролитию. Поэтому правительство независимой Ганы пошло по пути постепенной замены своими сторонниками вождей, известных враждебностью к Народной партии Конвента. Оно не имело возможности осуществлять более радикальную политику в этом вопросе.

Иногда сравнивают действия ганского правительства с решительными мерами, проведенными в Гвинее. Там ликвидация поста кантонального старшины была осуществлена простым декретом. Но разве можно забывать, что в Гвинее традиционные вожди в своем большинстве были устранены еще в период завоевания страны французскими военными отрядами, а кантональных старшин окружало всеобщее презрение, а то и ненависть? Картина в Гане была совершенно иной.

В своем отношении к вождям правительство доктора Нкрумы проявило мудрую гибкость. В конечном счете их влияние оказалось нейтрализованным, и правительство больше не встречало серьезной оппозиции с их стороны. Знаменательно, что и роковой удар по режиму был нанесен 24 февраля 1966 года не традиционной

знанию, как некоторые ожидали, а близким к буржуазным кругам офицерством. К 1966 году буржуазия «приняла эстафету» у вождей.

Короткая остановка в Виннебе оказалась поучительной. После разговора с Генри мне было о чем поразмышлять.

Дорога, по которой я ехал, шла вдоль моря в нескольких километрах от берега. По правую руку почти все время тянулась гряда поросших лесом холмов. В конце января, когда разом распускаются миллионы цветов на кронах деревьев, эти холмы становятся кроваво-красными. Но сейчас ничто не разрывало их монотонной зеленой ленты.

Это бедный, обездоленный край. Чуть дальше к северу начинаются леса и плантации какао, заложившие основу состояния многих и многих ганских богатеев. Но шоколадное дерево не растет на открытой прямым лучам солнца местности, а от выращиваемого в здешней саванне маниока еще никто никогда не разбогател. В редких деревушках вдоль дороги большинство домов крыто пальмовым листом, и только закусовые — «чопбары» и лавки торговцев поблескивали железом или алюминием.

Идущая вдоль побережья дорога соединяет старейшие города страны — Солтпонд, или «Соляной пруд», названный так из-за давнего в этих местах соляного промысла; Кейп-Кост, или Огуаа; дальше следуют Элмина, Секонди-Такоради. Рядом с Солтпондом на холме стоит белый каменный форт, построенный голландцами. Есть большая крепость и в Кейп-Косте. У ее стен стоят старинные чугунные и бронзовые пушки, на которых еще можно разобрать надписи на английском и португальском языках. С крепостных бастионов европейцы могли держать под обстрелом любой квартал города.

Ныне Кейп-Кост выглядит провинциальным, заштатным городом. На его улицах не чувствуется, как в Аккре, нервной пульсации жизни. Долгое время он соперничал со столицей и остроумием своих журналистов, и богатством купцов, и ловкостью адвокатов. Эта слава — в прошлом. Когда я приехал в Кейп-Кост, там не

выходило ни одной газеты, наиболее яркие, талантливые из его жителей давно перебрались в Аккру. Единственно, что все еще напоминало о былом значении Кейп-Коста,— это его средняя школа Мфантсипим. В 1966 году она отпраздновала свое девяностолетие.

Перевести название школы трудно, примерное значение — «фанти в своей многочисленности». В 1876 году ее основали священники одной из миссий, но до 1905 года она влачила жалкое существование. Расцвет школы совпадает с подъемом национального самосознания фанти, этой крупнейшей народности приморья Ганы. Джон Менса Сарба, выдающийся юрист, автор первого в истории Ганы научного исследования по обычному праву фанти, решил превратить прозябавшую в холодных руках миссионеров школу в центр просвещения и образования родного народа. Он мечтал о том времени, когда тысячи детей смогут сесть за парты.

Но первый год в школе насчитывалось всего 20 учеников. Ее организаторы не получили и малейшей поддержки от губернатора колонии, что было понятно. Местная знать и торговцы также холодно встретили начинание Сарба. Известность, потом слава медленно приходили к Мфантсипиму. Прошли годы, прежде чем он превратился в лучшую из школ страны. Только Ачимота, основанная выдающимся просветителем Эггри, соперничала с Мфантсипимом в популярности, в качестве образования.

До создания под Аккрой в Легоне университета Мфантсипим и Ачимота были основными центрами формирования интеллигенции страны. Выпускники кейпкостской школы любят повторять, что национально-освободительное движение Ганы вышло из их классовых комнат. В этих словах есть большая доля правды.

Долгое время Мфантсипим занимал скромное здание в самом центре города вблизи от книжной лавки методистов. Но я нашел школу уже на новом месте — на холме Кваботве на окраине Кейп-Коста. Она занимала группу легких, светлых зданий. С вершины холма, обдуваемого свежим морским ветром, хорошо виден весь город и океан.

Но пора было ехать дальше. Среди десятка крепостей, выстроенных англичанами, португальцами, гол-

ландцами на ганских берегах, самой интересной считается Элмина. Она расположена примерно на полпути между Кейп-Костом и Секонди-Такоради.

Еще издалека видны массивные белые стены и башня крепости, нависшей над самой водой. Ее построили португальцы, но в 1638 году она была захвачена голландцами, основавшими здесь свою крупнейшую торговую факторию. На берег небольшого заливчика у замка вытащены десятки пирог. Чуть дальше начинается сам город, застроенный сложенными из камня домами. Еще голландец Босман в конце XVII века обратил внимание на эту особенность Элмины; во всех других городах страны жилища африканцев сооружались из земли, которая наносилась на деревянный каркас.

Замок окружен глубоким рвом, через который переброшен подъемный мост. Внутри крепость оказывается неожиданно очень небольшой. Из тесного, устланного камнем дворика по крутой каменной лестнице можно подняться на стены, откуда смотрят на море ныне безобидные пушки. В толще стен расположены мрачные, темные и сырые казематы, где до прибытия кораблей собирались рабы. Тысячи и тысячи рабов были отправлены через Элмину в Америку.

Гид из числа охраняющих замок полицейских охотно рассказывает полуполюгендарные, полуправдивые истории из прошлого города — о зверствах португальцев, а потом голландцев над измученными людьми, об эпидемиях и голодовках, о бунтах отчаяния. Он вспоминает, что гарнизон крепости обычно отсиживался за ее стенами, не решаясь проникать в глубь страны. Помимо охраны рабов он пытался покончить с контрабандной торговлей теми же рабами и золотом. Но местное население либо подкупало набранных из числа рабов же надзирателей, либо выбирало ночи потемнее и нарушало налагаемые из крепости запреты. Контрабанда процветала.

Прослушав долгий рассказ добросовестного гида, я спросил у него:

— Но если европейцы не организовывали вылазок из крепости хотя бы на соседние деревни, кто же поставлял им живой товар?

Полицейский на мгновение смутился, но все-таки ответил:

— Местные купцы посредничали между работорговцами из внутренних районов и европейцами.

Меня подтолкнул задать этот вопрос один давний спор. Дело в том, что среди африканцев до последнего времени преобладало мнение, что Тропическая Африка в доколониальную эпоху знала лишь домашнее рабство. Иначе говоря, рабский труд не имел большого значения в хозяйстве, применяясь в качестве подспорья к труду свободных общинников, но отнюдь его не вытесняя. Само количество рабов было якобы незначительным, а кроме того, они постепенно «ассимилировались» принявшим их родом, и их дети и внуки становились свободными людьми.

Слабость этой точки зрения заключается в том, что она основывается на изучении главным образом недавнего прошлого африканского общества. Каким оно было столетие назад, когда существовали великие африканские империи? Африканистика практически только приступила к поискам ответа на этот вопрос. Сейчас с уверенностью можно сказать лишь то, что в своем общественном развитии Тропическая Африка знала не только прогресс, но и отступления. Войны отбрасывали отдельные районы континента на столетия назад, разрушалась торговля, уходили в небытие ремесла. Без комплексного изучения данных археологии, редких письменных источников, изустных преданий попытки научной реконструкции социальной структуры доколониальной Африки не увенчаются успехом.

Вместе с тем отдельные факты позволяют предполагать, что в некоторых районах континента рабский труд начал в доколониальную эпоху играть важную роль. По наблюдениям европейских путешественников, в некоторых городах Северной Нигерии рабы составляли около тридцати процентов населения. В государствах Ганы задолго до появления англичан знали долговое рабство. Рассказывая о государствах Западного Судана, видный польский ученый Мариан Маловист приходит к предположению, что там развивались рабовладельческие производственные отношения, столь многочисленными были рабы.

Сам размах работорговли во внутренних районах Африки вряд ли был возможен без повсеместного распространения рабства, без появления экономической

заинтересованности в рабском труде. Больше того, в африканском обществе должны были произойти значительные моральные и психологические сдвиги, чтобы сделать рабство допустимым. Знаменательно, что торговля людьми, насколько можно судить сегодня, процветала там, где сложились государства с деспотическим режимом управления, где о свободный и независимый общинник еще сохранял какие-то права при решении дел родной деревни, но перед лицом государственной машины был абсолютно бесправен. У него развивалась психология приниженности, покорности, несамостоятельности. Рабство уже не представляло в его глазах «крушение мира», а выглядело чем-то естественным, хотя, может быть, и пугающим. Напротив, африканцы из племен, не знавших государственности, никогда не примирялись и со своим закабалением.

Ответ полицейского-гида подтвердил и раньше мелькавшие у меня предположения о трагическом для африканских народов совпадении двух важных исторических процессов — колонизации Америки европейцами и развития рабства на самом континенте. На долгие века Африка была поистине обескровлена вывозом ее сынов и дочерей за океан.

Расставаясь, полицейский добавил, что Элмина являлась также крупным центром скупки золота. По его словам, само название города, сохранившееся со времен его захвата португальцами, означало «рудник», «шахта». Он утверждал, что в те годы добыча золота велась в непосредственной близости от города.

Но в этом мой гид ошибался, — никогда в окрестностях Элмины не существовало золотых приисков. Название крепости вызывало недоумение еще у голландцев, сумевших отвоевать ее у португальцев. Служащий Вест-Индской голландской компании Босман в письмах к своему приятелю в 1700 году высказывал такое предположение:

«Почему португальцы, окрестившие город, дали ему такое название, я не могу определить, ибо на несколько миль вокруг нет золотых рудников. Но если мне будет позволено это предположение, то я склонен думать, что это сделано потому, что они нашли здесь большой приток золота со всех концов. Золото выглядело так, словно поступало прямо с рудников, что, вероятно, и

побудило их дать городу его сохраняющееся с тех пор имя».

Вильям Босман проработал в голландских торговых факториях на побережье Западной Африки четырнадцать лет и оставил «Новое и достоверное описание Берега Гвинеи». Эта книга написана в эпистолярном жанре и содержит богатейшую информацию о жизни и быте народов нынешней Ганы, о существовавших здесь государствах и форме их управления, об европейской торговле. Особое внимание он уделяет торговле золотом. Достошному голландцу ни одна подробность не казалась второстепенной или лишней. Он добивался максимальной точности описания, и это превратило его емкий труд в своеобразную энциклопедию по приморью Ганы. Энциклопедию, написанную рукой художника.

Собираясь в Обуаси, этот центр по добыче золота в современной Гане, я просто не мог не прочесть страниц Босмана, посвященных торговле золотом в его время. И не пожалел об этом.

«Многие люди в Европе верят, что золотые прииски находятся в нашей власти, — начинает Босман свой рассказ о золоте, — что нам, подобно испанцам в Вест-Индии, достаточно заставить работать рабов, чтобы его добыть. Однако вы прекрасно знаете, что у нас нет доступа к этим сокровищам, и я думаю, что никто из наших людей никогда их не видел. Вы легко в это поверите, если я вам скажу, что негры считают их священными и соответственно принимают все меры, чтобы удерживать нас подальше».

Всю торговлю золотом сохраняли в своих руках африканские купцы, и они тщательно оберегали свою монополию. В европейские фактории ими привозился золотой песок, по словам Босмана, тонкий, как мука, и самородное золото. В последнем было много примесей, и скупщики-европейцы предпочитали песок. Наконец, в ходу было так называемое «фетишное» золото — вернее, сплав золота, серебра и меди.

Свое название сплав получил потому, что местные жители отливали из него фигурки — фетиши. Я подозреваю, что это были гирьки для взвешивания золота, которые и сегодня сохраняются в некоторых ганских семьях. Босман рассказывает, что местные купцы подмешивали куски «фетишного» золота в настоящее, и

европейцам приходилось платить полной ценой за низкопробный металл. На окрестных рынках его кусочки заменяли деньги, женщины-торговки на глаз с большой точностью определяли их ценность и называли «какераа».

Как и подобает торговцу, Босман подробно описывает все способы подделки золота, существовавшие в местных краях. Их было немало, и они красноречиво подтверждают изобретательность и ловкость африканских торговцев. Например, самородки подделывались с помощью куска железа, который покрывался толстым слоем золота. В других случаях их изготавливали из ярко окрашенного сплава меди и серебра и подмешивали к настоящим самородкам, так, чтобы покупатель не мог заметить обмана. Изготавливался и «золотой» песок. Его фабриковали из медной проволоки, которая окрашивалась в нужный цвет. Лишь спустя несколько месяцев он темнел и торговец обнаруживал обман.

Объем торговли золотом значительно колебался из года в год, завися главным образом от отношений между государствами, контролировавшими торговые пути к побережью. Когда вспыхивали войны, торговля замирала, снова возрождаясь после заключения мира. Поэтому понятно желание европейцев проникнуть в районы золотых приисков. Но все их попытки в этом направлении — а они предпринимались не раз — проваливались. Два враждующих между собой края — Данкейра и Ашанти — преграждали европейцам путь, а в XVI—XVIII веках те были слишком слабы, чтобы решиться на военное столкновение с африканскими государствами. Прошло немало времени, прежде чем европейские торговцы осмелились выйти из своих замков на побережье и начать завоевание континента.

Появление европейских купцов должно было во многом изменить направление золотых потоков по Западной Африке. Раньше золото концентрировалось в столицах западносуданских империй, откуда шло в арабские страны Северной Африки. Теперь значительная часть металла повернула к морю. Читая Босмана, я спрашивал себя, как сказались на судьбах африканских государств и народов описанная им деятельность ловких европейских предпринимателей, каким было влияние новых направлений торговли на историю континента. Вероятно, возникновение европейских факторий было

одной из косвенных причин упадка западносуданских государств. Но мы все еще знаем слишком мало об африканском прошлом, чтобы уверенно говорить о взаимосвязи, существовавшей между уже известными нам событиями и явлениями.

Здесь, в Элмине, где Вильям Босман служил несколько лет, многое сохранилось в том же виде, что и в его годы. Я приехал в этот город, когда в моей памяти были еще живы босмановские описания. Эти невысокие каменные дома, пыльные незамощенные улочки, перебранка женщин у вытасненных на берег лодок, бродячие торговцы с кусками ткани через плечо, несколько пальм у берега маленького заливики — все это было словно перенесено из XVII века в XX. Нужно было различить засунутую за пояс газету у молодого парня, английские вывески на лавках, транзистор на ремне через плечо у торговца, чтобы понять, как устарел рассказ голландца.

Сбылась за прошедшие годы и его мечта. В конце прошлого столетия европейцам удалось наконец захватить золотоносные районы края.

Чтобы попасть из Элмины в Обуаси, можно ехать двумя дорогами; более длинный путь ведет через Секонди-Такоради, где следует свернуть к северу, к Кумаси. Вторая дорога берет начало от магистрали Аккра — Секонди-Такоради в нескольких милях перед Кейп-Костом. Движение по этому пути много слабее, чем по второму, но он живописнее и пересекает десятки глухих деревень, где всегда можно рассчитывать на гостеприимный прием. Когда-то этот район славился своими плантациями, однако после второй мировой войны крестьяне были разорены страшной болезнью шоколадного дерева, известной в обиходе под названием «распухший побег». Против болезни нет иного средства, кроме полного уничтожения насаждений.

Я выбрал второй путь и повернул обратно, в сторону Аккры. Элмина стояла сделанного мною крюка, да и задержался я здесь недолго. К вечеру, если не произойдет ничего непредвиденного, я должен был добраться до Обуаси.

Беспокоило меня другое. «Ашанти голдфилдс корпорейшн» не подтвердила своего согласия на мое посещение приисков. Если в Обуаси не удастся получить

разрешения компании, придется ограничиться случайными встречами. Это было бы обидно.

Еще до заката солнца я приехал в столицу ганского золота.хлопотать было поздно, и, отложив дела до утра, я поужинал консервами, выпил чая из термоса и решил переночевать в машине. Съехав с дороги, я устроился под громадным хлопковым деревом. За его могучим стволом можно было чувствовать себя как за каменной стеной.

Обуаси лежит в долине, со всех сторон окруженной поросшими лесом холмами. Утром их вершины были залиты солнцем, а над городом еще нависала густая тень. Хотя было очень рано, по улицам пешком и на велосипедах торопились к началу смены рабочие. Они длинной цепочкой выстроились у ворот, ведущих на территорию прииска. Несколько жандармов в красных фесках обшаривали глазами всех проходящих.

Весь застроенный однообразными невысокими домами, город производит гнетущее впечатление. У его планировщиков и архитекторов, действующих по заказу компании «Ашанти голдфилдс корпорейшн», воображение и творческая фантазия явно воспитывались чтением военного устава. Бедная мечеть, церковь чуть побогаче были единственными строениями, хоть чем-то выделявшимися из массы монотонных барачков для рабочих.

Незадолго до посещения Обуаси мне довелось побывать в Катанге на предприятиях ныне ликвидированной бельгийской компании «Юнион миньер дю О'Катанга». Контраст был разительным. В Кольвези, где расположен большой медный карьер и крупный завод электролиза меди, служащий компании знакомил меня с кварталами, выстроенными специально для рабочих. Утопающие в зелени дома были рассчитаны каждый на две семьи и окружены небольшими, занятыми под огороды участками. Неподалеку от рабочих кварталов находился рынок. Здесь же было ремесленное училище, в котором компания готовила свои кадры квалифицированных рабочих и мастеров.

Две причины побудили компанию начать это строительство, — говорил мой спутник. — Первая — как-то покончить с текучестью рабочей силы. Ее подготовка стоит больших денег, а кроме того, текучесть тормозит повышение производительности труда. На определенном

этапе — это было в конце двадцатых годов — дирекция компании пришла к выводу, что, если шестьдесят-сорок процентов рабочих будут ежегодно уходить с ее заводов, дальнейшее развертывание производства станет почти невозможным.

— А какова вторая причина? — спросил я.

— Мы не знаем так называемых трудовых конфликтов, — ухмыльнулся представитель компании. — Каждый не раз подумает, прежде чем осмелится поднять голос. Если мы увольняем человека, в Катанге он больше не находит работы, и перспектива лишиться дома, оказаться на улице охлаждает слишком горячие головы.

Но, видимо, такие все-таки находились. В окрестностях Кольвези из старых досок, ящиков и листов железа бедняги, выгнанные с заводов компании, соорудили свои страшные жилища. Грязь, зловоние окружают этот поселок отверженных смельчаков.

— Мы сознательно не уничтожаем его, — цинично заметил мой спутник. — Пусть все видят, что ожидает тех, кто вызовет недовольство компании. Это наглядное предупреждение.

В Обуаси нет тех крайностей, что приходится наблюдать в Кольвези. Конечно, и «Ашанти голдфилдс корпорейшн» не так богата, как «Юнион миньер дю О'Катанга». Да и Гана — это не Конго. Здесь было бы просто невозможно взять человека за горло столь же железной хваткой, как в Катанге. Еще в годы второй мировой войны на золотых приисках возник один из первых в истории Ганы профсоюзов. Им было проведено несколько крупных забастовок, заставивших правление компании значительно повысить жалованье рабочих.

Осмотрев город, я решил, что пора приступить к официальным визитам. Прохожий объяснил, что резиденция районного комиссара Обуаси находится на холме на окраине города. Надеюсь, что районный комиссар, этот представитель государственной власти в округе, будет способен помочь мне в получении разрешения на осмотр прииска, я поспешил к нему.

Комиссар оказался совсем мблодым, — ему было лет тридцать, не больше. Узнав, что перед ним советский журналист, он принял меня со всем традиционным ганским радушием. Когда я сказал ему, что хотел бы посетить прииски, он охотно обещал помочь.

— Отдохните минуту, пока я позвоню в дирекцию, — комиссар встал с кресла и, оставив меня в холле одного, вышел. Из соседней комнаты скоро донесся его приглушенный голос. Он явно кого-то убеждал, просил.

Когда комиссар вернулся, то по выражению его лица было ясно, что переговоры не увенчались успехом.

— Господин Иорданский, компания не готова вас принять, — обратился он ко мне.

— Но каковы причины отказа?

— Не знаю, не спрашивайте. Мне сказали буквально то же, что я повторил вам.

— Неужели вашего влияния недостаточно для дирекции?

— Моя власть над делами компании не больше вашей, — усмехнулся комиссар.

Так была подведена жирная черта под всеми моими планами. Делать было нечего, приходилось отступать.

Перед отъездом мне предстояло решить еще одну небольшую проблему — где-то пообедать. Клуб «Ашанти голдфилдс корпорейшн» со своим рестораном казался мне наиболее подходящим местом. Комиссар на прощание рассказал, как туда добираться, и я отправился в путь.

Клуб занимал двухэтажное здание с большим застекленным балконом. Обеденное время еще не наступило, ресторанный зал был совершенно пуст. Но я разыскал англичанку, которая занималась в клубе хозяйственными делами, и объяснил, что нахожусь в Обуаси проездом. Она распорядилась, чтобы меня накормили.

Сев за накрытый белоснежной скатертью столик, я с любопытством осмотрелся по сторонам. На стенах висели картины с пейзажами Старой Англии. На всех столиках рядом с солью, перцем и соусами стояли вазочки с белыми таблетками — лекарство против тропической малярии, которое все живущие в Тропической Африке европейцы принимают регулярно под страхом этой опаснейшей болезни. Через ведущую на балкон дверь был виден покрытый зеленым сукном бильярдный стол.

Постепенно зал начал заполняться служащими компании. Среди них были не только англичане, но и французы, немцы. Как я знал, компания охотно принимала

на работу специалистов любой национальности. Но кого не было видно среди обедающих, так это ганцев. На прииске им была отведена роль шахтеров, здесь, в этом зале, — официантов. В ином качестве они появлялись в этих стенах лишь в особых, редчайших случаях, да и то если занимали достаточно высокие посты в государственной администрации.

Возвращаясь по уже знакомой дороге в Аккру, я перебирал в памяти все увиденное за эту поездку. Впечатлений было много, но два, пожалуй, подавляли другие — от силы традиций, с которыми я столкнулся в самом начале пути в Виннебе, и от самоуверенности английской компании, чувствовавшей себя государством в государстве.

Правые круги ганской интеллигенции приходили в ужас, чувствуя подъем политической сознательности народа. Но преследующие их миражи были всего лишь порождением эгоистичного, неспособного освободиться от кастовой ограниченности ума. Напротив, и связанная с устойчивостью традиций косность, и еще не поколебленное самовластие иностранного капитала представляли вполне реальную угрозу. Трудно было сомневаться, что в скором времени предстоит решающее испытание для прогрессивных кругов Ганы.

Поздним вечером я вернулся в столицу. Она еще не спала. Из открытых дверей «чоп-баров» доносились громкие голоса, на дорожной обочине упорно дожидались покупателей уличные торговки, у кинотеатра «Орион» у выезда на Ринг-роад разъезжались машины после окончания последнего сеанса.

СЕВЕР В ТРОПИКАХ

Увидеть юг Ганы — это значит познакомиться с парадным фасадом страны. В этих местах густая сеть дорог, здесь сравнительно много школ и больниц, в городах и их окрестностях есть кое-какие промышленные предприятия. Да и торговля на юге бойкая, покупатель может выбирать между крупными английскими магазинами, лавками предприимчивых ливанских купцов и торговыми заведениями самих ганцев.

Относительное процветание приморья и лесных районов Ганы было связано с культурой шоколадного дерева, завезенного сюда с острова Фернандо-По одним ганским крестьянином. Английские власти оказали содействие распространению новой культуры, купцы предлагали за урожай какао сравнительно высокие цены, и деревню охватила настоящая шоколадная лихорадка. В лесных областях, в особенности в Ашанти, ныне трудно найти крестьянина, который бы не занимался выращиванием шоколадных деревьев.

Но там, где кончался лес, кончалось и благосостояние. Северу Ганы достались лишь скудные капли денежного дождя, одно время пролившегося над югом. Аккрские друзья в один голос утверждали, что существует резкий разрыв в степени развития юга и севера. Особое беспокойство среди них вызывало то обстоятельство, что эти области населены народами разной культуры, исторических традиций, языка. По их мнению, определенные круги могли воспользоваться существующими различиями, чтобы попытаться раздуть недовольство среди северян, разжечь их национальное чувство и противопоставить южанам. Это уже случалось в прошлом.

На переправе через Вольту скопилось несколько десятков машин. Они вытянулись длинной колонной — легковые автомобили, грузовики и маленькие, с брезентовым верхом автобусики. Паром ушел на тот берег, водители и пассажиры автобусов разбрелись по местечку Еджи.

Было около часа пополудни. У обочины дороги женщины жарили рыбу, торговали лиловато-красными орехами кола, толстыми серыми корнями ямса. Среди торговки и пахучих сковород, подбирая что-то, прыгали грифы со страшными розовыми голыми черепами.

И птицы и люди двигались медленно, тяжело. Здесь, на подступах к саванне, словно чувствовался «вес» солнца, его знойная тяжесть сковывала движения, замедляла шаг.

Где-то неподалеку слышались глухие удары по металлу. Выйдя из машины, я увидел за колонной автомобилей небольшую кузницу — легкий навес на четырех

высоких кольях, а под ним глиняную печь с мехами и наковальню. У горна стоял мальчуган лет двенадцати. Мастер внимательно рассматривал нарезку, которую он только что сделал на толстом железном пруте.

Кузнец оказался интересным человеком. Он ничем не напоминал знакомых по этнографическим описаниям кузнецов Западной Африки — отщепенцев, окруженных страхом и презрением односельчан. В рубашке хаки, в брезентовых шортах он был похож на рабочего из крупного города. За стеклами его очков в проволочной оправе поблескивали умные, живые глаза.

Он поселился здесь недавно, а до этого работал шофером, колесил по всей Африке, побывал и в Кано, и в Абиджане, и в Ломе, водил машины в Бамако.

— Наверное, потому вы и сейчас у дороги обосновались, что можете встретить здесь старых друзей? — спросил я его.

— Тут нужен кузнец. Едут крестьяне, берут с собой ножи, мотыги. Иной раз в машине какую-нибудь мелочь надо починить. Конечно, и старых друзей часто встречаешь, — добавил он.

К передним столбам навеса была прибита доска, на которой лежали голубоватые от окалины мотыги, длинные ножи, которыми крестьяне в этих краях выкашивают траву, капканы. Торговля шла довольно бойко, и кузнец ежеминутно отходил, чтобы показать свои изделия и поторговаться с покупателем.

«Куда только не попадут изготовленные в этой кузне орудия!» — подумал я. Крестьянин-моси в конусовидной, плетеной из соломы и отделанной кожей шляпе отвезет купленные ножи в свою деревню где-нибудь в верховьях Вольты. Торговцы-хауса из Северной Нигерии закупят несколько мотыг, которые с выгодой перепродадут в окрестностях Сокото или Кано.

В колонне автомашин началось движение — паром подошел к берегу. Два сильных, ловких парня закрепили его тяжелыми цепями у причала, и машины медленно поползли на трап. Минут через десять паром был уже снова далеко от берега.

Местечко Еджи, где находится переправа, расположено километрах в восьмидесяти ниже слияния Черной и Белой Вольты, образующих собственно Вольту. Река здесь широка и полноводна. Было время паводка,

река вздулась от идущих над саванной ливней, и вода побурела от смытой земли. Стремительное течение быстро приближало паром к левому берегу.

И вот остались позади Еджи, река, паром. Прямая дорога идет через саванну.

А всего только час тому назад я ехал среди тропического леса. Узкая лента дороги была как дно глубокой зеленой пропасти. Две стены леса, тонкая полоса голубого неба, исчезающая, когда кроны деревьев сливались над головой, мокрый, холодный воздух — таким остался позади лес.

В лесу деревни прижимались к самой дороге. Дома были низкие, глинобитные, иногда покрашенные в белый или розовый цвет. Рядом с деревнями мелькали небольшие поля кукурузы. Вдоль дороги сидели неизбежные торговки — с мисками, полными бананов, очищенных апельсинов и кукурузных початков. Кое-где уже собрали урожай какао-бобов, и у домов ярко поблескивали груды больших оранжевых плодов. Как не похожа саванна на этот мир тропического леса!

Сам воздух стал другим — сухим и горячим. Деревья расступились, голубое небо перестало быть узкой полоской, оно широким теплым покрывалом раскинулось над землей. В высокой густо-зеленой траве ярко-желтым пламенем полыхали кустарники. Стайку опустившихся на придорожную мимозу алых птичек «солдатиков», или, как их еще называют, «кардиналов», можно было спутать с цветами.

Появились первые баобабы. С началом дождей на их толстых корявых ветвях распустились белые цветы. Они свисали на длинных стеблях, как большие снежные шары. Некоторые отцвели, и на их месте обнаружили пока что маленькие зеленые плоды.

Выйдя из машины, я долго смотрел на раскинувшиеся вокруг просторы. Рыхлая земля была горяча и насыщена влагой. Поля ярко зеленели. В этих местах они невелики: три-четыре вооруженных мотыгами человека не могут поднять большого поля.

На каждом поле виднелось по несколько деревьев — опыт научил крестьян, что их ветви защищают посадки от солнца и смягчают палящий ветер пустыни — харматтан, а корни деревьев удерживают плодородный слой от размыва во время страшных летних ливней.

Земля дорогá здесь, дорогá вложенным трудом и пролитым на ней пóтом. Ее и много — потому что крестьяне не могут освоить всех свободных участков, и мало — потому что уже освоенная земля не способна прокормить всех. Крестьяне сеют просо, сорго, кукурузу, а в низинах, где застаивается дождевая вода, — рис. Когда приходит пора полевых работ, от восхода до заката солнце обжигает согнутые крестьянские спины. У крестьянской мотыги короткая ручка — чтобы ближе к земле были крестьянские глаза, чтобы не упустили они побега сорняка или комка ссохшейся, закаменевшей земли.

По мере того как развertyвалась дорога, постепенно исчезали прямоугольные или квадратные в основании дома народа акан. Их сменили круглые хижины. Из-за высокой травы или побегов сорго выглядывали их островерхие соломенные конусы. Дорога шла по стране Дагомба.

Несколько островерхих хижин образуют здесь двор, заселенный одной, так называемой большой семьей. Дома соединены невысоким тростниковым или глинобитным забором, и пройти внутрь двора можно только через хижину, предназначенную для встреч и приема гостей. Справа от входа в этой хижине устроено небольшое возвышение для старейшины — главы семьи. В центре внутренней площадки, расположенной между жилищами, также небольшое возвышение; оно предназначено для костра, на котором готовят пищу для всех членов семьи и вокруг которого собираются на вечернюю трапезу. Эти часы у костра — время отдыха, воспоминаний о прошлом и планов на будущее — лучшее время дня.

Десятки, если не сотни, легенд о далеких годах жизни в народе. Особенно много преданий сложено о вожде На-Гбева, потомки которого якобы образовали государства Моси, Мампруси и Дагомба. Это народный герой, мужественный, мудрый, справедливый. Одна из этих легенд — о смерти На-Гбева — была записана англичанином Д. Джон-Парсонсом.

У На-Гбева было много сыновей и одна дочь. Под старость На-Гбева ослеп. Он знал, что жить ему осталось недолго, и боялся, что вождем станет его старший сын Зирли, жестокий и злой человек.

Однажды На-Гбева позвал гонца:

— Ступай к матери моего сына Куфого,— сказал он,— и вели сейчас же прийти ко мне.

— Иду,— ответил гонец, а сам подумал: «Вождь стар, он посылает за матерью Куфого, чтобы сказать ей, что вождем будет ее сын. Я ненавижу мать Куфого, она не раз обижала меня. Я позову мать Зирли. Конечно, Зирли даст мне денег, когда услышит меня».

Зирли, узнав о планах своего отца, придумал хитрый план. Он прикрыл шкурами глубокую яму, положил на них подушку и приказал своим женам сварить пиво — пито. Когда все было готово, Зирли и его друзья сели вокруг ямы, стараясь не задеть шкур. Затем Зирли послал за Куфого.

Ничего не подозревавший Куфого охотно пришел. Когда он появился, Зирли сказал:

— Привет, мой брат, привет! Ждем тебя. Посмотри, мы оставили тебе место на этой подушке.

Куфого ступил на шкуры, они раздвинулись, и он упал в яму. Зирли закричал:

— Сюда, мои жены! Несите ваши горшки с пито и выплескивайте в яму.

Куфого умер, захлебнувшись горячим пито.

Старики племени, услышав об этом, решили оповестить о смерти Куфого На-Гбева. Для этого старик Гуши-Наа пригласил музыкантов. Он собрал в оркестр высоко звучащую дудочку виа, большую низкочувную трубу бани и гулкий барабан. Гуши-Наа попросил виа петь «Зирли ку Куфого» («Зирли убил Куфого»), бани — с большою стенать, а барабан — гудеть «мбайе, мбайе» («отец, отец»).

На-Гбева сидел у своего дома, когда оркестр начал играть. Он услышал плач виа и стенания бани. В горе На-Гбева натянул на голову свои одежды, но крик: «Зирли ку Куфого! Зирли ку Куфого!» — продолжал доноситься до него. Сидящие вокруг вождя люди плакали, а оркестр продолжал играть. Наконец земля не смогла больше нести тяжесть горя На-Гбева. В ней открылась большая щель, и На-Гбева соскользнул туда. Земля же вновь сомкнулась...

От прежней славы государства Дагомба остались предания... и потомки давних вождей.

Английские колонизаторы тщательно сохраняли не-

Массивные глинобитные хижины в деревне Зуарунгу-наба напоминают военные укрепления

которые выгодные для них пережитки общественного строя Дагомба, особо оберегая от потрясений племенную верхушку края. Подчинив вождей своему влиянию, англичане проводили их руками свою политику, а неугодных свергали. Новая власть Ганы навела порядок в этом живом «музее» пережитков далекого прошлого. Права вождей были решительно ограничены.

В Тамале, административном центре Северной области, меня принял главный вождь города и округа Алассан Дагомба. Он сидел на помосте между двух кожаных подушек. На ступенях помоста расположились приближенные, а у стен — старейшины. Перед началом приема вождь оделил некоторых из них орехами кола, что было знаком его особого расположения.

Это был старик с желтым морщинистым лицом и маленькими хитрыми глазками. Минутами он распрямлял спину, поднимал голову и бросал на окружающих высокомерные взгляды, изображая горделивого владыку. Но потом его спина снова сгибалась, и он опять становился просто усталым и старым человеком. Переходы

Под общий смех на площадку выбегает деревенский шут

от одного состояния к другому были быстрыми, и потому вождь казался человеком суетливым и неуверенным.

На голове вождя была черная шапка, обшитая кожаными серебряными прямоугольниками — ладанками. Они должны были защищать вождя от злобы стихий и от людских происков. Из таких скромных шапчонок и возникли со временем пышные королевские и императорские короны. Одни из корон пали, другие еще держатся, хоть и неустойчиво, на головах своих владельцев. Среди ладанок на шапке сидящего передо мной старого вождя не было такой, которая могла бы защитить от самой большой для него опасности — от прогресса, от воли людей, преобразующей общество.

Сейчас на крайнем севере Ганы, как и по всему африканскому западу, едва ли не каждый куда-то едет или собирается ехать. На дорогах Ганы можно встретить путников из соседней Верхней Вольты, из Нигерии, Берега Слоновой Кости и Того, из Мали, Гвинеи, даже из далеких стран Экваториальной Африки. Когда вспоминаешь о дорогах Северной Ганы, то прежде всего перед

глазами встает фигура мерно шагающего человека с дорожной палкой, закинутой на плечи. Тысячи людей бредут сегодня по африканским дорогам, проходят сотни и тысячи километров в поисках работы, в поисках новой, лучшей жизни.

В окрестностях Болгатанги, небольшого городка на границе с Республикой Верхняя Вольта, живет небольшое племя фра-фра, родственное моси и дагомба.

От внешнего мира деревня племени фра-фра Зуарунгу-наба отгорожена массивной глинобитной стеной, некогда превращавшей деревушку в укрепленный форт. Старейшина деревни Адукура охотно показал мне свои владения. Отдельные жилища деревни слились в нечто монолитное, единое, как пчелиные соты. В лабиринте узких проходов и небольших площадок без помощи Адукуры я бы заблудился. Чтобы войти в крестьянскую хижину через маленькую аркообразную дверь, нужно низко наклониться.

Из слов Адукуры я понял, что мужчины деревни — члены возглавляемого им рода. Все они или его братья, или сыновья, или внуки. Но особенно много правнуков, еле переступающих своими ножками по земле или только выглядывающих из-за спиں матерей. Когда я заговорил об этом с Адукуре, он засмеялся:

— Земли и воздуха хватит всем.

После осмотра деревни Адукура пригласил меня отведать пито — местное пиво, приготовляемое из кукурузы.

Уже вечерело. Мы сели под деревом на маленькой площадке в центре деревни. Одна из женщин принесла большой кувшин пито и, разлив его по чашкам, сделанным из маленьких тыкв — калebas, подала сначала главе рода, а потом остальным мужчинам.

Под общий смех на площадку выбежал деревенский шут. Стуча в зажатый под мышкой барабан, он приплясывал и пел что-то такое, что заставляло смеяться всех — от мала до велика. Морщинистое лицо шута было на редкость выразительно.

На площадке собралось едва ли не все мужское население деревни — сам патриарх, старейшины, молодежь. Старики держались строго, со сдержанным достоинством, молодые шутили, смеялись. Многие из деревенских парней побывали на юге Ганы, жили в бодьших

Старейшина деревни фра-фра в праздничном костюме у дома своей матери

городах и лишь недавно вернулись домой. Однако среди стариков, мне рассказывали, были и такие, что не ездили дальше Тамале.

Глядя на этих людей, я думал, как не соответствует внешний вид африканской деревни характеру ее нынешней жизни. Эти стены, узкие проходы — ее прошлое, когда жизнь была замкнутой, когда кругом жили враги, когда домашний очаг, костер в центре деревни были и центром всех крестьянских интересов. Обособленность каждой этнической группы резко проявлялась и в одежде, и в стиле деревенских построек, и в языке.

Конечно, многое из этих различий сохранилось и

сохранится еще долго. Но главное другое. Сейчас в африканской деревне неудержимо действуют силы, разрушающие обособленные, замкнутые мирки, взламывающие глинобитные и тростниковые стены вокруг поселений.

Вот этот парень, что сидит напротив, носит ашантийское кенте. Значит, он работал или на плантациях какао, или на золотых рудниках юга Ганы. Его сосед одет, как обычно одеваются торговцы-хауса из Северной Нигерии,— в длинный белый халат с вышивкой на груди и на спине. Мне рассказывали, что на севере Ганы, в этом мире двенадцати языков и наречий, общими языками стали языки хауса и тви. Первый принесен торговцами из Нигерии, второй — с юга, из страны ашанти, сезонными рабочими, возвращающимися в родные деревни. Это ли не знамение конца извечной замкнутости деревни Северной Ганы?

Попрошавшись со старейшиной Зуарунгу-наба и его сородичами, я поехал к расположенному неподалеку священному озеру. Невдалеке три мальчугана пасли стадо коров. Завидев меня, они подошли. Один из них вызвался выманить на берег живущих в озере крокодилов.

Пастушонок, паренек лет двенадцати, начал во весь голос кричать: «Хоэ, хоэ!». Товарищи ему вторили. Мы медленно шли вдоль берега, когда из воды вынырнула первая черная голова. Затем с плеском выполз на берег второй крокодил.

Самый маленький из ребят отломил от куста ветку, нацепил на нее клочок бумаги и начал дразнить крокодила — так, как у нас играют с котятками. Крокодил с неожиданной быстротой бросился на паренька. Тот не испугался, а, забежав сзади, схватил крокодила за хвост. К счастью, все обошлось — крокодил, видно, просто оцепенел от этой вольности.

Изображения крокодилов мне приходилось видеть на стенах домов дагомба, мампруси. Обычно они находились у входа в дом. В деревне Зуарунгу-наба над входом в хижину матери патриарха деревни Адукура были изображены четыре крокодила, тянувшиеся к солнечному диску. Сейчас жители деревни мусульмане, но это изображение является, возможно, напоминанием о временах, когда крокодил считался здесь тотемом,

покровителем племени, когда еще сохранялся среди фра-фра и родственных им племен культ солнца.

«Упорно работай. Будущее Ганы в твоих руках!» — гласил плакат на главной улице Болгатанги.

Этим словам верят в народе. Мне не раз приходилось видеть, с каким упорством ведется работа по обновлению севера Ганы. Пока это самый бедный край страны, здесь больше больных и меньше грамотных, чем в других областях. Возможно, поэтому на севере больше всего и настоящих энтузиастов.

В Навронго я встретился с двумя активистами организации пионеров Ганы — Патриком Алаалем и Юлианом Лирайре. Они рассказали мне, что в марте 1960 года в Навронго была создана первая пионерская ячейка и скоро в городе насчитывалось уже около полутора тысяч пионеров.

Перебивая друг друга, Патрик и Юлиан рассказывали, как были организованы первые кружки радио, первые занятия по технике, первые лагеря, первые экскурсии. Все было здесь первым, все начиналось с нуля, и ребята чувствовали гордость первооткрывателей, гордость архитекторов, создающих прекраснейшее здание — новый детский мир.

Не менее интересная встреча состоялась у меня на рынке одной маленькой деревушки недалеко от Тамале. Еще издали я заметил высокого человека в халате врача. Он энергично названивал в колокольчик, вокруг толпились любопытные.

Оказалось, человек в белом халате был не один. У машины стоял его спутник — совсем еще молодой, в темных очках, горячо объяснявший собравшимся вокруг крестьянам основы санитарии и гигиены. В руках он держал книгу с иллюстрациями. На багажнике машины лежали медикаменты, действие которых он описывал. Некоторые крестьяне, шевеля губами, про себя повторяли непривычные названия, стараясь их запомнить.

Я не решился прерывать молодого врача и подошел к человеку в белом халате. Он охотно рассказал мне, что они едут от базара к базару, организуя беседы на медицинские темы. Направило их министерство здравоохранения, и вот уже несколько недель они в пути.

— Врачей еще не хватает, — объяснил он. — Мы надеемся, что хотя бы немного поможем людям.

— А почему вы проводите беседу на рынке?

— Сюда приходят со всей округи. Лучшего места для наших бесед не выбрать.

Спустя несколько дней я познакомился с агрономом Деймом. Этот невысокого роста, нервный, горячий человек был одним из руководителей агротехнической станции в Ньянкрала.

На станции селекционируются новые сорта сорго, кукурузы, земляного ореха, риса. Показав тракторы, сеялки, плуги, комбайны, Дейм объяснил, что станция изучает возможности использования современной техники в условиях саванны, что они стремятся к тому, чтобы достижения станции стали доступны всему крестьянству. На созданных в Ньянкрала курсах учатся несколько десятков юношей из соседних деревень.

Дейм не скрывал, что агротехническую станцию можно пока сравнить с оазисом, затерявшимся в пустыне, — так далеки применяющиеся здесь методы от уровня обработки земли в соседних крестьянских хозяйствах. Но он уверен, что с каждым годом этот разрыв будет уменьшаться.

Уже стемнело, когда после осмотра станции и долгих бесед с Деймом я возвращался в Тамале.

Ночь была безлунной, черной, почти невероятно спокойной. Тишину еще явственнее делали странные мелодии ночных птиц, к обычному стрекотанию цикад прибавились тяжелые басы оживших после недавних дождей лягушек. С мягким шелестом проносились где-то рядом большие летучие мыши.

Вновь и вновь вспоминались беседы и встречи, высказанные при мне мысли стариков и мечтания молодежи. О чем говорили люди, что больше всего волновало их? Конечно же, великая ломка старой жизни, начавшаяся на зеленых просторах саванны, — вот главный предмет народных дум. Одни со страхом, но огромное, преобладающее большинство — с надеждой ждали на севере Ганы завтрашнего дня.

Первое правительство независимой Ганы, возглавлявшееся доктором Кваме Нкрумой, сделало немало для того, чтобы надежды севера сбылись. Усилия предпринимались и в области промышленного строитель-

От базара к базару едут врачи

ва, и в развитии здравоохранения, и по расширению сети школ, и в сооружении новых дорог. В типографиях Аккры печатались учебники на языках северных народов, а радио ввело специальные программы. Много юношей и девушек южан отправлялись работать в города и деревни саванны.

Прогресс был ощутим. Но установление в Гане военной диктатуры сразу же поставило под вопрос недавние успехи. Было прекращено осуществление важнейших для экономики севера проектов. Саванна оказалась вновь как бы отрезанной от юга.

Мне вспоминается беспокойство моих аккрских знакомых по поводу возможной вспышки национализма среди северян. Оно не было надуманным. В Аккре внимательно изучали опыт других африканских стран и знали, что в сравнительно отсталых районах национализм использует малейшее невнимание центрального правительства к их развитию, к повышению жизненного уровня населения. Как только эта задача начинала уходить из поля зрения властей, он поднимал голову, принимаясь распространять слухи об эксплуатации отсталых районов более привилегированными областями, о национальном неравенстве. Отношения между отдельными народностями в таких странах быстро и резко ухудшались.

Раньше эта опасность не угрожала Гане. Но сейчас положение быстро меняется. В тени военной диктатуры оживают давние распри. Даже ганские газеты, избегающие откровенного разговора о состоянии дел в стране, начинают с тревогой писать о ее будущем.

КРАСНЫЕ ДОРОГИ

Накануне вылета из Аккры в Дакар я встретился в гостинице «Рингуэй отель» с ангольским студентом, недавно приехавшим из Сенегала. Это был умный, глубокий человек. Друзья звали его Марио, но я знал, что это имя было кличкой, боевым псевдонимом.

В душном номере, где, несмотря на москитные сетки, тонко звенели комары, Марио долго рассказывал мне о Сенегале и о местах, над которыми мне предстояло лететь. Он обладал даром говорить об африканских странах так, что они начинали казаться живыми существами с собственным характером и темпераментом.

На вопрос о Береге Слоновой Кости, где самолет совершал первую посадку, он заметил:

— Берег Слоновой Кости отличается от Ганы тем, чем Франция непохожа на Англию.

Я с недоумением посмотрел на Марио. Он улыбнулся:

— Видишь ли, по своему языку и культуре многие народности этой страны родственны народам Ганы. Тот же климат, та же природа. Но если в Аккре в архитектуре господствуют английские влияния, в Абиджане здания построены во французском стиле. Чиновники в аккрском аэропорту говорят на английском языке. Когда ты будешь в Абиджане, тебе понадобится только французский. На ганских дорогах левостороннее движение, как и в Англии. Наоборот, на дорогах Берега Слоновой Кости, как и во Франции, движение правостороннее.

Самолет из Аккры в Дакар летит вдоль побережья. Под левым крылом — океан, под правым — земля. До первой посадки в Абиджане полет продолжается около двух часов. Я провел это время у стекла иллюминатора.

Что такое лагуна? Признаюсь, после чтения учебников географии у меня сохранилось довольно смутное представление о значении этого слова. Но теперь, с самолета, я впервые увидел лагуны. Это были прибрежные озера, отделенные от океана узкой полоской нанесенного прибоем песка. Иногда они глубоко врезались в коренной берег. На их поверхности можно было различить тонкие черные палочки — рыбацьи пироги. Временами же там, внизу, лагуны образовывали как бы длинные голубые цепи. Озера почти сливались одно с другим.

Почему-то вдоль Берега Слоновой Кости лагуны особенно многочисленны. Позднее мне рассказали, что эта особенность края сыграла свою роль в местной истории. Века назад лагуны защитили страну от первого натиска колонизаторов. Суда португальских, голландских, английских работорговцев не могли приставать здесь прямо к суше и предпочитали загружаться «товаром» дальше к востоку, где на приморских скалах Золотого Берега ими были выстроены крепости — Диксков, Элмина, Амстердам и десятки других.

И сегодня эта часть побережья Гвинейского залива выглядит негостеприимно. Даже с самолета чувствуется мощь пабегающих на прибрежный песок волн. Они в щепы разбивали пытавшиеся причалить лодки с европейских кораблей. Дальше, за полосой лагун, начинается лес. Его спокойная сила останавливала тех, кому удавалось прорваться через буруны прибоя и тихие болота лагун.

520 километров тянется морская граница республики. Это длинная трехцветная лента из белой полосы прибоя, красной полосы пляжей и зеленой полосы приморского леса. Она прерывается только раз — у Абиджана. Там отступает лес, глубокий канал разрезает песчаные дюны между океаном и окружающей город лагуной, стихает прибой.

У Абиджана самолет пошел на посадку.

Душный влажный воздух застревал в горле комком мокрой ваты. Самолет остановился в нескольких мет-

рах от аэровокзала. Серое двухэтажное здание казалось угрюмым, негостеприимным.

Две стюардессы провели пассажиров на второй этаж, где в левом крыле аэровокзала находится небольшой ресторан. За столиками сидели несколько французов — священник, группа офицеров, чиновники. Надписи на рекламных плакатах воспевали Ниццу, Средиземноморье, прохладу пляжей Нормандии. Прошли полицейские в мундирах, которые только опытный нарушитель законности и порядка был бы способен отличить от французских.

Говорят, что аэропорт — лицо страны. Тогда я еще не знал Берега Слоновой Кости, и мне было трудно понять, почему на этом лице столь сильный французский грим. Марио, наверное, был прав, думал я. Только в Аккре в аэропорту уже почти смыты следы былой английской «краски», тогда как здесь она тщательно подновлена.

По внутренней галерее я вышел на воздух. В киоске у выхода продавались последние парижские журналы и газеты, романы «черной серии» с одним убийством в среднем на каждые десять страниц. Гладкое шоссе уходило к городу. Группа одетых в землистого цвета рубахи носильщиков вскакивала при приближении каждой новой автомашины и разочарованно опускалась на траву, когда у вновь прибывших не оказывалось багажа.

Лишь краем глаза мне удалось увидеть саму страну. С фотографии в зале аэровокзала смотрело нежное лицо пляшущей диковинный танец девушки. Страшная маска гуру с глазами, словно выскочившими из орбит, глядела на меня с другой фотографии. В узкой пироге плыли по тропической реке рыбаки. Это была Африка приключенческих книг и старинных путешествий, заманчивая и нереальная.

Только через несколько месяцев мне удалось убедиться, что эти фотографии были и правдой и ложью.

ПАВШАЯ СТОЛИЦА

Дорога от Абиджана к Гран-Басаму идет по побережью. Песчаные дюны, за частоколом кокосовых пальм — океан. Ветер доносит до шоссе тонкую соленую пыль морской пены,

Бесконечные рощи кокосовых пальм опоясывают весь Гвинейский залив. Можно пересечь Того, не оставляя отбрасываемой пальмами тени. Опрокинутые морем стволы лежат на пляжах в окрестностях Аккры. Пальмы украшают набережную Конакри.

Есть что-то мертвое в этих прозрачных рощах, возникших на бесплодных песках. В тени пальм не растут цветы. Острая трава, ползущие по земле колючки защищают дюны от ударов ветра. Столь монотонны, столь однообразны эти кокосовые рощи, что, когда едешь здесь, пропадает ощущение движения. Где бы ни была машина, повсюду ее будут окружать те же тонкие, всегда наклонившиеся в сторону океана серые стволы, что и десять, сто или двести километров назад.

Изредка у дороги появлялись небольшие деревушки. Плетенные из почерневших от времени пальмовых листьев хижины были еле видны за высокими изгородями. Изгороди тоже были плетеными из пальмовых листьев. Видно, в этих местах ремесло строителя было сродни ремеслу корзинщика. Деревеньки были бедны, малолюдны. Вокруг хижин груды лежали полусгнившие оболочки кокосового ореха. Производство копры да рыболовство служат главным источником скудного крестьянского заработка.

Живущие вдоль моря племена — акаплесс, эбрие и адьокру, алладьян, абиджи и другие часто называются лагунными народами. Сравнительно недавно они занимали значительно большую территорию, пока не были прижаты к морю завоевателями ании. Существуют предания, что в далеком прошлом здесь жили племена людей с длинными руками, короткими ногами, с густо заросшим волосами телом. В памяти ании эти народы сохранились под именем амбе. Дальше на запад, у племен бете, их зовут уэ-уэ-уэду.

Этот мир лагун с его вечно сырым воздухом, с бесплодной почвой, с бесконечными рощами кокосовых пальм наложил жесткую печать на весь облик жизни оказавшихся здесь людей. Незадолго до поездки на Берег Слоновой Кости я был в устье Вольты, где, так же как и под Абиджаном, лагуна следует за лагуной, но живет народ иных традиций, иного языка — эве. Сходство в образе жизни приморских эве и лагунных народов поразительно.

Километрах в двадцати от Абиджана я остановился в одной из приморских деревенок. Это были несколько бедных хижин. Чем отличается это поселение от деревень на островах и среди лагун устья Вольты? — спрашивал я себя. И здесь и там хижины сплетены из пальмового листа. И здесь и там рыболовство и производство копры составляют основу крестьянского хозяйства. Повторяются даже некоторые детали яркого орнамента на рыбацких лодках. Местные крестьяне, как и эве, украшают пироги изображением змеи или питона.

Меня удивило, почему не видно в деревне мужчин. Один из окружавших меня ребяташек на ломаном французском языке объяснил:

— Они в море или в Абиджане на заработках.

Отец самого паренька был строительным рабочим.

Гран-Басам оказался в двух-трех километрах за этой деревней. Несмотря на свое наименование—в переводе Большой или даже Великий Басам,— он выглядел как десятки других заштатных африканских городков. Подлинно великими были только манговые и хлопковые деревья, возвышающиеся над пыльными городскими улицами.

Но есть в облике города и что-то своеобразное. На берегу лагуны стоят несколько домов конца прошлого века. На их архитектуре сказалась тоска по родине бордоских, нантских, марсельских купцов и моряков, превративших Гран-Басам в свой опорный пункт на побережье. Они пытались в этом далеком краю воплотить мечту о родине и строили по традиции своих отцов. По сей день старинные здания Гран-Басама напоминают о старой Франции, о временах жестоких колониальных захватов.

Хищные лапы европейских авантюристов впервые протянулись к этим берегам пять столетий назад. Еще в XV веке сюда заглядывали португальские корабли. Португальцы искали рабов, золото, слоновую кость.

Парусники из Дьеппа, Бордо, Нанта стали частыми гостями у этих берегов позднее, когда Франция захватила Луизиану, Гаити, ряд мелких островов в Антильском море. Для созданных там плантаций были нужны рабы, тысячи рабов.

К лагунам приближались корабли голландцев, англичан. Иногда они топили друг друга, но чаще и голландцы и англичане грабили африканские деревни.

В 1782 году европейские корабли вывезли с западно-африканского побережья сто сорок тысяч рабов. Путешествие к Американскому континенту продолжалось шесть месяцев и больше. Свыше десяти процентов «живого товара» погибало в пути. Чтобы как-то сократить дорогие потери, работорговцам выплачивалась премия за каждого доставленного в Америку живым раба.

Не случайно Берег Слоновой Кости в те далекие времена был известен под иным названием. Тогда европейцы называли его Берегом Злых Людей. Здесь охотники за «живым товаром» встречали особенно яростное сопротивление. Защищали страну и ее суровый климат, и цепь болотистых, труднодоступных лагун.

Именно в Гран-Басаме в 1842 году, 9 февраля, французам удалось подписать первый договор о «протекторате» с вождями местных племен. Собственно, этот день и может рассматриваться как первый в истории территориального захвата Францией этой страны.

Кто подписал этот договор? С французской стороны на документе поставили подпись лейтенант-капитан корвета «Жаворонок» Шарль де Кералле, капитан брига «Орел» Провансаль. «Король» Басама Петер и вожди Куаши и Буаша были неграмотны и вместо подписей поставили кресты. Текст договора был составлен французской стороной, и весьма сомнительно, чтобы не понимающие французского языка вожди представляли, что такое навязываемый им французами «протекторат». В обмен на многочисленные уступки «король» Петер получил «десять кусков ткани, пять двадцатипятифунтовых бочонков пороха, десять ружей, мешок табака, бочонок водки, пять белых шапок, зонтик, два зеркала и шарманку». Шарманка особенно потрясла воображение «короля» Петера.

Через два года французы навязали «королю» еще один «договор». В обмен на двенадцать кусков ткани, двенадцать бочонков пороха, двенадцать ружей, шестьдесят килограммов листового табака и двенадцать шапок они получили от Петера обещание не допускать в Гран-Басаме создания иностранных факторий, У будущего порта был сооружен форт Намюр.

В течение больше сорока лет внутренние области Золотого Берега — как тогда называлась европейцами эта часть побережья — оставались недоступными для французских пришельцев. Одно время французское правительство вело переговоры с Лондоном об уступке своих владений в обмен на Гамбию. Эти переговоры провалились. Декретом от 10 марта 1893 года создается колония под ее современным названием — Берег Слоновой Кости. Гран-Басам становится административным центром новой колонии.

Таковы воспоминания, которые название Гран-Басам еще, наверное, пробуждает у оставшихся в живых ветеранов колониальных захватов. Есть старики, что видели своими глазами эфемерное процветание городка. Ныне ветер гонит пыль по его немощным улицам, шуршит в кронах пальм. Абиджан украл будущее у Гран-Басамы. Там, в Абиджане, стучит пульс страны. А здесь — покой заброшенности и запустения.

Когда из района европейской застройки я попал в квартал, где живут африканцы, мне подумалось, что я вернулся в Гану. Многие мужчины одеты на ганский манер, в сложенный наподобие тоги кусок ткани. На редких грузовичках не было надписей: какой-нибудь пословицы, изречения или просто шутки. И это — распространеннейший в Гане обычай. Прямо на улице торговка продавала с жаровни золотистые пончики, притопленные в кипящем пальмовом масле. В Аккре их называют кенке.

Мне снова вспомнились слова ангольца Марио о Гане и Береге Слоновой Кости. Действительно, по обе стороны границы здесь живет один народ. Может быть, фермер, выращивающий какао в окрестностях Кумаси, не поймет составленный на французском языке таможенный бланк, который ему вручат на погранзаставе Берега Слоновой Кости. Не разберется с английским языком крестьянин из округа Буаке. Но, встретившись на границе, оба крестьянина превосходно поймут друг друга, — они-то говорят на одном языке.

Правда, сама атмосфера жизни в Гран-Басаме была другой, чем в ганских городах, — слишком вялой, слишком монотонной. Мне еще предстояло понять — почему?

К вечеру я вернулся в Абиджан.

АБИДЖАНСКИЕ КОНТРАСТЫ

Ночной Абиджан великолепен. Ночь скрывает его трущобы. Ярким блеском неоновых огней режут глаза богатые витрины. На темном небе впечатляющими громадами вырисовываются здания центра. В черных проулках исчезают нищие, а на широких проспектах центра слепят фары сотен мчащихся автомобилей.

Лагуна Эбрие опоясывает центр города. За лагуной находятся Трейшвиль — пригород бедных — и Кокоди — пригород богатых. По сю сторону расположены Плато — центр богатых — и Аджаме — центр бедных. Мост, носящий имя президента Берега Слоновой Кости Феликса Уфуэ-Буаньи, соединяет Трейшвиль и Плато. Ночью мост кажется гирляндой огней, нависших над черным зеркалом лагуны.

Днем лицо Абиджана меняет свое выражение. Между богатых домов стремятся потоки бедно одетых людей. В ярком солнечном свете великолепие правительственных зданий и роскошь резиденций банков и компаний становятся еще величественнее. Но этот же беспощадный свет как бы обводит чертой каждую морщину на лицах стариков, обнажает тщательно скрываемую бедность мелких африканских служащих, подчеркивает усталость на лицах рабочих.

На самом плане столицы колониальное прошлое оставило неизгладимый отпечаток. Больше всего этот город напоминает Киншасу. Как и в столице Конго, здесь существуют четко размежеванные районы для «белых» и для «туземцев». В районах для «белых» аккумулируются этажи и деньги, тогда как на противоположном полюсе идет накопление нищеты. И в Киншасе, и в Абиджане нет «середины» между этими полюсами, это города крайностей.

В других городах Африки, например в столице Нигерии Лагосе, немало крупных построек принадлежит африканцам. Вернувшиеся из Бразилии потомки рабов, уроженцев Нигерии, принесли с собой своеобразный архитектурный стиль, любовь к скульптурным украшениям своих жилищ. Местные жители — йоруба умело сочетали свои традиции с влиянием английской архитектуры. В самой застройке Лагоса заметна анархичность, присущая стихийно разрастающимся городам.

Центр Абиджана

Ничего подобного нет ни в Абиджане, ни в Киншасе. Города росли по жестким предначертаниям колониальных властей. Что могли строить сами африканцы? Только бараки были им по плечу. Тогда как компании и власти строили небоскребы, африканцы из земли и глины лепили свои жалкие мазанки. Глиняные пояса нищеты окружают Абиджан и Киншасу.

Пожалуй, именно в этих полупролетарских, полукрестьянских кварталах живут самые интересные люди Абиджана. Те, что «наверху», знают историю и статистику, состояние дорог и положение мирового рынка кофе. Они любят рассуждать о судьбах страны, пробуют навязать ей свою волю и свои идеи.

Напротив, среди обитателей Аджаме и Трейшвиля не часто встретишь даже просто грамотного человека. От них не получишь статистической справки. Но только здесь можно узнать, как прожить на пять тысяч франков в месяц, где и какая есть работа, у кого найти каморку подшевле. Они на практике знают цену слов, зву-

чащих там «наверху». Вспыхивающий здесь гнев, рождающиеся в этих местах надежды затем становятся чувствами и мыслями всей страны.

Как-то раз вместе со знакомым профсоюзным работником Д. мы поехали в Трейшвиль. За мостом машина свернула направо, к порту, потом налево. Большинство улиц было без названий, под номерами. После трех-четырёх новых поворотов мы въехали в небольшой двор.

По двору с шумом носилась ребятня. При нашем появлении полуголые мальчуганы и девочки сначала замерли, а затем окружили Д., которого они, видно, встречали уже не в первый раз. В большой деревянной ступе две женщины большими пестами толкли маниок или бананы для «фуфу» — любимого местного блюда. На шум ребятешек из дома вышел пожилой человек и, поздоровавшись с нами, быстро провел нас в комнаты.

Я не спрашивал его имени, а сам он не назвался. В Абиджане быстро привыкаешь к этой особой осторожности местных жителей с иностранцами. Видимо, у них есть серьезные к тому причины. Мне мой хозяин понравился и своим открытым умом, и широким радушием.

Он был влюблен в Абиджан. Он был горд красотой города, его широкими улицами, современными зданиями.

— Я вырос в деревне недалеко от Мана. Это у границы с Гвинеей, — рассказывал он. — Самой большой была хижина вождя. В детстве она казалась мне громадной. Мне было пятнадцать лет, когда я попал в Абиджан, и город потряс меня.

Это был действительно интересный человек. Он принадлежал к поколению, чья сознательная жизнь началась в годы второй мировой войны, когда и до африканских берегов докатились освободительные идеи. Он сам научился читать и писать. Рабочие кружки, городские митинги были его политической школой. С тех пор у него вошло в привычку каждый вечер слушать московское радио. Работа в порту сначала грузчиком, потом крановщиком воспитала его самосознание.

— Абиджан — своеобразный город, — говорил хозяин. — Насколько я знаю, его двухсоттысячное население едва ли не наполовину состоит из выходцев из соседних стран — Мали, Гвинеи, Верхней Вольты, Либерии. Есть даже нигерийцы и мавританцы. Интернациональный город!

Д. вступил в разговор:

— Для профсоюзов это создает большие трудности. Попробуйте организовать эту разнородную людскую массу! К тому же среди различных этнических групп существует взаимная подозрительность и соперничество. Эти настроения умело поддерживаются предпринимателями.

Повернувшись к хозяину, он спросил:

— Ты согласен со мной, что основную массу абиджанских рабочих составляют вчерашние крестьяне?

Тот утвердительно кивнул головой. Д. продолжал:

— Тысячи людей пришли в город, сохранив уость еще племенного самосознания, традиции и суеверия родных деревень. Многие из них предпочитают профсоюзам племенные объединения, во главе которых ставятся «вожди». Их мечта — накопить денег, начать торговлю или вернуться в деревню. У большинства нет квалификации, и они удовлетворяются случайными заработками, не задерживаясь подолгу на одном и том же предприятии.

Хозяин прервал Д.:

— Ты несколько преувеличиваешь трудности. Согласись, что квалифицированные рабочие понимают необходимость профсоюзов. А они — большая сила. Да и вчерашние крестьяне в абиджанском котле быстро освобождаются от своей ограниченности.

Я внимательно слушал разгоревшийся спор. Ни в научных исследованиях, ни на страницах местных газет я не встречал идей и наблюдений, которые высказывались моими знакомыми. Все, что говорилось в этой комнате, было выстрадано каждым из собеседников за долгие годы борьбы.

Поздно вечером мы распрощались с гостеприимным хозяином. Д. был взволнован долгим разговором. В машине он продолжал прерванный спор:

— Конечно, у нас есть силы. И большие. Но как работать, когда лучших среди нас высылают из страны или бросают в тюрьмы? Те, кто слабее, поддаются на заманчивые предложения выгодных мест в канцеляриях новоиспеченных министров и высокой зарплаты.

Д. тяжело вздохнул:

— Нас поддерживает только вера в народ.

С Д. я простился у гостиницы «Отель дю парк». Хотя была ночь, не посвежело. Перегретый, влажный воздух

был неподвижен. Возвращаться в номер, где сотни москитов с нетерпением ожидали моего появления, не хотелось. К счастью, на террасе гостиничного ресторана освободился столик.

Но мне не удалось долго побыть одному. Пожилой француз, вежливо улыбаясь, попросил позволения подсесть.

— Невозможно найти свободное место, — извиняясь, объяснял он. — В такие вечера весь город выходит на улицу.

Мы разговорились. Француз оказался местным старожилом:

— Я помню время, когда меньше чем в километре отсюда начинался лес, — рассказывал он.

Узнав во мне иностранца, он охотно принялся вспоминать истории давно минувших дней. По профессии инженер, он участвовал в сооружении едва ли не всех важнейших дорог страны. Попыхивая трубкой, он живо вспоминал о неприятностях, которые ему причиняли рабочие.

— Это было время трудовой повинности, когда крестьян палками сгоняли на работы, — рассказывал он. — Ясно, что они не хотели работать. Моим современным коллегам легче. Деньги убедительнее палки.

Инженер выглядел моложе своих лет, и в его коротко стриженных прямых волосах еще не было седины. За стеклами очков в золотой оправе поблескивали небольшие серые глаза. Он был одет в серую рубашку с открытым воротником, просто и удобно, как одеваются в тропиках французы в отличие от англичан, которые и здесь не решаются появляться к ужину без галстука и в пестрой рубашке. Мне этот человек становился все более и более интересен.

Людей, подобных инженеру, часто приходится встречать на африканских землях. Обычно это строители, учителя, агрономы, миссионеры. Они добросовестно работают, они честны. Если им сказать, что вся их деятельность является лишь одним из оборотов колониальной машины, эти люди почувствуют себя оскорбленными и обиженными. Многие из них совершенно искренне считают, что они несут в Африку «цивилизацию», «прогресс».

Редко, когда тот или иной из них ощущает фальшь

положения, в которое всю эту прослойку поставил колониальный режим. Они всегда хозяева, всегда начальники. Не бывая на равной ноге с африканцем, они привыкают смотреть на него сверху вниз. К этому барьеру прибавляется второй — непонимание местной культуры, местных обычаев. Этим людей возмущает часто нескрываемая враждебность к ним со стороны местных жителей. Они просто не могут понять то, что очевидно африканцам, — построенная «белыми» дорога будет служить для вывоза скупленного по дешевке сырья, миссионерская проповедь затруднит патриотам борьбу с колониальным режимом, «белый» преподаватель не только научит детей грамоте, но и привет им подобострастное отношение к «западной культуре».

Мой случайный собеседник, несмотря на весь свой несомненный ум, ответил, когда я его спросил, как вырос Абиджан:

— Этот город построен нами, французами. Его фундамент — французские деньги, французская энергия, наши ум и знания.

Говорить ему о тысячах африканских крестьян и рабочих, чьи украденные компаниями деньги оплатили сооружение этого города и чей труд его поднял, было бы бесполезно.

Чем все же был вызван бурный взлет Абиджана? — спрашивал я себя. Как мог за два-три десятилетия вырасти на этих сырых, нездоровых местах столь крупный город?

Ответ приходит, когда смотришь на карту страны. Абиджан находится там, где железная дорога подходит к морскому порту. Здесь богатства края перегружаются с вагонов на пароходы, отсюда в глубь страны отправлялись военные отряды и отряды чиновников. Подобно грибам, у этого места перевалки грузов выросли здания торговых компаний, банков, различных департаментов колониальной администрации.

В конце прошлого века, когда решалось, откуда вести железнодорожную линию в глубь края, будущее Абиджана повисло на волоске.

Столкнулись две точки зрения — колониальной администрации и действующих на Береге Слоновой Кости торговых компаний. По мнению чиновников, железная дорога должна была пройти по долине реки Бандама, пере-

сечь тропический лес и выйти в область Бауле в месте, где полоса джунглей особенно узка. Чиновников побуждали поддерживать этот вариант прежде всего политические мотивы. В то время завоевание страны было в самом разгаре, и дорога открывала возможность прочно закрепиться в самом сердце новой колонии.

Торговцев больше волновали соображения непосредственной выгоды. Они настаивали, чтобы проникновение шло по долине реки Комоз, более или менее параллельно к границе с Золотым Берегом. Область Бауле не была исследована, ее богатства еще не определены, тогда как лежащие по берегам Комоз деревни были давними поставщиками каучука, пальмового масла, ценных пород дерева, золотого песка. Гран-басамские торговцы не скрывали своих надежд, что новая дорога, проложенная согласно их планам, поможет также перехватить у англичан часть их торговли каучуком на Золотом Береге.

Со временем появились и другие проекты. Миссия капитана саперов Удая предложила компромиссное решение. Сам Удай считал, что следует воспользоваться судосходностью Комоз между Гран-Басамом и деревушкой Алепе и сделать Алепе исходной точкой будущей дороги. По проекту Удая, к Абиджану должна была быть проложена ветка. Этому небольшому тогда поселению отводилась весьма второстепенная роль в планах колониального освоения края.

Только в 1902 году был выработан окончательный план прокладки железной дороги. После долгих споров было решено выбрать Абиджан головным пунктом дороги и вести ее до края Бауле. Удая назначили руководителем работ, а дороге дано громкое название: Абиджан — Нигер. Прокладка этой линии была частью общего, более широкого замысла колониальных властей связать железнодорожными путями в единое целое недавно завоеванные территории Гвинеи, Сенегала, Западного Судана и Верхней Вольты. В Бамако, центре Западного Судана, должны были сойтись колен дорог, идущих от Абиджана, на Береге Слоновой Кости, из Конакри — в Гвинею и из Дакара — в Сенегале.

Этот план никогда не был осуществлен. Только дорога из Дакара была доведена до берегов Нигера. К 31 декабря 1903 года был расчищен от леса нынешний центр Абиджана — Плато и началась прокладка колен. Но

работы шли медленно. Жестокий климат, слабость технических средств и, самое главное, ожесточенное сопротивление населения тормозили работы.

Вспоминая о враждебности крестьян сооружению дороги, колониальные историки пожимают плечами: мол, дикари не понимали значения дороги для страны, не понимали прогресса. Конечно, крестьянину, редко уходившему из родной деревни дальше пятидесяти километров и никогда не видевшему паровоза, было трудно оценить смысл затеянного на его земле иностранцами предприятия. Железная дорога оборачивалась для него принудительным трудом. Под угрозой французских штыков вожди деревень посылали на стройку самых сильных и здоровых парней, из которых слишком многие не возвращались. Крестьянин покидал семью, деревню, работал под постоянной угрозой жестокого избиения. И ради чего?

Самое крупное восстание против колониальных поработителей вспыхнуло среди племени аббейев округа Агбовиль в начале 1910 года. Некий Рюбино, торговый агент Французской компании Западной Африки, был убит разъяренными крестьянами. Главным предметом крестьянской ненависти была железная дорога. На нескольких десятках километров рельсы были сорваны с полотна, разрушена телеграфная линия между Адзопе и Агбовилем.

Эта вспышка гнева и отчаяния была жестоко подавлена. В полыхании горящих деревень дорога медленно ползла на север. Только к 1954 году она дотянулась до Уагадугу, — столицы Верхней Вольты, в 1146 километрах от Абиджана.

Вокруг дороги Абиджан — Нигер в свое время было немало пропагандистского шума. Завершение строительства преподносилось парадными ораторами как выдающееся техническое достижение, как свидетельство плодотворности франко-африканского сотрудничества, как символ прогресса, достигнутого колониями благодаря Франции. К древним легендам, коими изобилует африканская земля, колониальный режим пытался добавить еще одну.

Но вернемся к началу века. Проектировщики железной дороги довольно быстро убедились, что, предопределив Абиджану роль морских ворот колонии, они серьезно просчитались. Все попытки прорыть канал между лагу-

ной Эбрие и океаном проваливались, песок заносил начатые работы. Приходилось доставляемые железной дорогой грузы перегружать в Абиджане на баржи и по лагуне перевозить в Гран-Басам. Это было дорого и неудобно.

От попыток прорыть канал окончательно отказались в 1907 году. Тридцать один год баржи курсировали между Гран-Басамом и Абиджаном. Только в 1938 году сооружение канала было возобновлено, но на этот раз начатые работы остановила война. Прошло еще двенадцать лет, пока 23 июля 1950 года не было завершено осуществление разработанного еще в начале века проекта. Канал Вриди имеет 2700 метров при ширине свыше 350 метров. Он позволяет проход судов с глубиной осадки до 10 метров. Без преувеличения можно сказать, что канал открывал перед Абиджаном не только выход в океан, но и широкие экономические перспективы.

С моста Уфуэ-Буаньи открывается панорама порта. У причалов стоят суда с флагами Франции, Соединенных Штатов, ФРГ и других западных стран, держащих в своих руках всю торговлю молодой республики. Общая длина портовых причалов превышает две тысячи метров. Пассажирские пароходы пристают у Западной набережной; но хотя за год через порт проходят больше двадцати тысяч пассажиров, это лишь ничтожная часть его операций.

Даже беглый осмотр порта, его бесконечных набережных и складских помещений лучше любого справочника позволяет понять, чем экономически Берег Слоновой Кости особенно интересен для империалистических держав. За бананной набережной длиной в 125 метров стоит громадный, площадью свыше трех тысяч квадратных метров, серый склад, где ожидают отправки в Европу гроздь бананов. У входа в порт видны склады марганцевой руды, доставляемой сюда на баржах по лагунам из Кикеду, в устье реки Догугу. Большие помещения завалены мешками с кофе и какао. На складе ценных пород дерева можно найти стволы всех оттенков от ярко-желтого до бурого и почти черного. Специальные плоты перевозят на корабли тяжелые, тонущие в воде сорта леса.

Абиджанский порт обслуживает нужды не только Берега Слоновой Кости. Значительная часть грузов пред-

назначается для Верхней Вольты, а также поступает оттуда. Кроме того, после распада Федерации Мали и закрытия границы между Сенегалом и образовавшейся Республикой Мали ввоз и вывоз этой республики также осуществлялся до последнего времени через абиджанский порт.

Порт продолжает расширяться. По железной дороге поступает все больше грузов, все больше пароходов с ненасытно распахнутыми трюмами подходит к причалам. Когда я был в порту, он производил впечатление страшного живого существа, созданного какой-то враждебной человеку силой из бетона и асфальта, из железа и алюминия. Суетящиеся у причалов люди выглядели слабыми, беспомощными в своей нищей, рваной и грязной одежде, с лицами, изуродованными усталостью. Порт был властелином этих людей, они — его рабами.

Д., вместе с которым мы осматривали портовые сооружения, говорил позднее:

— Теперь ты знаешь «почву», на которой возник Абиджан. Его величие создано союзом парохода и паровоза. Не вокруг заводов, фабрик или рудников, а рядом с причалами, складами, железнодорожными путями сложился город.

ЧЕРЕЗ ЛЕСА

Путь из Аккры в Абиджан идет через Кумаси, затем Суньяни, лесом.

Вероятно, это одна из живописнейших дорог Западной Африки. Как только в тридцати километрах от Аккры шоссе поднимается на Аквапимские холмы, начинается лес, кончающийся только на подступах к столице Берега Слоновой Кости.

Где-то в лесу проходит и граница. Она была установлена англо-французским соглашением от 12 июля 1893 года. Долгое время это была простая линия разграничения зон английского и французского влияния, разрывающая один народ — различные племена акан на две части. Лишь по мере постепенного обособления Ганы и Берега Слоновой Кости в культурном, экономическом и политическом отношении проведенная англичанами и французами граница стала терять свой искусственный характер.

На заставе Берега Слоновой Кости был обеденный перерыв, когда наконец я доехал по разбитой проселочной дороге к пограничному шлагбауму. На пыльной площадке у заставы уже стояло несколько небольших крытых грузовичков. Пассажиры — женщины с ребятишками за спиной, торговцы дьюла и хауса после утомительного пути подкреплялись рисом, вяленой рыбой, кенке. Оставленные без внимания куры в плоских плетеных корзинах яростно кудахтали из кузовов автомобилей.

Начавшийся мелкий дождь загнал нас в помещение заставы. До конца обеденного перерыва оставалось больше часа, и я начал рассматривать висящие на стенах объявления и приказы. Они неожиданно оказались очень и очень интересны.

Скудным канцелярским языком документы описывали повседневную жизнь заставы — нарушителей, контрабандистов, часто кровавые схватки с ними. Большинство контрабанды шло из Ганы, где товары много дешевле, чем на Береге Слоновой Кости. Среди задержанных грузов на первом месте стоял текстиль. Его перевозили по лесным тропам целыми грузовиками.

Позднее, ставя мне штамп в паспорт, пограничник жаловался:

— Не признает население границы. Крестьяне не могут понять, почему одна половина рода должна жить здесь, а другая — по ту сторону границы. Граница или нет, а на большие родовые праздники все собираются или у нас, или в Гане. Никакими заставами не остановишь этих поездок, — махнул он безнадежно рукой.

За заставой, когда выезжаешь из городка Аньбилекру, лес снова подступает к дороге. Это тот же великий тропический лес, что и в Гане. На редких вырубках образует непроходимые заросли масличная пальма, чьи молодые колючие побеги переплетаются с кустарником. Лес тих, темен и сыр. Откуда-то сверху, чуть ли не с неба свисают напоминающие серые веревки воздушные корни лиан. Странные пестролистные растения покрывают почву. Птицы и цветы — желтые, розовые, красные, голубые — еле видны в зелени крош. Там, на высоте двадцати-тридцати метров, и идет жизнь, почти замирающая внизу, у земли, где в воздухе стоит тяжелый запах преющих листьев и гниющих древесных стволов.

На одном тектаре тропического леса ученые насчиты-

вают несколько тысяч различных древесных пород. Но нет ничего однообразнее тропических джунглей. В зеленоматом полумраке к облакам тянутся мощные стволы, образующие неповторимую в своем хаотическом беспорядке колоннаду. У особенно высоких деревьев корни представляют как бы контрфорсы, поднимающиеся серыми складками на полтора-два метра над землей. Прежде чем валить эти деревья, лесорубы сооружают вокруг ствола высокие помосты.

Проездом я видел, как крестьяне расчищали участок джунглей. Длинными ножами вырубался кустарник, который затем должен быть сожжен. Там, где лес был уже очищен от подлеска, рубились деревья. Но нередко старые деревья оставляются, поскольку большинство разводимых местными крестьянами культур хорошо растет в лесной тени и, напротив, погибает на открытом солнце. Конечно, это сохраняет крестьянам немало сил, — и все же сколь мучителен был этот труд!

Если бы не километровые указатели вместо мильевых, если бы не попадающаяся здесь и там реклама на французском языке вместо английского, могло бы показаться, что дорога по-прежнему идет по Гане. На небольших придорожных рынках звучала та же речь, что в краю Ашанти. Низкие глинобитные домишки с деревянными ставнями, небольшие кукурузные поля на подъездах к деревням — каждый штрих местной жизни напоминал о Гане. И это не удивительно, если вспомнить существующие в этих краях исторические предания.

В прошлом аньи, сейчас населяющие юго-восток Берега Слоновой Кости, занимали области у реки Пра. Они еще помнят название края — Ачьюан-Аньюан. После войны с племенами ашанти, в которой аньи потерпели поражение, они направились на юго-запад вместе с родственными племенами бауле. Бауле под водительством женщины-вождя Поку переправились через реку Комоз и заняли центр нынешнего Берега Слоновой Кости. Это великое переселение произошло, вероятно, в XVIII веке, хотя первые волны аньи проникли в леса края еще раньше и уже в XVII веке достигли побережья.

В одной из деревушек аньи я стал свидетелем мало привычного для европейца зрелища. Едва выйдя из ма-

шины, я услышал громкий стук нескольких барабанов. Видно, шел праздник. Обогнув ряд домов, я оказался на небольшой площадке. С одной стороны сидели женщины, напротив расположились мужчины. Двое молодых парней яростно стучали в барабаны, а в центре площадки ритмично двигалась странная фигура.

Это был мужчина неопределенных лет. Его лицо и все тело были покрыты белой краской, видимо, каолином. Обведенные вокруг глаз белые круги делали эти глаза громадными и словно выявляли горящий их блеск. На голой груди бренчали цепочки с талисманами. К ногам танцующего были привязаны бубенцы, а в руках он держал большой железный колоколь, которым вторил ритму барабанов. Традиционную одежду заменяла коротенькая юбочка из разлетающихся при каждом движении волокон рафии.

Белый цвет по местной традиции считается символом чистоты. Крестьяне верят, что лишь чистая «белая» душа способна сохранить человеку здоровье. Как только душа будет осквернена, запятнана бесчестным поступком, она не устоит против натиска злых сил — болезней. Поэтому белый цвет ассоциируется местными крестьянами также со здоровьем, силой, процветанием.

Поводом для праздника послужила закладка дома. Когда я попытался сфотографировать пляшущего деревенского жреца, мне вежливо, но твердо запретили прикасаться к аппарату.

Этот короткий дорожный эпизод удивительно гармонировал с атмосферой таинственности и загадочности, окружавшей темный и на первый взгляд непроходимый окрестный лес. Что за жизнь идет в его густой тени, какие странные совершаются обряды? По мере того как машина двигалась дальше и дальше к югу, мне вспомнились рассказы людей, хорошо знавших эти места. Эти рассказы в свое время сильно поразили мое воображение.

У племени эотиле, живущего на крайнем юге края, у моря, особый страх вызывает божество Асом. Целый род следит за соблюдением положенных Асому обрядов, а старшина — патриарх рода служит его главным жрецом. Он единственный посредник между богом и всем племенем.

В случае смерти жреца его наследник и все члены рода направляются в больших пирогах на островок Асомкпеле, где, по преданию, живет божество. На пляже выстраивается процессия и с пением гимнов направляется к центру острова. Перед скалой, напоминающей своими очертаниями человека с тремя шрамами раба на лице, наследник останавливается. Дух скалы в прошлом был рабом, и поэтому на островке запрещено оскорблять рабов или тереть себе щеку, что могло бы напомнить духу о его позорных шрамах.

Под звуки песен и плач жрица подводит будущего верховного жреца к пещере и указывает ему плоский камень с выгнутыми краями — трон божества. Вокруг камня кольцами свернулся старый питон. Под восторженные возгласы толпы наследник опускается на питона. Посвящение свершилось.

В этом странном обряде переплетаются многие верования — и пережитки известного многим западноафриканским племенам культа питона, и религиозные взгляды, присущие только различным ветвям народа акан. Не менее любопытна и история трех братьев — богов рек Биа, Тано и Эхолье, которую записал видный этнограф Берега Слоновой Кости Ф. Амон д'Аби.

Матерью трех братьев была старая и слепая богиня. Старший, Биа, был послушным и любящим сыном. Очень любил мать и младший из братьев — Эхолье. Напротив, Тано был хитер и нагл, горделив и тщеславен. Свое время он проводил в азартных играх, и только голод заставлял его вспоминать о матери и возвращаться домой.

Когда смерть пришла за богиней, та решила раздать свое состояние сыновьям. Первым она позвала Биа.

— Сын, — сказала богиня, — я отдаю тебе здоровье, богатство и славу за заботу, которой ты окружил мою старость. Сегодня же покинь эти края и обоснуйся к востоку от большого озера. Ты станешь покровителем двух великодушных и сильных народов — брафе и ашанти. Ты будешь самым славным из богов, и люди будут приносить тебе в жертву золото и белых баранов.

Богиня отпустила своего любимого сына и позвала Эхолье.

— Мне осталось жить лишь несколько мгновений, — обратилась она к нему. — Собери свои вещи и отправляйся в путь. Твоим владением будет лес Симан недалеко

от будущих земель Биа. За твою бесконечную любовь ты будешь отмечен особым знаком, который вечно будет тебе напоминать обо мне. Люди будут приносить тебе в жертву черных козлов, а вожди брафе изберут тебя своим покровителем. В трудностях и в удаче не забывай о старшем брате Биа.

С легким сердцем отпустила богиня своего младшего сына, покрыв его слезами и благословениями. Она не решалась позвать Тано, но дверь открылась.

— Кто ты? — спросила слепая мать.

— Я Биа, — ответил вошедший.

— Почему же ты не уехал в свои владения?

— Но у меня нет владений.

— С кем же я только что говорила? — воскликнула мать. — Неужели это был злой Тано?

Из последних сил она закричала:

— Тано! Тано!

Но ответа не было. Мать поняла, что Тано уехал.

Богини никогда не отбирают отданного, и слепая передала любимому Биа скромную оставшуюся долю. С болью на сердце она скончалась.

О своей беде Биа рассказал Эхолье, и тот поклялся помогать ему в борьбе с Тано. Союз и дружба двух братьев вечны, и под угрозой потонуть запрещено при переправе через эти реки упоминать имя Тано. Столь же опасно произносить имена Биа и Эхолье, переправляясь через реку Тано.

Много сходных преданий и верований существует в местах, где я сейчас находился. Вдоль дороги мелькали деревушки цвета земли, из которой они были выстроенны, — красные или серые. Сохранили ли эти поверья свою власть над сознанием молодого парня, выбиравшего почерневшие зерна из груды сваленных на маты бобов какао; следует ли обычаям предков женщина, продающая несколько бананов у дороги; что думает деревенский учитель, едущий на велосипед с уроков домой?

Снова лес и только лес по сторонам. Но чем дальше, тем отчетливее я замечал, как сильно был изменен человеком его первоначальный облик. В одном месте среди стволов появились бурые молодые листья шоколадных деревьев, в другом — тонкие, усыпанные мелкими вишенками плодов кофейные деревца. Это были плантации, и

они глубоко проникали в гущу джунглей. Все чаще попадались вдоль пути крупные бананники.

Видно, сила леса обманчива, видно, люди сумели победить его враждебную мощь. Наверное, много нового скрывалось и за традиционным, идущим из веков обликом деревень.

Победа местных крестьян над лесом, одержанная с помощью топора, мотыги и огня, может справедливо быть названа подвигом. Сейчас нет деревни, вокруг которой не было бы широко разбросанных плантаций какао или кофе, бананников или кукурузных полей. Правда, большей частью каждая из этих плантаций невелика, всего лишь небольшое пятнышко освоенной земли в лесной чащобе. Но джунгли уже не решаются наступать. Каждый год они отдают людям все новые и новые гектары столетиями не тронутой земли.

Этим успехом мог бы справедливо гордиться любой народ. Однако победа над лесом была горькой победой. Она мало что дала народу и щедро оделила иностранные компании. По всей зоне тропических джунглей стали разводиться так называемые экпортные культуры — какао, кофе, бананы. Местное население не пьет ни кофе, ни какао, в стране не производится шоколада, и вся продукция крестьянских плантаций вывозится за границу. Там же остается и львиная доля прибылей, получаемых экспортерами.

На характере сельского хозяйства страны колониализм оставил столь же жестокий и трудно смываемый след, что и на промышленности. Как в промышленности лишь малая часть продукции предназначается для нужд самой страны, так и в сельском хозяйстве лесной зоны на первом плане стоят интересы заморского капитала. Редко кого из европейцев, проживающих на Береге Слоновой Кости, возмущает, скажем, тот факт, что была построена фабрика по консервированию тунца, которая вывозит из республики девять десятых своей продукции, тогда как легко найти значительно более важные объекты для строительства в стране, по сей день вынужденной завозить из-за границы самое необходимое. Никого из экономических хозяев страны не удивляет и ненормальное положение в сельском хозяйстве.

Впрочем, в этом нет ничего странного. В свое время колониальные власти приложили немало усилий, чтобы

придать сельскому хозяйству страны его нынешний характер. Как же это происходило?

Из трех основных экспортных культур страны — кофе, какао и бананов — первой принадлежит самая важная роль. По производству кофе Берег Слоновой Кости занимает сейчас первое место в Африке и третье в мире.

Начало «кофейного эксперимента» было весьма скромным: в 1880 году негониант из Лярошели Вердые создал небольшую кофейную плантацию на берегу лагуны Аби в Элима, недалеко от местечка Абуассо. Первый опыт оказался обнадеживающим, и двумя годами позднее Компания Конг расчистила под кофейную плантацию сто гектаров леса, также в окрестностях Элима. В 1900 году из района было вывезено уже свыше двадцати двух тонн кофе.

Африканцев, попробовавших на вкус горькие кофейные ягоды, эта культура отнюдь не привела в восторг. Только в 1930 году первые кофейные деревья начали появляться на крестьянских усадьбах. Перед войной были особенно распространены сорта «либерия», крупный и мелкий индийский, «куилу» и даже «арабика». Но в 1950 году эпидемия трахеомикоза поразила кофейные насаждения по всей стране. Плантации индийских сортов целиком и большинство насаждений сорта «куилу» погибли. Это был жестокий удар. Своим спасением культура кофе на Береге Слоновой Кости обязана сорту «робуста», завезенному в 1934 году из Конго и невосприимчивому к страшному заболеванию. В настоящее время свыше пятисот тысяч гектаров отведены крестьянами под кофейные плантации.

Карьера шоколадного дерева была несколько менее блестяща. Как и в Гану, какао попало на Берег Слоновой Кости с острова Фернандо-По, куда эта культура была завезена португальцами в 1822 году. Первую плантацию какао создал опять-таки Вердые, этот предприимчивый торговец из Лярошели. В 1888 году им были произведены первые посадки шоколадного дерева около Абуассо, а в 1895 году на юго-востоке страны насчитывалось уже около пятнадцати плантаций.

Но по-настоящему широкое распространение шоколадного дерева по зоне леса началось в 1912 году. Дело в том, что на смену собираемому в лесах страны с особой разновидности лиан каучуку в 1910 году пришел

дешевый плантационный каучук из Юго-Восточной Азии. После некоторых колебаний выбор колониальной администрации остановился на шоколадном дереве как источнике доходов вместо лесного каучука. Властей убеждал опыт Золотого Берега, который в те времена вывозил уже свыше сорока тысяч тонн какао-бобов. В духе «лучших» колониальных традиций новая культура внедрялась принудительно.

Сопrotивление населения было отчаянным. Крестьяне кипятили зерна какао перед посадкой, чтобы те не могли прорасти. Сделанные посадки забрасывались. По деревням был пущен слух, что тот, кто станет разводить шоколадные деревья, умрет при появлении первых плодов.

Тогдашний губернатор колонии Ангульван лично занялся внедрением новой культуры. Посадки шоколадного дерева были сделаны обязательными для всех деревень побережья. Во время своих частых поездок губернатор сам наблюдал за тем, как развиваются молодые насаждения. Крестьяне, проявившие небрежность, наказывались полицией. Порка, шпицрутены — вот средства, которыми энергичный губернатор вселял в крестьянские умы почтение и любовь к шоколадному дереву.

Эти усилия принесли свой результат. В 1929 году производство какао-бобов полностью покрыло потребности Франции и начало конкурировать с какао Золотого Берега на американском рынке. В послевоенные годы урожай продолжал возрастать. Плантации шоколадных деревьев особенно значительны на востоке страны, в районах Абенгуру, Димбокро, Бондуку, Агбовиль и вокруг самой столицы. Большинство посадок заняты сортом «форестеро», остальная часть — сортом «тринитарио». Сейчас Берег Слоновой Кости дает около десяти процентов мирового сбора какао-бобов и держит четвертое место в мире после Ганы, Бразилии и Нигерии.

Наконец, бананы. Крупные бананы, так называемый плантен, издавна разводились местным населением. Но они не представляли интереса для колониальных властей. Поэтому еще в 1912 году были сделаны первые попытки посадки азиатских разновидностей банана, дающих плоды значительно более нежные по вкусу. В сравнении с кофе и какао бананы представляли значительные трудности для транспортировки в Европу. Значительная часть урожая погибала еще до отправки. К тому же крестьяне,

у которых были отобраны даже охотничьи ружья, не могли защищать свои бананники от обезьяньих набегов. Практически только с 1947 года стали появляться первые крупные африканские плантации. До этого времени производство целиком находилось в руках французов, тщательно следивших за сохранением своей монополии. Когда в тридцатых годах группа сиро-ливанцев решила создать плантацию в Табу, местная газета «Крик плантатора» немедленно потребовала, чтобы только европейцам было разрешено заниматься доходным делом выращивания бананов.

В окрестностях Абенгуру мне удалось побывать на одной из крестьянских плантаций какао, и это посещение во многом помогло мне разобраться в механике колониального «руководства» развитием сельского хозяйства.

Плантация была довольно крупной по размеру, чуть больше четырех гектаров. Непривычный человек мог бы сначала и не заметить, что находится не в глухом лесу, а на плантации. Кусты шоколадного дерева с растущими прямо от ствола золотыми плодами были разбросаны среди вековых деревьев. Шоколадное дерево боится прямого солнечного света и ветра, поэтому крестьяне сохраняют крупные, дающие большую тень деревья при расчистке леса под насаждения.

Хозяин плантации — высокий пожилой крестьянин с голым черепом, принадлежал к местному аристократическому роду. Держался он с большим достоинством. Вместе с ним, не отставая, ходил мальчуган лет пятнадцати, его сын. Оба были одеты в кенте из яркой ткани.

При осмотре плантации крестьянин рассказал, что она заложена десять лет назад. Кто помогал? Многие сородичи, пришлось и нанять трех рабочих — мосси. Первый урожай собирается, когда посадкам пять лет. Сейчас плантация набрала полную силу, и ежегодно он собирает два урожая — в сентябре основной и в апреле меньший. С гектара выходит по двести — двести пятьдесят килограммов какао-бобов.

— Почему вы посадили именно шоколадные, а не кофейные или бананные деревья?

— Тогда цены были выгодны. И растет шоколадное дерево в наших местах хорошо.

— А сейчас?

— Разве угадаешь на десять лет вперед, какими бу-

дут цены? Да мое хозяйство крепкое, я продержусь. Это не единственная моя плантация.

Мы шли по узким тропкам, паутиной разбежавшимся между деревьев. Кроме нас, на плантации никого не было, до урожая было еще далеко.

Выращивает ли он продовольственные культуры, спросил я. Нет, небольшие огороды есть у женщин, но все равно маниок, рис, ямс приходится подкупать. Наемный труд слишком дорог, чтобы использоваться помимо плантаций.

Подобных хозяйств тысячи на юге Берега Слоновой Кости. Мираж высоких заработков побуждал крестьян забрасывать традиционные культуры и все свободные земли отводить под плантации. Но мираж начинает рассеиваться, цены на экспортные культуры поползли вниз. Что дальше?

Во время поездки по стране я познакомился со служащим Французской компании Западной Африки. Компания занимает видное место во внешней торговле республики, и мне было интересно узнать мнение нового знакомого об экономическом положении страны.

— Знаете, как называют экономику Берега Слоновой Кости? — улыбаясь, спросил он. — Одноногой. Кофе, бананы, какао, лес — это одна нога. А где вторая? Берег Слоновой Кости — аграрная страна, а ввозит продовольствия на многие миллиарды африканских франков! Это ли не парадокс?

Мрачноватое острословие служащего Французской компании Западной Африки вряд ли позабавило бы кого-нибудь из местных африканцев. Сейчас в стране нет людей, которые бы не понимали опасности для благополучия молодой республики сложившегося в сельском хозяйстве положения. Патриотов беспокоит, что монокультурность сельского хозяйства затрудняет достижение страной подлинной экономической независимости. У лучших людей страны вызывает озабоченность, что падение мировых цен на экспортные культуры может вызвать разорение широких слоев крестьянства. Даже реакционеры напуганы; они боятся, что всегда возможный крах цен на кофе, бананы и какао способен породить острый социальный кризис.

Ответом деревни на начинающийся кризис пока было прекращение уборки урожая на некоторых плантациях.

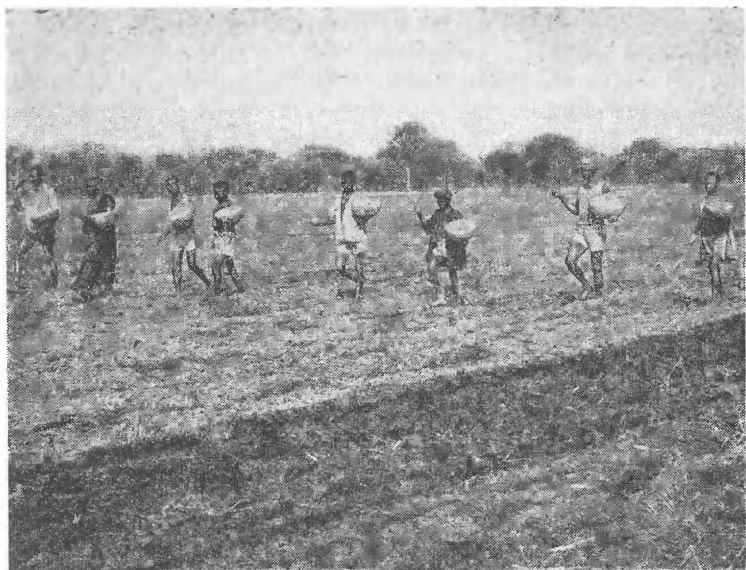
Это уже довольно старое явление. Экономисты Берега Слоновой Кости пишут, что в стране следует проводить различие между площадями, занятыми под той или иной культурой, и площадями, с которых собирается урожай. Неведомое в других странах, это «тонкое» различие свидетельствует о давности крестьянской практики забрасывать часть своих плантаций в период резкого снижения цен. Конечно, для беднейших слоев деревни эта практика может означать только одно — разорение.

Дорога от Абиджана на север живописна и интересна. От побережья лес продолжается примерно двести двадцать — двести тридцать километров и медленно, сопротивляясь, уступает саванне. По мере того как верста исчезает за верстой начинает проступать бесконечное разнообразие края. И это едва ли не самое интересное впечатление от длинного пути.

Находясь между Либерией, Гвинеей, Мали, Верхней Вольтой и Ганой, Берег Слоновой Кости служит как бы продолжением этих стран и вбирает многие характерные для них черты. Леса вокруг Мана на западе края незаметно пересекают границу с Гвинеей, и тот, кто был в гвинейском городке Нзерекоре, обнаружит мало нового, оказавшись в Мане. В малийской и вольтаикской саванне встречаются те же деревья, те же сельскохозяйственные культуры, что и в саванне Берега Слоновой Кости. Красные латеритовые почвы Ганы не редкость и в окрестностях Абиджана.

Как природа, так и народы окружающих республику государств сталкиваются между собой на ее земле. Река Бандама в зоне леса служит границей между различными племенами народа акан, пришедшими из Ганы, и племенами гуро, дан, бете, дида и другими, чьи сородичи населяют Либерию и Лесную Гвинею. В саванне большие районы заняты сенуфо, малинке, лоби, мосси и другими народами, расселенными также в Мали и Гане, Гвинее и Верхней Вольте.

Каждый из этих народов принес на Берег Слоновой Кости свою культуру, свои обычаи. У бете по смерти главы семьи ему обычно наследует его младший брат, а у ании наследником является племянник. Бауле строят прямоугольные дома, которые, срастаясь по мере увеличения семьи, образуют внутренний квадратный двор. Напротив, на севере крестьяне сооружают круглые хи-

Крестьяне засевают расчищенное из-под леса поле

жины под конусовидными крышами. Граница между саванной и лесом проходит примерно по восьмой параллели, и это не столько географический, сколько этнический, культурный и экономический рубеж.

Я был рад, когда наконец тропический лес остался позади. Исчезла гнетущая духота, пропала сырость. Хотя было не меньше тридцати градусов, дышалось легко. Из-за отступившего леса показался горизонт. Кое-где среди невысоких, словно скрюченных ревматизмом деревьев виднелись поля маниока. Просо и сорго уже были убраны в крестьянские амбары.

На листьях некоторых придорожных пальм висели десятки странных шаров — гнезда ткачиков. У деревенских рынков рылись в пыли стервятники с голыми розовато-голубыми головами. Эти жирные, наглые охотники за падалью не боятся людей, которые их никогда не трогают. Иногда прямо из-под носа машины взлетали куропатки или голуби. Часто перебежали дорогу пальмовые крысы, напоминающие нашу белку зверьки с пыш-

ным серым хвостом. Встречаются на севере страны и слоны, и крупные антилопы. Но нужно знать места их водопоя, тропы перекочевков, чтобы увидеть еще сохранившиеся стада.

Временами машина шла между двух стен огня. Был сухой сезон, и крестьяне жгли саванну, готовя поля под будущий посев. Это немного жутковатое зрелище, когда высокие языки пламени поднимаются в каком-то метре от машины. Высохшая трава горит с легким треском, пламя перебрасывается на деревья, охватывает мелкие кустарники. Линия пожара тянется зигзагами на сотни метров.

В этих местах использование огня для расчистки полей под посевы и одновременно для их удобрения золой сгоревших растений входит в число древнейших традиций. От этих пожаров сама природа саванны изменила свой облик. Здесь смогли сохраниться только те деревья, чья кора достаточно защищает ствол от огня, и только те кустарники, что с первыми дождями отрастают вновь. Конечно, крестьянам нужно значительно меньше земли, чем выжигает разбушевавшийся пожар. Но разве оставишь освободившийся огонь?

Я находился километрах в ста к северу от Буаке, когда на пути встретился первый пожар. Потом мне неоднократно приходилось видеть или уже выжженную землю, или ползущий по желтой траве огонь. В воздухе стоял горьковатый запах дыма.

Этот проникающий всюду запах горящей травы навел на грустные размышления. Думалось, в Европе столетия назад крестьяне перестали выжигать леса. Господствующий здесь метод подсечно-огневого земледелия в любой развитой стране мира сохранился только на страницах учебников этнографии. До начала сельскохозяйственных работ было еще далеко, но нетрудно было представить, как с мотыгами в руках крестьяне обрабатывают обожженную, покрытую пеплом землю. Плуг по сей день — редкость в этих краях.

Нет, различие между севером и югом не было только географическим, как могло представиться вначале. Яснее и яснее становилось, что главное — в разнице уровней развития, его темпов за последние десятилетия.

Конечно, и на юге появление экспортных культур не вызвало технической революции в сельском хозяйстве. И кофе, и какао, и бананы большинство крестьян про-

должали выращивать с помощью прадедовских орудий труда. Но на юге благодаря появлению экспортных культур крестьянские хозяйства приобрели товарный характер, тогда как на севере они по-прежнему были замкнутыми, натуральными. На юге многие крестьяне начали широко использовать наемную рабочую силу, а наиболее богатые среди них стали приобретать удобрения, кое-какую технику, современные средства борьбы с вредителями. Север из года в год оставался неизменен.

С точки зрения европейца эти различия могут показаться несущественными. Разве бедность юга не столь же беспросветна, как нищета и отсталость севера? Разве легче жизнь крестьянина джунглей в сравнении с крестьянином саванны? Разве в не равной мере тяжело придавлены эксплуатацией деревни всей страны?

Вещи, почти незаметные для чужого глаза, имеют, однако, громадное значение в глазах африканцев. И это понятно. Здесь существует иная мера всему, чем в Европе, иные масштабы... В Абенгуру, в самом начале моей поездки по Берегу Слоновой Кости, я познакомился с шофером грузовичка, совершающим более или менее регулярные рейсы между Бобо-Диуласо и Буаке. Этот предприимчивый, энергичный парень оказался весьма наблюдательным и неглупым человеком. На своем грузовичке он перевез сотни людей и охотно делился своими впечатлениями.

— Не за счастьем, а от нужды едут люди,— пояснял шофер.— Много молодежи, не находящей себе места в родных деревнях. Бедность на севере — и у нас, в северном районе Корого, и на Верхней Вольте безысходная.

— А что находят эти люди здесь, на юге?

— Большинство приезжают на время,— отвечал водитель.— Работают на плантациях и, накопив немного денег, возвращаются. Я так думаю, что на родине они и этого заработать не могут. Другие,— продолжал он,— оседают на несколько лет и пробуют создать свое хозяйство. Кое-кому это удается, но теперь становится все труднее с землей.

На юге мне часто приходилось видеть отходников с севера. Худая, высокая фигура северянина резко выделяется на фоне плотных и коренастых жителей приморья. Ее видишь на рынках с лотком дешевых погремушек. Одетая в почерневшую от времени рубаху и короткие

штаны, эта фигура встретится у стоянки грузовичков-автобусиков. На фермах, на банановых плантациях, на лесосеках — повсюду мелькает его худое лицо, трудятся его мускулистые, сухие руки.

И сейчас по обочинам дороги время от времени встречались путники. В одиночку и группами они шагали к югу. У одних головы были закрыты конусовидными, плетеными из соломы и отделанными красной кожей шляпами, у других ничто не защищало лица от палящего солнца. Не оглядываясь по сторонам, мерной походкой людей, привыкших проходить сотни километров, они молча двигались вперед.

Сколько их? Французский этнограф Жан Руш рассказывал мне, что правительство Берега Слоновой Кости решило образовать контрольные пункты на важнейших железнодорожных станциях, на шоссежных дорогах, на границе для подсчета общего числа отходников. Эта работа продолжается, но уже сейчас ясно, что окончательные цифры будут громадными, порядка сотен тысяч.

Неравенство в уровне развития отдельных областей и стран вызывает массовые перемещения населения и в Европе. Из Испании и Италии рабочие едут на заводы ФРГ или Франции. Эти переезды невозможно сравнить с великими передвижениями крестьянства Западной Африки. Они изменили облик приморских городов, где часто выходцы из северных, более бедных районов начинают составлять большинство. Отходничество перемешало население и во многих деревнях юга. Если не учитывать этих миграций населения — его ответа на неравномерность развития отдельных районов, то этническая карта Западной Африки может стать большим сюрпризом и для ученых, и для местных политических деятелей.

Большинство наблюдателей объясняют отходничество одним желанием крестьян подзаработать, посмотреть «свет». Правы ли они?

В Буаке на местном рынке я разговорился с группой молодых парней. Судя по характерным надрезам на лице, по одежде, они принадлежали к народности сенуфо. Их французский язык был весьма небогат, но объяснить нам все-таки удалось.

Парни рассказали, что в их деревне молодежи трудно получить землю в пользование и завести собственное хозяйство. В их краях мужчины вносят выкуп семье не-

весты, и, по словам моих знакомых, этот выкуп очень вырос за последние годы. Работать им приходится вдвойне — и на всю общину, и на полях вождя, и на полях старейшины — главы рода.

— Мы сейчас чувствуем себя свободными, — говорили они.

Многие из отходников рассуждают подобно этим молодым парням. Конечно, привлекает и возможность заработать, интересно посмотреть окруженные легендами города побережья. Но едва ли не серьезнейший мотив у большинства — это желание освободиться от тяжелого гнета. Да и заработки особенно важны потому, что они позволят молодому крестьянину по возвращении в родную деревню занять там иное социальное положение, уже не быть послушным исполнителем воли старейшины, а самостоятельным хозяином. Длинный путь с севера на юг через весь Берег Слоновой Кости является в глазах отходников путем к престижу, к самостоятельности и независимости в родной деревне.

Ныне трудно представить существование плантаций на юге страны без трудового участия северян. Нужда в них была тем выше, чем ниже техническая вооруженность крестьян приморья. Жестокая эксплуатация отходников в глазах кулачества лесной зоны должна была, кажется, заменить и машины, и удобрения. Северянам платятся жалкие гроши за тяжелейшую и изнурительнейшую работу.

Власти республики пытаются кое-что сделать для изменения жизни севера. Научно-исследовательские станции вывели новый сорт хлопка, дающий в три-четыре раза бóльшие урожаи, чем ранее распространенный сорт «моно» с урожайностью в 150—300 килограммов с гектара. Все шире распространяются посевы табака. Предусматривается увеличение площадей под рисом, завозимым пока в страну в больших количествах. Сельскохозяйственные станции на севере не прекращают работы по выведению новых сортов мила и сорго.

Но проблемы северных областей — трудные проблемы. Вряд ли можно ожидать там серьезных сдвигов, пока крестьянство не получит возможности приобретать плуги и тягловый скот, удобрения. А тем временем отходничество еще больше усложняет положение деревни. Сокращается количество рабочих рук, соответственно

сокращаются посе́вы, падают и без того низкие крестьянские доходы.

После поездки на север страны я больше не спрашивал, почему аграрная республика вынуждена ввозить продовольствие. Ответ был ясен. На юге площади под продовольственными культурами уменьшались для новых и новых плантаций кофе, какао и бананов, на севере поля забрасывались, потому что стало не хватать рабочих рук. Тем временем спрос на продовольствие в городах, в зоне леса не уменьшался, а, напротив, рос, как росли города, как увеличивалось население в деревнях приморья. В этих условиях импорт зерна и масла, мяса и рыбы начинал казаться легчайшим выходом из возникшего положения. Он был, к слову сказать, и наивыгоднейшим с точки зрения колониальных компаний.

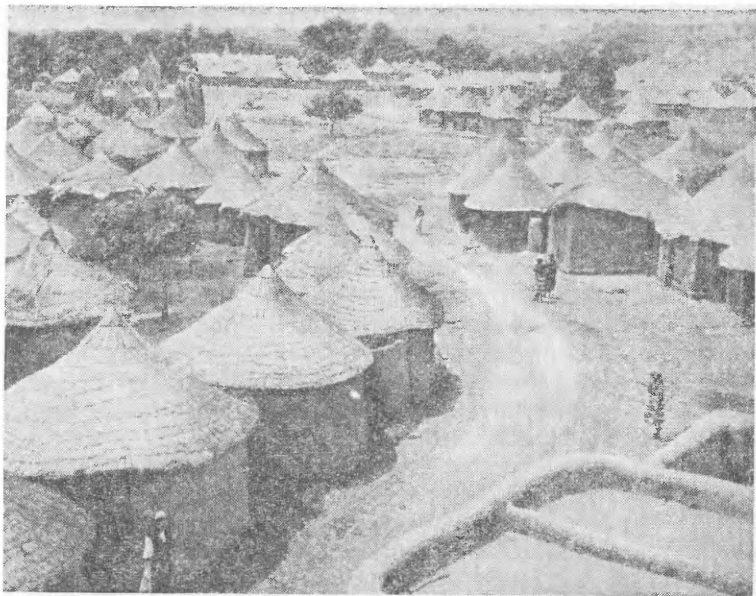
Да, за десятилетия своего господства колониализм основательно изуродовал сельское хозяйство Берега Слоновой Кости.

В конце и в начале года в деревнях Индиние, Бауле, Санви и многих других краев страны крестьяне собираются на праздник ямса. Длинные и толстые корни этого растения составляют основу основ питания, и ямс окружен тем же глубоким и благородным уважением, что хлеб в наших местах. Истоки праздника уходят в глущую древность.

На рассвете в день праздника у дома вождя деревни или всей области собирается длинная процессия. Вождь, скромно одетый, выходит и дает знак собравшимся идти к ближайшей реке, где должно состояться очистительное омовение. Старейшина, наследник основателя рода, погружается в реку первым среди мужчин.

В Кринджабо, центре провинции Санви, перед омовением народ слушает торжественный рассказ об истории народа брафе со времен исхода из Аньюан-Аньюан до наших дней. Повествование ведет старейшина рода Санвифое, хранитель истории народа. Каждое его упущение раньше каралось казнью на месте, но и сегодня рассказчик может быть отравлен за провал в памяти во время празднества.

Ночью под звуки громадных барабанов начинаются песнопения в честь предков рода и совершаются жертвоприношения: тому, кто, по преданию, любил вино, льется несколько капель джина или пальмового вина, тому, кто

Деревни севера Берега Слоновой Кости не изменили своего облика за последние десятилетия

нюхал табак, сыплется горсть нюхательного табака. Поющие просят предков не забывать о живущих и помогать им. Утром следующего дня празднества продолжаются. Корни ямса возлагаются на троны умерших вождей и освящаются. Теперь и народ, и вожди могут попробовать ямса нового урожая. Танцы, торжественные процессии организуются еще несколько дней.

В жизни каждой деревни нет более крупного события в году, чем праздник ямса. В эти дни деревня словно расцветает: мужчины надевают тканые из шелковых нитей пестрые кенте; музыканты сопровождают процессии ритмом тамтамов и пронзительными звуками рогов, сделанных из слоновьих бивней; под пестрыми зонтами, в сопровождении свиты шествуют вожди в золотых украшениях; из хранилищ выносятся древние троны. Каждый крестьянин участвует в празднике, каждый общинник играет роль, предписанную традицией.

Вождь — старейшина рода стоит в центре праздника. Он жрец, судья, хранитель родового имущества и политический руководитель общины. В его лице род видит как бы промежуточное звено между нынешним поколением и предками — основателями рода. Им разбираются споры между сородичами. В глазах других родов вождь отвечает за поступок каждого из общинников. Ему принадлежит также право от имени рода распределять родовые земли.

Один из родов может занять в племени господствующее положение, и тогда старейшина этого рода становится верховным вождем племени. В пределах рода эта верховная власть сохраняется из поколения в поколение, но наследника умершего вождя всегда выбирают старейшины его рода, а затем он представляется на одобрение всего народа. Претендент может быть отведен, а в иных случаях и весь род может потерять право на выбор верховного вождя из своей среды. За расхищение казны, за явную неспособность управлять народ имеет право свергнуть вождя. У многих племен акан вождям запрещено босой ногой касаться земли, и поэтому свержение вождя сопровождается символическим актом — у него отбираются сандалии.

Подобные отношения вождя и народа характерны для эпохи, когда в племени еще сохраняется своеобразная «патриархальная» демократия, когда только начинается обособление вождя от всего народа и медленно, постепенно развивается имущественное и социальное неравенство и идет закабаление рядовых общинников племенной верхушкой.

В Абиджане я некоторое время работал в библиотеке местного научно-исследовательского института, в прошлом отделения Французского института Черной Африки. Перед моими глазами стояли пышные празднества, мне вспоминались оживающие на время традиционных торжеств старые обряды и обычаи народов акан, и меня интересовало, неужели не изменилось положение вождя, неужели, как и прежде, незыблем его авторитет.

В библиотеке я взял подшивку еженедельника «Фратерните», что значит «братство». Эта газета издается руководством Демократической партии Берега Слоновой Кости. Среди официальных речей и инструкций по сельскохозяйственным вопросам на ее страницах попадают

интересные материалы. В особенности яркими были некоторые читательские письма из провинции. Именно они и помогли мне увидеть, что нового появляется за пестрой завесой древних обычаев.

Молодой крестьянин Жан Дауда писал в редакцию из деревни Манзануана округа Аньбилекро: «Обращаю ваше внимание, что в кантоне Аньбилекро заключена сделка между вождем деревни и вождем кантона, который продолжает требовать дань».

Дауда рассказывает, что вождь кантона отбирал у переселенцев, ни много, ни мало — треть урожая, и заключает:

«Если они останутся три года на своих плантациях, то, значит, целый год они проработают на вождя кантона».

Дальше в своем письме Дауда приводит случай, который особенно его взволновал. Он пишет:

«В окрестностях Аньбилекро есть деревня, которую называют Сиакокро; она была создана пять лет назад. Ныне ее населяют суданцы (выходцы из нынешней Республики Мали.— *В. И.*) и несколько местных уроженцев. Деревня образовалась следующим путем. Много лет назад суданский переселенец соорудил хижину на своей плантации кофе. Из Судана (ныне Республики Мали.— *В. И.*) к нему позднее перебрались его братья. В настоящее время Сиакокро насчитывает от 300 до 400 жителей и служит источником благосостояния для целого кантона. Но в 1958 году Сиакокро должно было поставить как дань вождю кантона четыре тонны сто тридцать килограммов кофе. Жители деревни возмущены данью, которую они обязаны платить».

Из разговоров с крестьянами во время поездки по Берегу Слоновой Кости мне удалось установить, что рассказанные Дауда случаи — не исключение. Как никогда раньше, земля стала источником богатства, и вожди начали все чаще предпринимать попытки присвоить общинные земли. Иногда, не имея на то права, они продавали эти земли. Вожди принялись увеличивать различного рода традиционные повинности крестьян по отношению к ним и в первую очередь обрушились на «чужаков», переселенцев с севера, получивших право создать свои плантации на общинных землях. Поборы с поселенцев возрастали и возрастали.

Но именно переселенцы с севера стали и главными противниками как родо-племенной верхушки, так и общинных пут в деревне лесной зоны. По всему краю они отказываются выполнять повинности в отношении вождей. Северяне рассматривают эти повинности как «второй налог», и считают, что ущемляется их достоинство. Они требуют, чтобы за ними было признано право на обрабатываемые их семьями земли. Столкновения переселенцев с родовой верхушкой многочисленны и остры.

Борьба переселенцев за землю подтачивает самые основы общинного земледелия.

Наряду с протестами против различных налагаемых вождами повинностей, переселенцы главным образом выступали против ограничения своего права распоряжаться своими плантациями. Не входя в общину полноправными ее членами, они отказывались признавать ее законы и обычаи.

— Мы должны иметь возможность покупать землю и быть ее собственниками, а не оставаться вечными арендаторами,— требовали поселенцы.

Торжественное единство общины вокруг древних обрядов празднества ямса становилось в моих глазах все более призрачным. Находились новые и новые свидетельства раздирающих род, общину конфликтов.

Появление экспортных культур обогатило отнюдь не все крестьянство лесной зоны. В целом деревня продолжала биться в тисках нищеты.

Жоакэн Эзиа, один из руководителей молодежной организации деревни Бонгуану, рассказывал в своем выступлении перед молодежью:

— В конце уборки, когда счета подведены, крестьянину остается денег только-только на уплату налогов. А когда наступает сезон дождей с его бурями, тщательно переплетенная листва крыши его дома срывается ветром. На сорок восемь деревень, насчитывающих шестьдесят четыре тысячи жителей, приходится всего три настоящего построенных школы.

На фоне этой бедности богатство отдельных крестьянских семей было тем более заметным. Среди хижин, крытых листвой, алюминиевые крыши сельских богачей видны издали. Зажиточные кулацкие дома...

Кулачество рвет пути общинно-родовых отношений с тем большей яростью, чем сильнее ощущает их поме-

жу на пути к обогащению. Один из первых ударов был нанесен по традиционному разделению труда в сельском хозяйстве между мужчинами и женщинами.

В Абиджане служащий министерства сельского хозяйства говорил мне:

— Вас интересует, много ли крестьян использует наемную рабочую силу? Да, в зоне леса в каждом крупном хозяйстве нанимают рабочих, когда недостает женских рук.

— Почему именно женских?

— У многих племен уход за плантациями — дело женщин. Мужчины расчищают участки, тогда как за деревьями смотрят женщины. Это традиция, обычай.

— Этот обычай продолжает сохраняться?

— В ряде районов. Но, конечно, появление сезонных рабочих ведет к его отмиранию.

Наем батраков кулаками ныне повсеместен. Каково значение этого явления? Друзья мне объяснили, что старое разделение труда закрепляло власть родовых старейшин и вождей, как правило, имевших много жен, иначе говоря, много рабочих рук для обработки своих плантаций. С появлением наемной рабочей силы сельская буржуазия получила возможность соперничать с традиционной аристократией и размерами своих насаждений, и своими доходами.

МАСКИ ПОКИДАЮТ ДЕРЕВНИ

Найти национальный музей в Абиджане оказалось не простым делом. Я долго бродил по тихим, зеленым улочкам Плато, прежде чем разыскал скромное здание, в котором расположен музей. Здесь же рядом находится Центр гуманитарных исследований и библиотека. В тени у своих примитивных станков работали ткачи. Средних лет скульптор-африканец резал из куска дерева небольшую статуэтку.

— При музее работают несколько резчиков по дереву, — объяснил мне позднее один из музейных сотрудников. — Это очень способные люди, и мы время от времени получаем для них скромные заказы. На жизнь они зарабатывают...

В музейном зале царила присущая, наверное, всем

музеям мира особенная атмосфера, складывающаяся из тишины, легкой торжественности и полумрака. Зал был невелик и явно тесен для собранной здесь коллекции. Как мне рассказали, за неимением места, свыше двадцати тысяч экспонатов остаются в хранилищах.

Экспонат — скучное, мертвое слово. Оно тем более невыразительно, когда речь идет о произведениях народного творчества — масках, деревянных статуэтках, украшенных тонким узором дверях крестьянских хижин, старинных изделиях из бронзы. В каждую из этих вещей вложены не один талант, что уже много, а и философия, мудрость, накопленная народом за века.

Интересны собранные музеем орудия труда, оружие, музыкальные инструменты. По богатству своей коллекции абиджанский музей может смело соперничать с двумя лучшими музеями Западной Африки — дакарским и лагосским.

Особенно заинтересовали меня гирьки для взвешивания золотого песка. Они не имели ничего общего с привычными для нас стандартными магазинными чушками из чугуна. Это был странный набор бронзовых фигурок, представлявших или сказочных птиц и зверей, или совершенно реальные предметы повседневного обихода вроде ножей, топоров, барабанов. Некоторые из гирек изображали житейские сценки — мать, кормящую ребенка, возвращающегося с охоты крестьянина, жертвоприношение. Другие были украшены сложным геометрическим орнаментом.

В Гане до сравнительно недавнего времени сходные гирьки применялись ашантийцами. На Береге Слоновой Кости их знали бауле, ании, аброн и некоторые другие племена акан. Еще сегодня можно встретить мастеров, умеющих выплавлять эти своеобразные гирьки в глиняных, заполненных воском формочках. В семьях вождей, во многих крестьянских домах часто хранятся большие наборы этих гирек. Но, конечно, не для возможного использования, а в качестве реликвий.

По общему мнению, самыми старыми из существующих гирек являются те, что украшены геометрическим орнаментом: спиралями, ромбами, свастикой. Впрочем, этот орнамент очень богат и не ограничивается только этими знаками. Самое интересное здесь то, что каждая из геометрических фигурок имела свое значение, выра-

жала часто сложную и глубокую мысль. Это значение для некоторых знаков удалось восстановить с помощью орнамента, которым ашантийцы украшают свои ткани. Знаки на гирьках и тканях иногда повторяются, а «текстильщики» еще не забыли значений этих символов так же основательно, как «литейщики».

В сущности, геометрические символы на кусочках золотистой бронзы были своего рода иероглифами, так и не слившимися в стройную систему письменности. Постепенно их понимание в народе забылось, но не забылась традиция создавать гирьки со «смыслом». Среди сравнительно новых широко известны гирьки-пословицы, где каждая фигурка воплощает одно из народных изречений.

Эти фигурки столь разнообразны, что трудно представить их в роли мер веса. Однако и ашантийцы Ганы, и бауле Берега Слоновой Кости знали точный вес каждого кусочка бронзы, и, если после выплавки он оказывался слишком легким, для веса к нему наплавлился свинец. Напротив, когда гирька была тяжелее нормы, ее подтачивали. Для вождей мастера делали разновесы, всегда превышавшие норму.

Когда появились бронзовые гирьки у народов акаа, как они возникли — пока эти вопросы остаются без ответа. Ни археологические поиски, ни изучение местных преданий не прояснили этой загадки. Африка богата нераскрытыми тайнами.

Среди музейных коллекций нельзя не заметить нескольких замечательно украшенных крестьянских дверей. Они выполнены резчиками по дереву из племен бауле и сенуфо. Как и гирьки, подобные двери стали большой редкостью в современной деревне. Слишком много труда нужно посвятить их изготовлению, а труд теперь дорог и, главное, измеряется не красотой выполненных изделий, а денежной выручкой.

Своим стилем, да и выбранными сюжетами двери сенуфо и бауле во многом сходны. Это своеобразные панно то со сказочным, то с вполне реальным сюжетом. Иногда они разбиты резчиком на горизонтальные ряды с отдельной темой для каждого ряда. В других случаях один рисунок покрывает всю плоскость двери. У резчиков

Деталь барельефа на здании мэрии

сенуфо часто появляется изображение птицы калао, крокодила. Бауле выбирают другие мотивы. Но какой бы ни была избранная тема, она всегда занимает важное место в мифологии племени.

Любопытна композиция размещения отдельных фигур на доске двери. Местные мастера развертывают изображение, стремясь к определенной цельности, законченности впечатления. Появление среди рисунков различных образов можно объяснить, лишь хорошо зная местные предания, но в том, что касается композиции, художники подчиняются врожденному чувству ритма и традициям орнамента, когда место каждого образа предопределено заранее чуть ли не с математической точностью. Так, в народной вышивке каждая деталь орнамента рождается из предыдущей.

Эта художественная особенность местной резьбы по дереву получила совершенно неожиданное развитие в архитектуре современного Абиджана. На бульваре Антонетти в центре города находится здание мэрии. Фасадная стена этого здания украшена громадным барельефом, на

котором изображены различные сцены из народной жизни. Казалось бы, нелепо сравнивать небольшие, почерневшие от времени двери крестьянских хижин с этим крупным каменным панно. И тем не менее стилистическое сходство поразительно. В ином масштабе, на ином материале французский скульптор умело развил изобразительные традиции деревенских мастеров.

На мой взгляд, эта попытка тем более интересна, что и в самой Африке, и в Европе пролито немало чернил, чтобы окружить африканское народное искусство «ореолом» расовой исключительности. Черты этого искусства, объяснимые условиями жизни африканских народов, объявляются выражением их расового характера. Мастерство, с которым скульптор-француз применил изобразительные средства народных художников, лишний раз подчеркивает фальшь этих утверждений.

Если гирьки для золотого песка уже целиком ушли из жизни в музей, то маски еще живы. Бауле и дан, гуро и бете, сенуфо и дида — большинство народностей и племен Берега Слоновой Кости имеют своеобразнейшие и оригинальнейшие маски. Как вся страна является своего рода продолжением соседних краев, так и особенности народного искусства окрестных областей сталкиваются на Береге Слоновой Кости.

Коллекция масок в абиджанском музее очень богата и содержит подлинные шедевры таланта и мастерства. Но нужно наблюдать маски в жизни — во время празднеств и религиозных шествий, на деревенских гуляниях или в мастерской скульптора. На стене музея выполненный скульптором фантастический или, напротив, реалистический образ остается всего лишь более или менее интересным экспонатом. На лице крестьянина маска преобразуется. Рождается новое существо, внушающее ужас или радость. Оно воплощает силу, которая защищает деревню от враждебных начал.

У многих племен Берега Слоновой Кости изготовление масок является обязанностью или, вернее, привилегией кузнеца. Это крайне интересно, что именно кузнец, делающий все используемые деревней орудия — и мотыгу, и тесаки, и разные ножи, и оружие, занял в крестьянской среде совершенно исключительное положение. Его боятся и уважают. Он окружен ореолом таинственного могущества. Беря в руки сделанные кузнецом орудия,

крестьянин верит, что теперь он не разгневает землю, когда станет мотыжить свое поле, не рассердит духов леса, когда станет рубить дерево.

Племена дан, живущие в пограничных областях Либрии и Берега Слоновой Кости, поручают изготовление масок деревенским скульпторам. Однако и среди них все уважение за созданную маску воздается кузнецу, смастерившему орудия, с помощью которых работал резчик. Обычно маски хранятся в кузне, под крышей, скрытые от посторонних глаз, особенно от глаз женщин. Иногда кузнец имеет право отобрать маску у человека, нарушившего законы ее ношения, например сказавшего посторонним, что он имеет маску.

По всей стране и изготовление и ношение масок — чисто мужское дело. Когда в деревне сенуфо должна появиться маска «коробла», специальный гонец пронзительным перезвоном колокольчика предупреждает об этом женщин. Они не имеют права видеть, как медленно шаг за шагом идет по деревенской улице страшная, укрытая кроваво-красной тканью фигура с распахнутой деревянной пастью, с длинной гривой обезьяны-бабуина. Вид «коробла» опасен для женщин.

У дан существует предание, что в далеком прошлом масками обладали женщины. Они пользовались ими для того, чтобы пугать мужчин и держать их в подчинении. Старик знахарь подсказал мужчинам, как перехитрить женщин. По его совету как-то раз мужчины прибежали в деревню с криком, что в соседнем лесу они нашли очень грибное место. Побросав работу, все женщины ринулись в лес. Тогда мужчины захватили маски и стали хозяевами над женщинами.

Эта наивная и чуть смешная история является, возможно, искаженным эхом, донесшимся из времен матриархата. Определенно одно — с помощью масок мужчины действительно закрепляли свое господствующее положение над женщинами.

Роль масок бесконечно разнообразна. В районе Ман крестьяне племени гере вешают небольшие маски перед входом в хижину, чтобы предохранить свои жилища от враждебных духов. Громадная страшная маска «би», что значит «слон», с движущейся нижней челюстью, в которую обычно вделаны зубы слона, примиряет ссоры между семьями и войны между деревнями. Она появля-

ется в сопровождении свиты на месте ссоры или боя и, подняв руку, требует мира. После этого никто не осмелится взяться за меч.

Конечно, многие из масок, хотя далеко не все, имеют религиозное значение, но главное — их социальная роль. Характерно, что они особенно распространены среди племен, еще не знающих государственности. Там маски следят за соблюдением обычая, за порядком, поддерживают мир и добрососедские отношения. Далеко не каждый получает право их ношения, а только люди, завоевавшие соответствующий авторитет в глазах окружающих. Их власть может быть очень велика, и на конгрессе африканистов в Аккре, в декабре 1962 года, профессор Ханс Химмельхебер рассказывал, что в некоторых районах Берега Слоновой Кости маски отравляют тех, кто отказывается подчиняться их приказам.

Так было, а кое-где и продолжает быть. Но в общем-то маски перекочевывают из деревень в музеи.

В жизни все чаще и чаще древние ритуалы перерождаются в танец или своеобразное театральное представление. Как-то ночью при свете костра мне довелось увидеть в деревне малинке забавную сценку — «обезьяна» ухаживала за девушкой. Лицо танцора было скрыто крупной серой маской, шаржированно воспроизводившей черты собакоголовой обезьяны — кеноцефала. Больше всего меня поразила наблюдательность танцора, сумевшего очень точно скопировать и позу, и движения кеноцефала — его прыжки на полусогнутых задних лапах, повороты чуть опущенной головы, суетливые движения передних лап. Стоящие вокруг зрители — и мужчины, и женщины, и дети заливались смехом, следя за неуклюжими попытками обезьяны завоевать девичью любовь.

Еще и сегодня на Береге Слоновой Кости существуют сотни различных типов масок. Кузнец или резчик изготавливают их с помощью простейших орудий — короткого, похожего на кухонный, ножа и стального рубила. Обычно маски делаются из свежего, только срубленного самим скульптором дерева мягкой породы и поэтому, высыхая, часто трескаются. В ряде случаев скульптор использует, напротив, самые твердые сорта дерева или корня. После нескольких ударов рубилом в куске дерева начинают проступать первые черты маски. Ножом вырезаются глаза, рот. С помощью жестких листьев маска

полируется. Иногда в ее поверхность втирается пальмовое масло, что замедляет высыхание дерева и предохраняет его от растрескивания.

Поразительно, с помощью каких примитивных средств было создано скульптурное богатство Берега Слоновой Кости. А может быть, именно примитивность и широкая доступность этих средств и открыли возможность для воплощения образов, созданных народным воображением?

Когда в конце прошлого века европейцы впервые начали интересоваться африканским искусством, их потрясло его неисчерпаемое стилистическое богатство. Не только скульпторы, но и художники тщательно изучали пластические сокровища Африки. На многих полотнах Пикассо чувствуется влияние его знакомства с африканской скульптурой. Дань искусству «негров» заплатили Матисс, Брак. Это лишь немногие из имен, которые можно было бы привести.

Этот интерес совпал с временем острого кризиса европейского искусства. И в африканском искусстве были подхвачены прежде всего элементы сказочного, фантастического, ужасного. В десятках и сотнях альбомов появились фотографии масок и скульптур одна уродливее, страшней другой. Ошеломленные обыватели только разводили руками, когда маститые критики доказывали им, что это — вершины пластических искусств. Шумливая пропаганда поклонников африканского искусства зачастую создавала искаженную картину истинного положения вещей. В деревнях Берега Слоновой Кости мне не раз бросалась в глаза однобокость многих восторженных статей об африканской скульптуре.

Среди встречающихся здесь масок некоторые действительно изумляют фантастичностью своих форм. У сенуфо существует маска «ваньюго», используемая при совершении религиозных обрядов тайным обществом поро. Описать это хаотическое сочетание звериных и человеческих черт невозможно. Из распахнутой пасти торчат клыки. Два бивня растут из верхней челюсти. От лба к торчащим вверх бивням тянется длинный клюв. На самом лбу распласталась фигура хамелеона. Из-за ушей поднимаются загнутые вперед рога.

По толкованию некоторых этнографов, в этой маске связаны воедино отдельные символы перевозданного хао-

са, о котором рассказывают предания племени. Так или иначе, это поистине кошмарный образ!

Но реалистические устремления народных художников пробивают себе дорогу через мрак религиозных представлений. Больше того, самые прекрасные маски Берега Слоновой Кости выполнены именно в реалистической манере.

В музее Абиджана невольно останавливаешься перед масками племени яуре. Во многом условные, они подкупают изысканной чистотой своего рисунка, своих форм. Линии плавны, мягки. Неведомые деревенские скульпторы, создавая эти маски, добивались не портретного сходства с каким-то прототипом, а воплощали выношенный племенем за столетия идеал красоты.

В народном изобразительном искусстве Берега Слоновой Кости отчетливо сталкиваются две противоположные традиции — реалистического и фантастического изображений. Они сталкиваются в местном искусстве, как в крестьянском сознании сталкиваются трезвые и отчетливые знания об окружающем мире с уродливыми и страшными религиозными видениями.

На Береге Слоновой Кости, в черной тени его лесов и среди голубых просторов саванны, еще жива сказка. Здесь ее царство.

Со сказкой встречаешься в этих местах повсюду. Ожившая сказка — это танец масок. Окружены всеобщим почитанием священные рощи в саванне. Разоткровенничавшийся крестьянин может шепнуть, что его сосед ночью превращается в зверя. Колдуны — добрые или злые волшебники имеют на Береге Слоновой Кости почтовые адреса.

В Европе уже давно сказками интересуются только дети да ученые. В лесной деревне ании послушать сказку собираются все. Горит в центре двора очаг. После знойного дня наступила прохлада, столь приятная для усталого тела. Готовится пища. А тем временем старик рассказчик начинает свое неторопливое повествование.

Какую сказку он вспомнит? Может быть, старик расскажет о хитром пауке Ананзи, часто попадающем в свои собственные ловушки? Или он выберет одну из сказок о непослушной дочери? Замечательны сказки об

охотниках, способных становиться животными, и о животных, превращающихся в людей. Сидя вокруг костра, и стар и млад с нетерпением ждут первого слова. Для детей эта сказка будет веселым уроком. Занятые своим делом женщины будут рады хорошему отдыху. Глубокую мудрость увидят в этой сказке люди опытные и повидавшие мир.

Смех или напряженное молчание сопровождают повествование. Незаметно летит время. Иногда сказку прерывает песня. Свой рассказ старик пересыпает пословицами. Он высмеивает жадность и глупость, самодовольство и бессердечие. Его тон меняется, когда он говорит о великодушии и смелости, о сыновней любви к своим родителям и дружеской взаимопомощи.

Потому и слушаются сказки с таким вниманием, что они не досужий вымысел кого-то одного с богатым воображением. В них и опыт племени, и его жизненная мудрость, и его мораль. Из поколения в поколение сказки «обрастают» мыслью, подобно тому как на дереве с каждым годом один слой прибавляется к другому. Они были школой, которую должен был пройти любой из соплеменников.

Иногда сказка перерастает в действие. Фантастические превращения, о которых рассказывал старый крестьянин у вечернего огня, как бы становятся явью, когда выходят маски. У каждой из них — своя роль, свой «образ», и их шествие перерастает в танец, часто сопровождается песней.

Одни маски воспевают мудрость вождей и смелых воинов, другие своими движениями воспроизводят животных. Временами они разыгрывают вместе с окружающими небольшие сатирические сценки.

У племен дан среди этих «играющих» масок выделяется маска «кагле», представляющая проказливую обезьяну. В сказках дан встречается этот же образ.

В этом же племени существует маска-математик «нгеди». В танце маска бросается на землю и, катаясь, заставляет окружающих упражняться в счете. Сначала она задает простые вопросы: «Сколько лап у двух куриц?» Поблагодарив ответившего правильно, маска продолжает: «Сколько камней в очагах семи хижин?», «Сколько копыт у пяти коров?» Вопросы становятся сложнее и сложнее.

Барабан, находящийся в другом конце деревни, сопровождает своим ритмом каждое движение маски-математика. Выступление масок — это уже зарождение театра. Скрытый за маской крестьянин стремится своим поведением перед односельчанами сделать живым образ, который представляет его маска. От его артистического таланта зависит убедительность этой попытки.

Когда-то маски существовали, вероятно, у всех народов мира. В Японии и Китае классический театр развивался из древних традиций, связанных с применением народом масок. Знали о них греки и финикийцы. Но как сложится судьба маски в Африке? Исчезнет ли она, как в Европе, или расцветет в великое искусство, как на Дальнем Востоке?

На Береге Слоновой Кости мне не раз приходилось присутствовать среди интеллигенции при спорах вокруг этих вопросов. Многие ждут в стране от создаваемого правительством театра.

— Театр масок, — говорили мне, — возможен лишь как театр больших художественных обобщений, театр типов. Неизбежна его условность. Вместе с тем жизнь разворачивается в столь острые ситуации, создает столь яркие характеры, что будущему драматургу будет сравнительно легко найти материал для своих произведений. Наши резчики по дереву без труда воплотят созданные писателем типы в дереве. Так народная артистическая традиция может быть продолжена.

Строго говоря, сейчас различные виды искусства соединены в народном творчестве страны в нераздельное целое. Музыка и поэзия, театр и танец, сказка и даже скульптура тесно переплетены между собой, в разных формах выражая понимание народом окружающего мира. Эта художественность, образность воплощения народной мысли придает ей яркость, особую колоритность.

И в местных пословицах иногда очень глубокие и отвлеченные идеи воплощаются в конкретной, образной форме. Мысли, выраженные в народном искусстве, в пословицах приобретают афористическую законченность. Одни из пословиц забавны, другие серьезны, но в каждую заложено тонкое наблюдение.

Например, желая передать мысль русской пословицы «тише едешь — дальше будешь», на Береге Слоновой Кости говорят: «лишь подкрадываясь потихоньку, мож-

но ухватить обезьяну за хвост». О слепой неосторожности сказано в пословице «ищущая гибели птица вьет гнездо на обочине дороги». О беззаботности с горьким юмором говорит пословица «кому некогда лечиться, хватит времени помирать». К сожалению, в переводе пропадают музыкальность и лаконизм этих народных изречений.

Едва ли не самое интересное в пословицах Берега Слоновой Кости заключается в том, что, собранные вместе, они представляют подлинный свод народной философии. С этой точки зрения еще никто их не изучал, а жаль. Европейские социологи рассматривают мировоззрение народов страны главным образом на материале религиозном и, конечно, приходят к выводу, что это мировоззрение мистично в своей основе. Проще было бы прямо сказать, что религия религиозна, не утруждая себя многотрудными изысканиями. Даже самое беглое знакомство с пословицами разных народов Берега Слоновой Кости опровергает утверждение о якобы мистическом характере их мировоззрения. Напротив, пословицы с присутствием им красноречием и силой говорят о весьма разумном взгляде на окружающее, о стихийно материалистическом отношении к жизни своих авторов — народа.

Богатство народного искусства страны поистине неопределимо. На этой благодатной почве могли бы вырасти и своеобразная скульптура, и новый театр, и оригинальная поэзия, и необычная музыка. В народном искусстве края синтезируется культура, сложившаяся в самых различных районах Западной Африки. Если это богатство лежит втуне, то причина — в долголетнем колониальном порабощении страны.

Даже богатая и плодотворная французская культура в колониях словно меняла свое лицо. Здесь ее представляли дешевые полицейские романы, скверные эстрадные оркестры, желтая пресса.

Молодому африканцу было не так-то легко пробиться через этот барьер пошлости. И тем не менее движение от легенд к литературе, становление современного искусства происходило на Береге Слоновой Кости.

Амон д'Аби сохранил воспоминание о небольшом эпизоде, сыгравшем, однако, определенную роль в становлении национального театра. Он рассказывает, что как-то раз в 1932 году, когда ученики бинжервильской школы собрались в столовой, их решили развлечь двое

школьников младших классов. Один из них, Эдуард Ака Блиэ, переоделся в полицейского. С помощью накинутаго на плечи одеяла второй ученик Роберт Аниман превратился в старшину деревни. В течение нескольких минут они разыгрывали сценку — спор из-за размера налога между полицейским и деревенским старшиной.

Директор школы Шарль Беар видел из своего окна весь эпизод и горячо расхвалил ребятшек. Он решил, что отныне каждую среду и субботу вечера будут посвящены подобным импровизациям. Восхищенные ребята немедленно соорудили во дворе некое подобие сцены. И дело пошло. В следующем году школьники уже выступали с короткими импровизированными скетчами перед публикой как Бинжервиля, так и Абиджана.

Вероятно, этот случай не заслуживал бы упоминания, если бы среди участников школьных постановок не оказались создатели первого театра страны. Он назвался «Туземный театр Берега Слоновой Кости» и был образован в 1938 году самим Амоном д'Аби и группой его друзей. За время своего существования с 1938 по 1946 год театр поставил свыше пятнадцати пьес.

Инициаторы театра провозгласили его целью рассказ об африканце — об африканце, оказавшемся под влиянием западной цивилизации или еще живущем согласно законам и обычаям предков. После некоторых колебаний они решили отказаться от импровизаций, а ставить пьесы, написанные на местные темы. Языком театра стал французский, как понятный большинству зрителей. В театральной труппе участвовали только мужчины, которыми исполнялись и женские роли.

Одной из первых постановок молодой труппы была «Легенда о Сундьята Кейта». Эта пьеса, написанная группой студентов школы имени Вильям-Понти в Дакаре, рассказывала о подвигах великого полководца и государственного деятеля средневековой Африки, основателя империи Мали. Она привлекла постановщиков своим ярким патриотическим чувством. К тому же пьеса помогала определиться творческому лицу труппы, как выразительницы растущего в народе протеста против колониальной действительности.

Сын крестьянина бауле Кофи Гадо становится ведущим драматургом театра. Уже во время войны он выступил с пьесой под названием «Рекруты господина Мори-

са». Ее тема — принудительный труд африканских крестьян в европейских хозяйствах. Автор рассказывает об отдельных людях, которых силой забирали работать на европейцев. Перед зрителем проходят единственный сын умирающей матери, юноша, женившийся накануне набора, мужчина, бывший опорой многочисленной семьи. В пьесе изображен тяжелый труд на плантациях, произвол надсмотрщиков, переносимые крестьянами лишения. В сущности, пьеса Кофи Гадо была первым в литературе Берега Слоновой Кости выражением протеста против принудительного труда.

Губернатор колонии, опасаясь взрывов возмущения среди населения, запретил ставить «Рекрутов господина Мориса». Пьеса увидела свет только в 1943 году, когда вишистский губернатор был заменен более либеральным чиновником. Она была показана под новым названием «Песнь возвращения». Театром ставились также пьесы на моральные темы. С большим успехом прошла сатирическая комедия того же Кофи Гадо «Наши жены». Труппа показывала зрителю своеобразные исторические хроники из жизни страны, написанные Амоном д'Аби. Театр часто выезжал из Абиджана в глубь страны, выступая перед зрителями Агбовиля, Буаке, Абуассо, Гран-Басама и многих других городов страны.

С театром связаны были и первые шаги крупнейшего писателя Берега Слоновой Кости Бернара Дады. Еще будучи в школе имени Вильям-Понти, молодой студент написал пьесу с историческим сюжетом «Освящение Асьемана». Любительская труппа школы немедленно включила эту пьесу в свой репертуар.

Перу Бернара Дады принадлежат многочисленные стихотворения, в которых он заявляет о своем человеческом достоинстве африканца, громко выражает свой протест против колониальных порядков. В последнем романе, «Африканец в Париже», Бернар Дады остроумно описывает конфликты, возникающие между молодым африканским писателем и окружающим его «белым» обществом. Свой талант Бернар Дады посвятил раскрытию присущего африканскому обществу гуманизма, богатства и одухотворенности традиционной культуры Африки.

По приезде в Абиджан я узнал, что Бернара Дады можно видеть в Управлении искусства и культуры, куда

он был назначен директором. С трудом мне удалось разыскать небольшой светлый дом, где находилось управление. Там шел ремонт, и я было потерял надежду найти Дадье, когда заметил у входа невысокого мужчину в рабочей одежде цвета хаки. Не может ли он сказать, где встретить директора, обратился я к нему.

Улыбнувшись, мужчина ответил: «Это я».

Здесь, прямо на ступенях, мы разговорились. Писатель рассказывал о своей работе, планах. Новый пост обеспечивал его материально, но требовал довольно много времени. К тому же часто приходилось выезжать за границу на различные семинары, конференции. Его приглашали в США, Италию.

— Очень бы хотелось повидать Советский Союз, — признался Дадье. — Ведь опыт вашей страны так много значит для Африки.

Его полное лицо с умными темными глазами часто озарялось широкой улыбкой. Он интересно, остроумно говорил. К сожалению, его время было ограничено, а я на следующий день уезжал из Абиджана и не мог воспользоваться дружеским приглашением встретиться у него дома.

В разговоре Дадье упомянул имя молодого писателя Аке Лоба. О нем мне уже приходилось слышать. Недавно он выпустил свой первый роман «Кокумбо, африканский студент», и эта книга встретила горячий прием. В ней много горечи, боли. Этот рассказ об африканце среди «белых», не понимающих и презирающих его, трудно читать без волнения.

К сожалению, мне не удалось встретить писателя, бывшего в отъезде.

Творчество Бернара Дадье и Аке Лоба представляет интересное литературное явление. И все же в целом литература страны, в особенности проза, много беднее ее фольклора. Это характерно не для одного Берега Слоновой Кости. За исключением, пожалуй, Сенегала с его плеядой даровитых поэтов и прозаиков и Камеруна, все страны, возникшие на развалинах французской колониальной империи в Западной Африке, находятся в аналогичном положении. Проза развивается медленно.

Редактор дакарского иллюстрированного журнала «Бинго» Полэн Жоакэн, задумавшись над этим явлением, выдвинул следующее объяснение: «Африка —

страна поэзии по преимуществу». По его мнению, молодой африканец рождается наделенный даром поэзии, а поэзия — «это превосходное средство выражения для африканца, чьи чувства находятся на кончике языка и который стремится донести до вершин вселенной свои страдания». Мысль, может быть, и поэтичная, но ее серьезность — на обычном уровне иллюстрированных журналов. Причины много сложнее. Они — и в уровне народной грамотности, и в трудности напечататься, и в условиях идеологической борьбы.

Грамотность... На Береге Слоновой Кости и сегодня существуют районы, где лишь единицы умеют читать и писать. Талант остальных не может пробиться в большую литературу, а продолжает выражаться в фольклоре. Сколько дарований пропало и пропадет бесследно? На этот вопрос никогда не будет найдено ответа.

По сей день в Западной Африке литература существует почти исключительно на языках колонизаторов — английском, португальском, французском. Эту литературу способны читать немногие, она остается недоступной для большинства населения. Нам трудно себе представить крупное прозаическое произведение, которое автор написал бы на чужом для себя языке. Если все-таки повести и романы африканцев на французском или английском появляются, то это явление исключительное.

Да и где на Береге Слоновой Кости может напечататься начинающий автор? В стране нет типографий, способных набрать сколько-нибудь крупную повесть. Единственный выход — парижские издательства. Не приходится говорить, что только редчайшим счастливицам удастся получить признание в Париже. Следование европейским вкусам и модам, рассчитанный на угождение этим вкусам экзотизм — вот тяжелая плата африканского писателя за успех у европейских издателей.

Многие талантливые художники слова Западной Африки рассматривают свое творчество как оружие в борьбе против колониализма, за национальную независимость, а в литературном арсенале поэзия доступнее прозы. Стихотворение «оперативнее» крупного прозаического произведения, его легче опубликовать в газете либо журнале, оно быстрее дойдет до читателя.

...И вот снова дорога. Моросит дождь, и лесные деревни словно вымерли. Холодно, люди ждут солнца.

ОГНЕННЫЕ ИЕРОГЛИФЫ

Была ночь, когда самолет поднялся в воздух. Ни земли, ни неба различить было невозможно в окружающей густой черноте. Лишь где-то далеко внизу резко вырисовывались причудливо переплетавшиеся кроваво-красные линии.

На мой недоуменный вопрос сосед по кабине равнодушно заметил:

— Саванна горит...

Мы пролетели Берег Слоновой Кости, пересекли всю Республику Верхняя Вольта, скоро должна была показаться столица Нигера, а чьи-то руки продолжали перекручивать по темной ночной земле огненные нити фантастического кружева. Незабываемое, страшное зрелище...

По черной земле бесконечной сверкающей вязью была выписана история борьбы африканца за хлеб, за клочок свободного от саванны поля. Эти пожары ученые связывают с господством в земледелии подсечно-огневого метода, в далеком прошлом распространенного и в Европе. Для меня это было нечто вроде «предисловия» к тому, что предстояло увидеть в Республике Нигер.

Первое утро в незнакомой стране всегда полно нетерпеливого ожидания. Где-то в глубине души веришь, что именно этим утром встретишь нечто совершенно необычное. Немножко детское это предчувствие редко сбывается. Однако свое первое утро в Ниамее я долго не забуду.

Раньше я видел реку Нигер к югу от ее слияния с голубой Бенуэ. Расшвырнув поворотом могучих волн ска-

листые холмы, она прокладывала последние километры пути к океану. Еще не оправившиеся от схватки с великаном гранитные скалы понурыми горами лежат вдоль речных берегов. Кое-где они заросли лесом, а кое-где ветер вытаскивает из них причудливые фигуры богов и героев местного эпоса.

Величествен Нигер в своей излучине, где вот уже много веков он воюет с Сахарой. Пески со всех сторон окружают реку, но, сотнями заводей и каналов обходя врага, Нигер оживает среди песков зелеными просторами рисовых и сорговых полей. У Томбукту Нигер глубоко врезается в пустыню, и лишь в Бурема, пройдя еще несколько десятков километров, решается он отступить, повернуть к югу.

Но нигде Нигер не прекрасен так, как у Ниамея.

С балкона моей комнаты открывалась широкая панорама: полотно реки, желтовато-серая саванна с плоскими холмами у горизонта, город, еле видный за кронами мимоз и акаций. Ветер дул с северо-востока, и над городом, рекой и саванной висело золотистое облако тонкой пыли. Ослепительное солнце тяжело поднималось над холмами.

Это был суровый пейзаж. Все крупно, значительно. В спокойном течении реки, в просторе саванны, в бескрайней широте неба было что-то эпическое, мужественное. Природа в этих краях сурова к человеку. Однако в людях здесь, должно быть, заключена еще большая сила, они должны обладать еще большей мощью, чем природа.

По пыльной дороге, проходившей мимо гостиницы, я спустился к реке. Прямо передо мной была переправа, где несколько грузовиков и десятка полтора пассажиров ждали паром. У длинных и узких пирог, чуть в стороне, трудились рыбаки. Рядом с ними стояли женщины. Их пестро раскрашенные лица напоминали маски.

Я долго стоял у переправы. Подошел паром, к нему с шумом метнулись люди, загудели автомашины. Куда вел этот путь?

Для большинства здесь был рубеж, граница, отделяющая родные деревни, где все было знакомо — и древние боги, и обычаи предков, и каждый клочок земли, — от широкого, незнакомого и, может быть, враждебного мира. От этого рубежа долгий путь вел на кофейные и

банановые плантации Берега Слоновой Кости или на рудники и плантации Ганы. Сотни тысяч людей прошли этим путем.

Многие навсегда оставались на побережье океана, а те, кто приходил назад, приносили несколько кусков ткани в подарок родным и друзьям. Вернувшись, они не вспоминали о вынесенных унижениях, забывали о тяжести пройденной дороги и нелегком труде — это было и в родных деревнях; вечерами у семейных очагов они часами говорили о богатствах приморских городов, где люди живут в «поставленных один на другой домах»; о заработках, о красоте тамошних женщин. И когда в сентябре кончались полевые работы, новые тысячи молодых парней, подвязав к поясу тыкву — флягу с водой из деревенского колодца, переправлялись через Нигер в поисках удачи...

ЗЕМЛЯ ПРИОБРЕТАЕТ ЦЕНУ

Американский журналист Джон Гантер, объехав десяток африканских стран, изложил свои наблюдения «с птичьего полета» в громадном, больше чем на девятьсот страниц томе «Африка изнутри». Республике Нигер он посвящает ровно восемь строк. Право, было бы лучше, если бы он не написал об этой стране ни слова.

По своей территории республика в два с половиной раза больше Франции, а ее население чуть ли не в двадцать раз меньше. На севере страна начинается где-то у песков Алжира и Ливии, а на юге имеет общую границу с Нигерией и Дагомеей. Верхняя Вольта и Мали прижимают к территории республики с запада, Республика Чад является ее восточным соседом. В зоне пустыни и сахеля — полупустыни — бродят кочевые племена скотоводов — туареги, фульбе, теда. Саванну заселяют земледельцы хауса, канури, сонгаи, джерма, много мелких племен. Многоязыкая, многонациональная страна, и восемью строками Гантера немислимо удовлетворить интерес, который она вызывает.

Как началось для меня открытие Нигера?

Через несколько дней после приезда в Ниамей состоялся большой праздник. Караваны стекались к столице

со всех уголков республики. На громадных белых дромадерах — одnogорбых верблюдах — въезжали в город туареги, с лицами, затаенными блестящими синими покрывалами. Медленно тянулась через столицу кавалерия фульбе, полтораста лет назад покорившая в священной войне — джихаде — страну земледельцев и язычников хауса и канури. Трубя в многометровые бронзовые трубы, мчались всадники в кожаных доспехах с притороченными к седлу щитами из гиппопотамьей кожи.

Мне вспомнилось, как когда-то я восторгался описаниями ловкости австралийских туземцев — охотников за страусами. Они приближались к осторожным птицам чуть ли не вплотную, замаскировавшись их оперением и тщательно подражая их движениям. На ниамейском празднике я видел охотников племени гурманче, мало чем отличавшихся от ловких австралийцев.

К головам охотников были прикреплены вырезанные из дерева головки и тонкие шеи королевского журавля. Охотники шагали, низко нагнувшись, деревянные шеи ритмично покачивались — словно шла цепочка живых королевских журавлей, редкой и осторожной птицы.

Стоявший рядом со мной французский журналист ежесекундно щелкал фотоаппаратом.

— Потрясающе! — восклицал он, делая снимок. И снова произносил: — Изумительно!

Но и самые восторженные возгласы не могут передать великолепие зрелища и его — иначе не скажешь — удивительности. Ведь перед нашими глазами разыгрывались не «живые картинки» из быта давно исчезнувших народов, а мы знали, что по городской площади проходили самые настоящие отряды султана Зиндера, верблюжья кавалерия аменокалов — верховных вождей туарегов Сахары, копейщики вождей джерма.

Вечером в ресторане я с недоверием вглядывался в сидящих вокруг меня людей в европейских костюмах; после виденного днем и эти люди, и сам ресторан начали представляться мне чем-то нереальным и почти недостоверным на берегах великой, таинственной реки.

Этот праздничный день, вся красочность туарежской кавалерии, пестрота украшений были лишь лицевой стороной отсталости страны, ее бедности, значительной даже по африканским стандартам. Три ремесленных училища, где учится меньше двухсот человек, ни одного

сколько-нибудь значительного промышленного предприятия, ни одной железной дороги...

Пожалуй, нигде в Западной Африке не видишь так отчетливо, как здесь, каким мощным барьером на пути развития африканских народов был колониализм. В Дакаре мощь порта, небоскребы центра все же отчасти маскируют нищету жестоко эксплуатировавшегося сенегальского крестьянства. В Нигерии колониализмом была создана хотя бы сеть железных и шоссейных дорог (по которым вывозились богатства страны), есть кое-какие промышленные предприятия, рудники. Здесь же колонизаторы оставили после себя несколько военных баз, масовую нищету, повальную неграмотность. И только.

Когда едешь по дорогам Нигера, страна кажется бескрайней. Изредка путь может перебежать стадо жираф или антилоп. Ночами слышны вопли гиен, а охотники в придорожных деревнях знают повадки льва. Порывы ветра перегоняют по земле пепел, оставшийся после степных пожаров.

Деревни редки. Они окружены полями сорго или земляного ореха. В этих деревнях в круглых и квадратных, соломенных и глинобитных хижинах живут девять десятых населения страны. Именно эти люди, крестьяне-земледельцы и кочевники-скотоводы, заплатили самую тяжелую дань колониализму. Полуодетые, измученные, серые от пепла, устилающего их поля, они были на другом полюсе мира красочных копейщиков и всадников в снежно-белых тюрбанах. Они же и сердце этого мира.

Чтобы хорошо узнать жизнь этих людей, нужны годы

Многие из европейцев, кого мне приводилось встречать здесь, говорили:

— Они счастливы. Конечно, они живут бедно, но ведь им почти ничего и не требуется.

Те, кто умнее, доказывали ту же мысль иначе:

— Посмотрите, как жизнерадостны их танцы, как расцветает ярким узором все, к чему прикасаются их руки! Разве несчастный, подавленный жизнью человек может породить столь жизнелюбивое искусство?

И потом впивались в мои глаза взглядом, ожидающим согласия с этим «сокрушительным» аргументом.

Талант народа... Вот тесный и безжалостно солнечный базар города Агадеса в Сахаре. В темных лавчках, прижавшихся к стенам домов, сидят окруженные

грудой товаров чернолицые торговцы. Они продают и серые плиты каменной соли, и длинные стальные колья с бронзовой насечкой, и сделанные местными мастерами тяжелые, серебряные, со стреловидными концами кресты — любимое украшение модниц пустыни. Медленно, молчаливо выбирают товар и долго, упорно торгуются туареги. Со стороны трудно понять, почему с такой внимательной тщательностью они перебирают седельные мешки, кожаные подушки, сбрую, — столь красиво, столь добротнo все, что предлагает лебезящий торговец. Наверное, они видят что-то незаметное для чужого, не так наметанного глаза.

Действительно, красиво все, что создается нигерским ремесленником. Может быть, потому, что каждая линия орнамента, выбираемого ткачом для покрывала, каждый узор, которым горшечница украшает глиняные кувшины и миски, прошли многовековое испытание народного искусства.

Но счастливы ли здесь люди, правы ли те, кто упрямо уверял меня: «Этим людям мало нужно»?

Все лучшее, что производит земля нигерской саванны и руки нигерских ремесленников, собрано на рынке Зиндера, прежней столицы страны и крупнейшего торгового центра недалеко от границы с Нигерией. Плетенные руками женщин пестрые овальные циновки расстелены прямо по рыночной пыли. Целый ряд образуют торговцы калексами — ярко расписанной геометрическим узором африканской посудой из местной тыквы. Пряный запах мяты, каких-то неведомых специй и трав окружает лотки торговки зеленью. Но главное богатство рынка — земляной орех, фиолетовые, розовые и буро-красные груды которого вывалены на утрамбованные площадки.

Вокруг этих груд постоянно крутятся какие-то люди. В белых и синих пышных «бубу» они напоминают птиц, слетевшихся на падаль. Я познакомился с одним из этих людей.

Меня поразила жестокость его желтого, запавшего лица с узкими шелками холодных умных глаз. Разговаривая, он улыбался настороженно и льстиво. Потом мне шепнули, что этот человек сделал состояние, продавая рабов и рабынь в гаремы владык Аравийского полуострова. Теперь он торгует только арахисом, сбывая в соседнюю Нигерию три-четыре тысячи тонн ежегодно.

Крестьянин сонгаи. От него зависит процветание страны

Земляной орех — сравнительно недавний пришелец на полях крестьян. В 1945 году зона саванны продала всего девять тысяч тонн арахиса, а в 1957 году урожай составил больше двухсот тысяч тонн. Чем объяснить стремительность распространения этой культуры по саванне? Арахис нашел спрос на мировом рынке, и крестьяне вкладывали в его разведение всю свою надежду как-то повысить свой жизненный уровень.

В Зиндере пышное изобилие свезенных сюда со всех концов саванны товаров ослепляет. Здесь легко предста-

вить себе возможности края, но трудно увидеть, как они реализуются. Лишь в Ниамее мне удастся отчасти выяснить, сбылись ли чаяния, связанные крестьянином с земляным орехом, что за проблемы стоят ныне перед нигерской деревней.

Вопрос номер один — как осуществить модернизацию сельского хозяйства. Сейчас оно находится в тупике, и возможности, заложенные в традиционных формах земледелия, почти полностью исчерпали себя. Не зная удобрений, не применяя тяглового скота, плугов, крестьянин собирает урожай с участка, плодородие которого он не может повысить и который он может расширить с помощью сил своих и своей семьи лишь в самой незначительной мере. Ведь производительность его основного орудия — мотыги — невелика, количество рабочих рук ограничено и рабочий день не беспределен.

Напрягая все свои силы, крестьянин пытается увеличить посевы. Мне вспоминались огненные линии, виденные с самолета. Их значение мне стало понятнее, когда я увидал поля сорго в саванне вокруг Тиллабери, посадки арахиса и миля в окрестностях Досо. Почерневшие от пламени стволы деревьев, торчавшие среди полей, стоят немymi свидетелями тщетных, но упорных попыток крестьянина вырваться из-под многовекового гнета нищеты.

С кем бы я ни разговаривал — с лесничим или агрономом, администратором или стариком крестьянином, каждый подчеркивал губительность пожаров саванны для земледелия. Причин приводилось много — и изменение климата, и усиление эрозии почв. В своих предложениях правительству, внесенных при составлении трехлетнего плана экономического и социального развития республики, коменданты округов в один голос требуют решительной борьбы с пожарами саванны. При этом все понимают, что призывами не зальешь ползущего по земле пламени. Только смелая модернизация земледелия может остановить опасный огонь.

О том, в состоянии ли нигерское крестьянство само справиться с делом полной перестройки своего хозяйства, говорит сухое свидетельство важнейшего экономического документа республики — трехлетнего плана ее экономического и социального развития. В плане указывается, что из денежных доходов крестьянства примерно

две пятых поступает в казну. А дальше говорится, что африканские семьи практически не имеют денежных накоплений. Где же после этого взять крестьянину средства на приобретение удобрий, скота, инвентаря?

Нет, пока что земляной орех не принес благосостояния нигерской деревне. Напротив, вместе с ним в деревню пришло другое — резко обострились социальные конфликты, с новой силой вспыхнули противоречия между крестьянством и феодальной верхушкой страны.

Дворец султана в Зиндере — это массивное, напоминающее скорее крепость сооружение с большим внутренним двором, с лабиринтом узких проходов, лестниц, многочисленных комнат. Построенное в традиционном хаусанском стиле, оно не лишено грубой выразительности. В странных, непривычных линиях дворца, в его асимметричности заложена сила, невольно привлекающая внимание.

И живущий обычно здесь султан — отнюдь не экспонат своеобразного исторического музея. Его авторитет, его власть, хотя и ограниченные, остаются значительными. И сам султан, и десятки других еще существующих в стране традиционных вождей представляют серьезную, притом реакционную политическую силу.

Раньше феодалы саванны удовлетворялись повинностями, которые по отношению к ним несло население. Но появление арахиса сделало землю источником определенных денежных доходов, и теперь феодалы начали захват общинных владений. Земля приобрела цену, которой не имела раньше, а в результате нигерская деревня постепенно превращается в арену все более острой и напряженной борьбы.

Когда едешь по пыльным дорогам саванны, постепенно попадаешь под очарование ее широких просторов, ее суровой, но бесконечно прекрасной природы. Тишина, великий покой, как кажется, царят здесь. Но как обманчиво это впечатление!

В Республике Нигер тогда существовали две газеты. Одна печаталась на ротаторе, выходила ежедневно и помещала главным образом правительственные сообщения и телеграммы агентства Франс Пресс. Вторая газета — еженедельник, и время от времени там публиковались

обзорные статьи. Общий тираж двух изданий не превышал пяти тысяч.

Нигерцы гордились своими газетами, и это понятно. Они — первые печатные издания независимой страны, зародыш будущей большой прессы.

Но кто слышал голос этих газет и кто обращался к ним со своими мыслями? Они издавались на французском языке, чуждом и незнакомом подавляющему большинству населения. Лишь далекие отголоски будоражащих народ идей попадали на газетные страницы.

Впрочем, и во многих других африканских странах тот, кто желает узнать народные чаяния, лишь понапрасну потеряет время, роясь в газетных подшивках. На шумном деревенском рынке в разговоре с крестьянином, продающим несколько мешков арахиса, или в споре с молодыми парнями в полутемном и прохладном городском баре за немногие часы узнаешь больше о жизни страны, чем за месяцы блужданий среди библиотечных полок.

Многое из того, что ценно в глазах европейцев, не представляет никакого интереса для африканца. И наоборот. Часто европейцы не понимают этого и удивляются, если их речи и поступки оказываются истолкованными ложно. Они легко забывают, что обычно и сами не способны объяснить традиции и обычаи африканцев.

Как делать гарпуны для охоты на бегемота, легкие, хрупкие, с древком, ломающимся, как только острие гарпуна вонзается в тело животного? Какие обряды следует совершить при сооружении лодки, чтобы ее не смог ни расколоть, ни перевернуть разъяренный от ран бегемот? Где искать на реке редкого ламантина — пресноводного сородича тюленей?

Рыбаков сарко не зря называют «хозяевами воды». Они знают все, что можно знать о Нигере, проводя жизнь на его берегах.

Кузнец-джерма знает железо, из которого кует для деревни мотыги и ножи, так же, как рыбак реку. Если он почувствует к встречному доверие, в словах его рассказа проскользнет обида на свое положение: его сторонятся, его труд считается нечистым, ни одна девушка деревни не согласится выйти за него замуж. Но кузнец может и намекнуть на свою тайную, магическую силу, возвышающую его над односельчанами, на знание древних и сугу-

бо секретных способов принести счастье или горе всей деревне.

Он из прези­раемой и внушающей страх касты — «хозяин железа», без которого крестьянин будет беспомощен, а его поля не обработаны. Кузнец мечтает о равенстве, об уважении односельчан.

В деревне крестьяне будут говорить о земле. Они вспомнят о многолетнем споре с соседней деревней. Одни из крестьян с грустью помянут прошлое, те времена, когда старики по справедливости распределяли принадлежащую всей общине землю. Другие, что помоложе, расскажут о своей мечте получить собственный клочок бедной, выдуваемой ветрами земли. И вся деревня взорвется возмущением, вспомнив, что вождь не бросает попыток присвоить себе доверенные ему традицией общинные владения.

Земля, земля... Старики иногда удивляются, почему раньше ее хватало всем, а сейчас она словно сжалась, ссохлась от палящей жары.

Молодежь не помнит тех лет. Она видит, как лучшие поля расхватываются деревенской знатью, вождями, их приближенными, как остается свободной только дорога в изгнание, на побережье.

После многих и долгих бесед с крестьянами, с сельскими учителями, с работающими в деревнях чиновниками было очевидно, что забота крестьян, деревенской молодежи о будущем общинных земель становится характернейшей чертой жизни страны.

Борьба вокруг земли все более четко и резко противопоставляет крестьянство и вождей. В деревнях хауса, канури, джерма, сонгаи растет сопротивление произволу традиционных владык и их подручных. Требование покончить с феодализмом звучит и в городах, где профсоюзы, левое крыло правящей Прогрессивной партии Нигера добиваются от правительства решительных мер, чтобы искоренить пережитки прошлого. Влияние вождей сокращается, несмотря на все их попытки возродить свой былой престиж.

Как-то вечером один из моих друзей пригласил меня совершить прогулку на лодках по Нигеру. Солнце садилось, оставляя на воде длинную серебряную дорожку, по которой и плыли две наши лодки. И вдруг у соседей кто-то сначала робко затянул «Полюшко-поле». Песню

подхватили. Потом все вместе мы спели «Катюшу», потом зазвучала «Широка страна моя родная». Было что-то новое и чрезвычайно волнующее в этих песнях, с Волги долетевших до Нигера.

Когда песни затихали, вспыхивали споры. Говорили о будущем страны, о громадных трудностях ее обновления.

Республика находится в экономической зависимости от бывшей метрополии. Да и не только в экономической. Французские военные базы, французские торговые компании, французские чиновники — это большая сила, рассказывали мои спутники.

— Но главная опора колониализма, — объясняли мне, — феодализм с его страхом перед происходящими в стране изменениями. Поэтому борьба крестьянства за землю, против местных угнетателей направлена и к полному национальному освобождению.

Мы возвращались, когда один из соседей обратился ко мне:

— Вы заметили, как быстро последние дни поднимается вода в Нигере, как быстро заливают она берега?

— Да. Но почему? Ведь дождей не было вот уже несколько месяцев. Сушь страшная.

Мой собеседник улыбнулся:

— Нигер у Ниамея выходит из берегов через четыре-пять месяцев после того, как у его верховий — в Гвинее и Мали пройдут дожди. Нужно время, чтобы вода докатилась сюда.

Тихо, словно боясь нарушить величавый покой реки, он говорил:

— Есть и в характере моего народа что-то общее с характером Нигера. Во многих африканских странах уже прошли грозы национально-освободительной борьбы. И вот наконец и у нас поток народной жизни все шире выходит из привычных берегов.

Он замолк. Бесшумно скользили лодки. Только в прибрежных тростниках журчала медленно прибывавшая вода.

Уже вернувшись из Республики Нигер, я встретил в окрестностях Секонди-Такоради, портового города Ганы, крестьянина-джерма. Узнав, что я недавно был в его

родных местах — небольшом городке Дасо, он стал относиться ко мне чуть ли не как к соотечественнику. В потемневшем от времени бубу, худой, морщинистый, он казался сделанным из ствола обожженного лесным пожаром дерева.

Взмахивая жилистыми руками, крестьянин рассказывал:

— Сначала я пробовал торговать. Поехал в Абиджан. Но товары кончились, деньги пропали.

— А здесь?

— Старейшина деревни дал мне за три фунта клочок земли в лесу. Когда расчищу его, посажу бананы.

Расчистить тропический лес — это мучительно тяжелый труд. Крестьянин показывал страшные мозоли на ладонях — да, он один рубил деревья, кустарники, выжигал заросли и перекапывал землю. Его жена, дети оставались на родине. Почему он сам приехал сюда?

— Ты же видел мою деревню. Земли мало, земля бедная. Здесь я могу заработать кое-что, привезти подарки жене, односельчанам.

Голос крестьянина дрожал от волнения при воспоминании о родных краях. И все-таки он уехал искать удачи на чужбине. Ему нужно немного, но и это немного не найти в родной деревне. Может быть, наступят лучшие времена?..

У ПРЕДГОРИЙ АИРА

В 470 километрах к северу от Зиндера, на пути, идущем от границ Нигерии к побережью Средиземного моря, расположен небольшой городок Агадес. Строительным материалом здесь служила земля, смешанная с водой и высушенная солнцем. Узкие улочки утопают в песке. Только буро-желтый конус мечети — туристской достопримечательности города, сюжета бесчисленных фотографий, снятых в Агадесе, — возвышается над этой грудой превращенной в человеческие жилища земли.

Песок, колючие, ершистые мимозы со скрюченными стволами и голубовато-золотистый силуэт гор на горизонте составляют основные «элементы» открывающегося с выси минарета пейзажа. Аир — так называются далекие горы, царство кочевых туарежских племен и уче-

ных-исследователей, с трудом разбирающих на скалах едва различимые остатки древних рисунков или пытающихся обнаружить новые нефтяные богатства в глубинах Сахары.

Человека, оставшегося в Аире без воды, отделяют от смерти немногие часы страданий. Еще древние римляне, ищущие пути к сердцу Черной Африки, убедились в непреодолимости солнца, зноя и безводных скал, образующих Аир.

Этот край считается слабо развитым даже в слабо развитом Нигере. По редким оазисам недавние рабы «белла» выращивают пшеницу и финиковые пальмы. К юго-востоку от Агадеса кочевники бороро, ветвь фульбе, одного из самых загадочных народов Африки, перегоняют свои стада. Верблюжьи караваны привозят из Блима или Джадо соль, отсюда переправляемую в города и деревни саванны.

Край традиций, древних, но еще стойких обычаев.

В Ниамее я встретился с начальником кабинета министров по делам кочевников и Сахары г-ном Реньо, большим знатоком проблем пустыни. Он долго и откровенно рассказывал мне о положении дел в населенных кочевниками областях.

Чем богат народ в районах, где избыток солнца и недостаток влаги делают почти невозможным земледелие? Скотоводство служит основным занятием населения. В Нигере не знают подлинных размеров своей бедности или своего богатства.

По переписи в стране насчитывается свыше 1 миллиона 800 тысяч голов крупного рогатого скота, а по оценкам, вероятно более близким к действительности, — три с половиной миллиона. По статистическим справочникам в республике имеется свыше двухсот тысяч верблюдов, а примерные подсчеты показывают, что их не меньше трехсот пятидесяти тысяч.

— Определенно другое, — заметил г-н Реньо, — в нынешних условиях сколько-нибудь значительное увеличение поголовья невозможно. Эти условия, — пояснил он, — складываются в своего рода «порочный четырехугольник». Если возрастет количество пастбищ, будет продолжаться чувствоваться недостаток воды. Если будут вырыты новые колодцы, то скажется нехватка рабочих рук. Ведь и сейчас у пастухов едва достаёт сил, чтобы

вручную набрать из колодцев воды для своих, иногда насчитывающих сотни голов стад. Наконец, и для создания новых пастбищ, и для копки новых колодцев, и для привлечения, скажем, наемной силы нужны крупные капиталовложения, которые кочевники не могут сделать сами без резкого увеличения продажи скота, т. е. увеличения поголовья.

Что может сломать этот «порочный четырехугольник», в который заключена жизнь хозяев пустыни — бороро, тубу, туарегов?

Старые владыки страны — колониалисты — предложили свой ответ на этот вопрос. Они создали Совместную организацию сахарских областей (ОСРС).

В ОСРС входили помимо Франции Нигер и Чад. План образования Совместной организации сахарских областей возник в уме Жака Сустеля, крупнейшего французского специалиста по доколумбийской Мексике и одного из лидеров крайне правых. Он видел в ОСРС ловкое средство при небольших расходах выиграть большую игру, накрепко привязать Сахару к экономической колеснице французского колониализма. Жака Сустеля не смущало, что запряженный в эту колесницу конь уже давно начал прихрамывать.

В Нигере ОСРС охватывала громадный район, составляющий не меньше двух третей территории республики. Делегат Нигера в ОСРС г-н Теттен пояснил, что вне пределов Совместной организации остались только земледельческие области. Это подлинное государство в государстве с аккуратно расставленными в важнейших стратегических пунктах французскими военными базами. Если саванна населена хауса, джерма, сонгаи, канури, другими земледельческими народами, то в полупустыне и пустыне зоны ОСРС жуют кочевники. Традиционная в этих местах враждебность кочевников и земледельцев, естественно, не могла быть изжита за один год независимости, и это создает определенную почву для всегда возможных политических авантюр. Вздорная идея превращения Сахары в «независимое государство» еще не умерла среди некоторых ультра.

Тем временем «четырёхугольник» остается непоколебленным. Г-н Теттен сообщил мне, что в 1961 году бюджет ОСРС составил в Нигере 700 миллионов африканских франков, полученных от отчислений с доходов от

продажи добытых в Сахаре нефти и газа. В 1962 году эта сумма возрастет до 750 миллионов франков. Это песчинка, которая исчезнет бесследно в раскаленном песке нигерской пустыни.

Самолет вылетел из Агадеса к вечеру. В последний раз промелькнули внизу плоские крыши агадесских домов, и вот остались позади узкие улочки с бегающими среди пыли пугливыми козами и флегматичными, равнодушными ко всему, кроме колючки, ослами. За песчаным туманом исчезла пока единственная в округе палаточная школа для детей кочевников. И, задумываясь в эту минуту над всем увиденным здесь, нельзя было не сделать вывода — колониалистский «ответ» на проблемы края фальшив в самой своей сущности.

ГОЛОСА НАД РЕКОЙ

Самолет приземлился на аэродроме Ниамея поздней ночью, и как только стюардесса открыла дверь, в машину хлынул поток ледяного воздуха. После агадесского зноя он казался совершенно непереносимым. Стуча зубами, пассажиры бежали к зданию аэропорта, надеясь хоть там укрыться от пронизывающего до костей ветра. Тщетно. Только добравшись до гостиницы и выпив крепкого чая, я немного согрелся.

Зимой холода не редкость в этих местах. Ничто не защищает Ниамей от ветров, дующих из Сахары, и когда в пустыне температура приближается к нулю, это сразу же чувствуют на себе и жители нигерской столицы. Еще хорошо, что толстые глинобитные стены их домов за день аккумулируют столько солнечного тепла, что ночные холода им не страшны.

А утром воздух снова горяч и ночное испытание отодвинулось в прошлое. Да и было ли оно, спрашивал я себя через час, задыхаясь от жажды на одной из городских улиц?

Столица Нигера невелика. Если бы не ветвистые пальмы дум да зеленые куртки солдат с французской военной базы, его пыльные улицы, низкие, с плоскими крышами глинобитные дома, высокие глинобитные заборы создавали бы впечатление небольшого среднеазиатского городка начала века. Ниамей славится изобили-

ем ремесленников и их мастерством. 340 горшечниц, 688 ткачей, 245 кузнецов, 108 сапожников, 33 ювелира высоко держат репутацию столицы.

Несколько в стороне от африканских кварталов и торгового центра, в удалении от шумных улиц находятся министерства, едва видные за пышными кронами окружающих деревьев. В этих зданиях — и самоотверженная борьба врачей за здоровье народа, и суеверный страх жены кочевника перед школой, куда отец хочет послать своего сына, волнующие всю страну экономические проблемы и острые конфликты из-за земли в деревне становятся спокойными, сухими документами — отчетами чиновников или правительственными решениями.

В Ниамей тянутся дороги со всех концов страны — из Нгигми, небольшой деревни на берегу озера Чад, и из Блима, затерявшегося в просторах Сахары, из Марадии и Айору, из Досо и Сай. В этом городе туареги с закрытыми блестящей синей тканью лицами сталкиваются с хауса в белоснежных тюрбанах. На рынке женщины сонгаи прицениваются к серебряным талерам австрийской императрицы Марии-Терезии, остающимися в местной моде с XVIII века. Желтолицые бороро пригоняют сюда на продажу свой скот — быков с громадными лирообразными рогами.

Подобно другим столицам мира, Ниамей представляет собой как бы страну в миниатюре. Этот город — своеобразный «фокус» этнических, культурных, социальных и экономических особенностей республики. Не удивительно, что именно здесь легко встретить людей, думающих в «масштабе» всей страны.

Генеральный комиссар по вопросам плана г-н Бейль принял меня в своем служебном кабинете, «украшенном» синьками карт и диаграмм. Разговор с этим умным, много знающим человеком сразу же ввел меня «в курс» стоящих перед страной проблем.

— Раньше изучение Африки шло в плане выяснения, что она может дать Европе. Внедрялись культуры, нужные Европе. Теперь, — говорил г-н Бейль, — мы начинаем изучать, чем Африка может служить самой Африке.

Первый разработанный в стране план, трехлетний план экономического и социального развития, и подчинен главным образом этой цели — выяснить, каковы собственные ресурсы страны, ее возможности. Этот план,

предусматривающий прежде всего исследования и проектирование, должен послужить подготовкой к намечаемой правительством дальнейшей программе завоевания экономической независимости.

В беседе с г-ном Бейлем почти не шло разговора о стоящих перед страной финансовых проблемах, которые в особенности меня интересовали. Ведь в какой-то мере и модернизация сельского хозяйства, и развитие скотоводства, и начало промышленного развития зависели от того, удастся ли правительству найти средства для финансирования своих проектов. Как ознакомление с самим планом, так и новые встречи помогли мне составить общее представление о финансовом положении республики.

Собственные ресурсы страны были очень ограничены. В составлявшем около девяти миллиардов африканских франков государственном бюджете поступления от налогов, таможенных сборов и из других внутренних источников немного превышали три с половиной миллиарда франков, тогда как около пяти с половиной миллиардов получались из-за рубежа в форме кредитов, даров и т. п. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении эта заграничная «помощь» оказывается весьма похожей на фикцию. Сотрудник еженедельника «Насьон франсэз» Жильбер Конт познакомил меня со своей статьей «Разграбление Африки». Хотя и появившаяся на страницах монархической газеты, эта статья своей честностью резко выделялась среди других посвященных Нигеру буржуазной печатью.

Жильбер Конт рассказывает, что захватившие в свои руки монополию компании, вроде «Управления общественных работ и транспорта», «Общества Бенина», торговых домов Видаля и Лупиака, поглощают примерно 25 процентов годового национального бюджета в виде сверхвысоких прибылей. Получая правительственные заказы, подчеркивает Жильбер Конт, они систематически рассчитывают свои проекты таким образом, чтобы обеспечить себе минимально сорокапроцентную прибыль.

В сущности, почти вся финансовая помощь Франции поступала в кассы кучки хозяйничающих в Нигере монополий. Как мне сообщили, в 1959 году из страны было вывезено во Францию 4,2 миллиарда африканских франков, тогда как в страну поступило 5,4 миллиарда. Снова прав Конт; когда пишет: «Это хищничество — надо назы-

вать вещи своими именами — осуществляется как в ущерб африканскому крестьянину, так и налогоплательщику метрополий, налоги которого составляют свыше половины доходов молодого государства».

Как-то раз я встретился с двумя сотрудниками министерства информации. Разговор зашел о будущем — есть ли у Нигера хотя бы небольшой шанс перешагнуть порог отсталости, обеспечить народу быстрые темпы социального, культурного и экономического прогресса. Мои знакомые, молодые и в повседневности жизнерадостные ребята, были настроены пессимистически. Они откровенно не верили, что перелом возможен.

— Мы пленники изоляции, нас давит сама громоздкость нашей территории, — говорил один из них. — Мы так далеки от моря, что западным фирмам невыгодно вкладывать капиталы в нашу экономику. А сами мы бедны, всех наших доходов не хватает, чтобы заасфальтировать хотя бы дорогу от Ниамея до Зиндера.

Его приятель согласно кивал головой.

— Я хочу подчеркнуть еще одно обстоятельство, — заметил он. — Допустим, что дружеские страны нам предоставят средства на самых выгодных условиях. Так мы не сможем их использовать. У нас нет сил даже для этого. Нужны кадры, нужны знания, опыт, которых мы не имеем.

Скажу откровенно, меня потрясли эти настроения. Я не ожидал подобного отчаяния у людей, которые, в сущности, даже не испытали своих сил. Конечно, положение Нигера, как и других африканских стран, находящихся во внутренних районах Африки, трудное. Но я пытался возражать своим знакомым. На мой взгляд, нынешние проблемы во многом вытекают из того обстоятельства, что вся экономика континента привязана к Европе. До тех пор пока межафриканские экономические связи будут иметь лишь второстепенное значение, положение приморских стран, расположенных в начале торговых путей из Африки в Европу, будет оставаться относительно привилегированным.

Вечна ли сложившаяся со времен завоевания континента картина? — спрашивал я своих собеседников. Конечно, нет. Уже разрабатывается проект железных и шоссейных дорог между Северной Африкой и зоной саванны Африканского Запада. По мере развития подоб-

ных связей центральное положение Нигера станет его громадным преимуществом. Может быть, не одному, а вместе с соседними странами, ему удастся тогда сделать реальный рывок вперед.

Не знаю, удалось ли мне разубедить своих знакомых. Со своей стороны я был им благодарен уже за искренность. В африканских странах слишком часто сталкиваешься с парадным, трескучим, глупым оптимизмом, чтобы не ценить людей позволяющих увидеть подлинные настроения правящей верхушки. Позднее я не раз убеждался в силе безверия и даже отчаяния у политических деятелей, стоящих у власти либо близко к власти в иных африканских странах. Очень скоро они забывали обо всем, кроме собственного кармана, и начинали думать исключительно о личном обогащении. Пессимизм и коррупция в Тропической Африке связаны между собой очень тесно.

Наш долгий разговор оставил по себе тяжелый осадок, и поэтому я с радостью согласился, когда группа друзей предложила организовать небольшую экспедицию в окрестности Ниамея. Ее зачинщиком, а потом и гидом был Жан Руш, человек, для которого Нигер стал второй родиной.

Судьба забросила Руша из Франции в эти края в годы второй мировой войны. Вряд ли здесь было много работы для инженера; вероятно, свободного времени у молодого и любознательного француза оставалось более чем достаточно. И он увлекается этнографией. День за днем Руш собирает предания коренного населения страны — сонгаи, изучает их верования, быт, обычаи. Уже после окончания войны он едет в Гану по дороге, которой следуют нигерийские отходники, и пишет о них интереснейшую книгу. В последние годы его захватило киноискусство, и он становится создателем первых научно-документальных фильмов о сонгаи. Фильмы эти сделаны с таким мастерством, что принадлежат не только науке, но и искусству. В Ниамее у Руша есть небольшой, скромно обставленный домик, куда он ежегодно приезжает из Парижа на несколько месяцев.

Целью предложенной Рушем поездки было посмотреть на водопой жирафов. Он потребовал, чтобы мы выехали утром, до восхода солнца. Ему без возражений подчинились, — столь заманчивым казалось зрелище,

Было темно и страшно холодно, когда я вышел из гостиницы. Через минуту меня уже бил озноб, а машина не появлялась. К тому же комаров прохлады не останавливала, и они тучами налетали с реки. В полном отчаянии я бегал по площади перед гостиницей, совершая отчаянные телодвижения, и чтобы согреться, и чтобы как-то распугать раззадоренных моим появлением moskitov. Наверное, со стороны я выглядел на этой совершенно безлюдной площади как человек, охваченный приступом безумия.

Возникший из темноты луч автомобильных фар возвестил о приближении спасителей. Рядом с шофером — улыбающееся знакомое лицо. Руш спросил:

— Не долго ли пришлось ждать?

Но я был слишком обрадован его приездом, чтобы дать волю своим чувствам.

Заехав еще в два-три дома, чтобы захватить остальных участников вылазки, мы тронулись в путь. Город быстро исчез в окружающей темноте. Все молчали, от близкой реки тянуло сырой свежестью.

Шофер гнал. Из ночного мрака в лучах фар неожиданно возникала то фигура крестьянина в широченной соломенной шляпе, медленно трясущегося на осле, то испуганные лица каких-то молодых парней, то цепочка, как всегда, перегруженных верблюдов. Изредка мимо проезжали встречные машины. Видно, в этих местах многие предпочитали передвигаться ночами, чем страдать от дневного зноя.

Километр уходил за километром, и постепенно начало светать. Сначала на востоке, справа от нас, возникла узкая белая полоска. Затем она расширилась, стремительно багровея, и в ее центре появился полукруг солнца. Туман, зацепившийся за придорожные кусты, рассеялся. Еще минута — и солнечные лучи сплошным потоком залили саванну, сверкая в каплях росы на траве и деревьях.

Мы ехали еще очень долго, но жирафы нам так и не встретились. Может быть, они перенесли водопой на другой день или их кто-то предупредил о нашем приезде и они из-за врожденной застенчивости ушли подальше от реки? Не знаю. Еще не потеряв надежды увидеть хотя бы одного жирафа, мы свернули с дороги и поехали прямо по саванне между редко разбросанных деревьев.

Тщетно. Из-под колес машины выскакивали куропатки, разбегались в стороны серенькие цесарки, мимо нас прошагали даже два королевских журавля. Жирафы исчезли.

Поездку можно было бы считать провалившейся, если бы впереди нас не ожидал сюрприз. Колеса по саванне из стороны в сторону, мы выехали на небольшую поляну. В ее центре стояли пять низких, не выше подбородка, круглых шалашей, окруженных кольцом изгороди из сваленных ветвей какого-то колючего кустарника. Обе машины остановились.

Жан Руш объяснил нам, что мы выехали на стойбище белла. Зашелкали фотоаппараты. Несколько вышедших из шалашей женщин и ребятишек, робея, не подходили к нам. Мужчин не было видно.

У африканца иное представление о бедности и богатстве, чем у европейцев. Хижина деревенского вождя мало чем отличается внутри от хижины простого крестьянина — тот же глинобитный пол, несколько деревянных скамей, мотыги и мачете у стены. И тем не менее вождь будет пользоваться среди односельчан репутацией богатого человека.

А как же иначе? У него во дворе вдвое, если не втрое больше корзин с зерном. В сундуке вождя есть тщательно оберегаемый для торжественных церемоний халат, кожаные сапоги, различные украшения. И самое главное — его дом окружен хижинами, где живут жены. Жена — это пара рабочих рук в поле, это новый участок освоенной земли, это несколько дополнительных калемас зерна осенью.

Напротив, бедняк в лучшем случае имеет одну жену, а чаще всего холост. Одинокий мужчина не имеет права на собственный клочок земли и работает или на поле своего отца, либо на старшего брата. В деревне мужчина без собственной семьи — пария, к голосу которого прислушиваются только мальчишки.

Белла, к стойбищу которых мы случайно выехали, были предельно бедны даже по африканским нормам нищеты. В кольце, образуемом сухой колючкой для защиты жилищ от ночных хищников, бегали несколько тощих кур. Ребятишки были совершенно обнаженными, женщины кутались в рваное тряпье. Позднее подошло четверо мужчин. Это были пастухи.

Руш объяснил нам, что белла веками были полурабами, полукрепостными туарегов Сахары. Те поручали пасту им свой скот или сажали на землю выращивать просо и сорго либо пшеницу, когда белла оказывались в оазисах Сахары, где в отличие от саванны существует давняя традиция этой культуры. Они не имели собственного имущества, не имели собственной воли, во всем подчиняясь своим хозяевам — кочевникам. Это были люди африканского «дна», и даже самый бедный, самый угнетенный из крестьян в любой из соседних деревень был и богат и свободен по сравнению с ними.

Их язык был мне непонятен. Я не мог спросить у этих людей — у женщины с лицом выточенной из черного мрамора мадонны, у пастуха, горделиво держащегося в отдалении от нашей шумной кучки, почему они мирятся со своей отверженностью. Да вряд ли они поняли бы меня, даже если бы я говорил и на их языке. Их мир столь узок, их представления о жизни таковы, что они просто не видят возможности что-то изменить в своей судьбе.

Мне вспоминался разговор с комендантом города Гундама в Республике Мали, происходивший в январе 1961 года. Гундам находится примерно в шестидесяти километрах от Томбукту, на границе двух весьма различных миров — мира туарегов Сахары и мира земледельческих народов — бамбара, догонов, сонгаи и других. Комендант, приехавший сюда из столицы Мали города Бамако, был просто ошеломлен некоторыми из возникавших перед ним проблемами. Он рассказывал:

— На днях ко мне пришел старик туарег и начал жаловаться, что от него ушли все рабы. Мол, старость его теперь будет беззащитна, никто его не напоит и не накормит. Я попытался объяснить старику, что в независимом Мали рабов не может быть, что в нашей стране все люди равны и свободны. Он только покачал в ответ головой и, отказавшись взять деньги, ушел.

То ли у коменданта, самого занятого в Гундаме человека, выдался свободный вечер, то ли он просто был рад высказать наболевшие мысли перед свежим человеком, во всяком случае он не поглядывал многозначительно на часы, продолжал рассказывать, а я внимательно, стараясь не перебивать, слушал. Он говорил:

— История со стариком обрадовала меня. Я убедил-

ся, что люди слышат наш голос и понимают постепенно свои новые права. Но мне приходилось не раз сталкиваться с такими случаями, когда рабы сами отказывались уходить от прежних хозяев. Они говорили мне: «Как мы сможем прожить одни? Куда мы денемся, уйдя от хозяина?» Это было обидно, горько слышать.

Мне запомнились рассуждения коменданта о том, как века кабалы ослепили людей и заставили постепенно забыть, что в жизни существуют тысячи путей, которыми можно идти. Покорность стала традицией, инерция существования — законом.

Неужели все-таки правы в своем безверии те двое парней из министерства информации? Неужели не хватит у страны силы освободиться от застарелой косности и от европейских хищников? Мои размышления прервали. Пора было следовать дальше.

Тиллабери, куда мы направились, отдохнув после долгой дороги, расположен на самом берегу реки. Местное население состоит по преимуществу из сонгаи — этого своеобразного народа, связавшего всю свою жизнь с жизнью Нигера. Руш здесь знал всех и каждого и приготовил нам хороший сюрприз — выступление известнейшей в этих краях певицы.

Я по сей день сожалею, что тогда же не записал ее имени. Наверное, не сделал я это потому, что внешность певицы показалась мне заурядной. Она была типична для женщины из торговой семьи — в мочках ушей ряды золотых колечек, лицо татуировано, глаза чуть подведены синей краской. Обращали внимание лишь живой умный взгляд, в котором читались и приветливость, и гордость, и доброта. Без долгих упрасиваний певица согласилась продемонстрировать нам свое искусство и начала петь.

Иностранцу бывает трудно оценить и песни, да и саму манеру петь народа совершенно чужой для него культуры. С молоком матери мы впитываем звучание родных мелодий, теплоту родного языка, нежность и силу его интонаций. Может быть, именно через песню, хорошую народную песню, к нам впервые приходит ощущение родины, ощущение своей внутренней глубинной связи с миллионами других людей, над колыбелью которых звучали эти же слова и эта же мелодия. Естественно, что мы склонны считать то, что нам особенно до-

рого и близко, лучшим, иногда растрачивая способность верно понять новое и необычное, с чем сталкиваемся у других народов.

Так и я сначала не нашел привлекательными странные гортанные звуки, тягучую и в то же время напряженную мелодию песни, которую первой исполнила певица. Но мне все же бросилось в глаза, как сильно поглощена песней она сама. Певица словно слушала свой внутренний голос и делала только то, что нужно, чтобы выпустить его на волю. Нас она не слышала и не замечала.

С каждой новой песней разрушалась преграда непривычного, отделявшего ее от слушателей. Сначала певицу слушали, потому что она была — экзотика, теперь — подчиняясь ее таланту. Руш коротко пояснял содержание отдельных песен — несчастная любовь, тоска по родному дому, красота девушки. Две песни говорили о прошлом — государях империи сонгаи.

Импровизированный концерт на берегу реки продолжался свыше часа. От имени нас всех Жан Руш поблагодарил певицу. Улыбнувшись, она сразу же ушла, но мы еще долго спорили, снова и снова возвращаясь к только что пережитому наслаждению от большого искусства. С насмешливой улыбкой знатока прислушиваясь к нашим восторгам, Жан заметил:

— Она действительно прекрасная певица. Но есть две-три не менее, если не более, талантливых.

Дорога назад обычно бывает длиннее, чем раньше, при пути вперед. Устав после долгой поездки, мы стали замечать и едкую дорожную пыль, и тряску на многочисленных ухабах, и жестокость металлических сидений автомобиля. Ниамей словно отодвинулся на добрую сотню километров, и те из нас, кто не смог задремать, нетерпеливо пересчитывали остающиеся до возвращения в столицу часы и минуты. В ночной темноте машина подъехала наконец к гостинице.

С трудом передвигая ноги, добрался я до своей комнаты. Немедленно в душ, чтобы смыть дорожную грязь, и спать, спать. Завтра еще один напряженный день...

Но сон не шел. В мертвой тишине гостиницы я явственно слышал голос певицы, встреченной в Тиллабери, перед глазами вставали шалаши белла, их лица. Мысли снова и снова возвращались к разговору с молодыми

ребятами из министерства информации. Мне казалось, что во время поездки я узнал что-то очень важное, что следовало бы сказать этим парням при следующей встрече.

Конечно же, это были песни о былом величии сонгаи, чья империя охватывала громадные территории вдоль Нигера. Владыка Гао, столицы этой империи, аския Мохаммед, правивший с 1493 по 1529 год, расширил границы государства от Сегу на западе до гор Аира на востоке. Ослепший в последние годы жизни, он был свергнут с престола и сослан на остров на Нигере собственным сыном Муссой.

Созданное Мохаммедом государство оказалось непрочным. Его раздирали и междоусобицы борющихся за престол принцев, и взаимная вражда покоренных народов. Когда в 1591 году на границах империи появилась колонна марокканцев под командованием паши Джудера, то в первых же боях армия сонгаи была разбита наголову. В конце того же года последний аския Мохаммед Гао попал в западню к марокканцам и был уничтожен вместе со своей многочисленной свитой. После его смерти империя буквально рассыпалась на десятки соперничающих между собой княжеств.

В народной памяти не задержались эти годы бедствий. Напротив, годы славы не забыты. В Африке часто фразы о былом величии, о прошлом расцвете звучат как заклинания против зол и испытаний нынешнего дня. Но то, что живо в народном сердце, нельзя сравнить с выспренней демагогией отдельных политиканов. Живая в народе гордость своим прошлым не позволит ему и сегодня смириться с гнетом, с отсталостью. Собственная история учит его свободолюбию, подталкивает к прогрессу.

И здесь, в Нигере, как ни трудно это было, нашлись люди, поставившие целью возрождение родины. В Ниамее работал Сайфулай Диалло, ныне председатель Национального собрания Гвинеи, а в те годы скромный почтовый служащий — один из зачинателей профсоюзного движения страны. В первые послевоенные годы в Нигерии стало популярным имя сельского учителя Аmani Диори, организатора одной из первых политических партий в этих местах. Позднее в рядах национально-освободительного движения произошел раскол на два враждующих крыла, и эта вражда на несколько лет омрачила историю страны. Однако главное уже было сделано.

В самом народе пробудились силы, которые нельзя остановить. Если первыми заговорили о национальном достоинстве, о возрождении страны интеллигенты, служащие, то сейчас этот разговор подхвачен деревней — ранее забитым и бесправным крестьянством.

Есть одно объективное, неоспоримое в своей сугубо материальной вещественности свидетельство пробуждения крестьянства — это триумфальное шествие транзисторного радиоприемника по африканской деревне. Маленький металлический ящикек связал ее с остальным миром, откуда широким потоком хлынул поток разнообразной, будоражащей умы информации.

Далеко не каждый из нигерских крестьян мог позволить себе покупку транзистора при всей его сравнительной дешевизне. Но радиоприемники приносили с собой возвращающиеся из Ганы отходники. Их приобретали работающие в деревне мелкие чиновники. Они появились в домах сельских старшин. Обладание транзистором выделяло человека, выдвигало его в центр общественного внимания, что также подталкивало многих на покупку хотя бы самой примитивной модели «говорящей коробки».

Ни одна газета никогда не доходила в Нигере до такой «глубинки», как в последние годы транзистор. У печатного слова была одна непреодолимая преграда — сплошная неграмотность народа. А слушать радио может каждый. Раньше часто говорили, что африканский крестьянин нелюбопытен, что его интересуют только дела своей деревни. Появление транзистора опровергло эти заключения. Обнаружилось — для некоторых неожиданно, — что у крестьянина желание знать, что же происходит как раз за пределами родной деревни, очень сильно.

К слову сказать, первыми это поняли... содержатели баров и закусочных в деревнях и бедняцких кварталах городов. Они увидели, что клиенты идут туда, где могут послушать радио. Ныне трудно в Западной Африке найти самый захудалый ресторан без приемника на стойке рядом с хозяином или за его спиной, на полках среди бутылок.

Если раньше все надежды передовых людей Африки на подлинное включение деревни в общественную жизнь связывались с развитием просвещения, со строительством

вом школ, с ликвидацией неграмотности, что неизбежно было делом долгим и трудным, то транзистор позволил «срезать угол». Знаменательно, что сразу же после завоевания независимости во многих африканских столицах заторопились со строительством мощных радиостанций. Радио Ниамея ведет передачи как на французском, так и на основных языках страны — хауса, сонгаи-джерма, на языке туарегов тамашеке. Помимо последних известий и информации о внутренней политической жизни в передачи включается самый разнообразный материал — от проблем детской гигиены до конкретных сельскохозяйственных вопросов. Не приходится говорить, как это важно.

Мой ночной спор с самим собой долго не давал мне сомкнуть глаз. Все-таки история может быть «великой утешительницей». Как ни запутаны судьбы Нигера, история подсказывает: есть силы, которые найдут выход.

Утром следующего дня мне позвонили. Приятный женский голос произнес:

— Говорят из секретариата президента. Господин президент хотел бы встретиться с вами. Если это не расстраивает ваших планов, он ждет вас в одиннадцать часов.

— Буду обязательно. Очень польщен, — ответил я. Трубку повесили.

На часах было четверть десятого. Достав блокноты с записями, я перелистал их. Что же довелось увидеть мне в Нигере? Впечатления были противоречивыми. Мне приходилось встречаться и с критиками правительства, и с его убежденными сторонниками. Но их разногласия выглядели второстепенными в сравнении с противоречиями самой нигерской действительности.

Позвонил портье:

— За вами прислана машина.

Резиденция президента Амани Диори занимает небольшой дом на центральной улице Ниамея. Лишь многочисленность стоящих перед зданием автомашин да фигуры двух гвардейцев у подъезда отличали резиденцию от соседних домов. Над фронтоном здания реял национальный флаг.

Швейцар объяснил, как пройти в приемную господина

президента. В углу большой комнаты у окна сидела француженка-секретарша. Спросив мою фамилию, она сказала:

— Пожалуйста, заходите. Его превосходительство ждет вас.

Амани Диори вышел из-за письменного стола навстречу мне, радушно улыбаясь. Как всегда, на нем был традиционный костюм из белого полотна, на лице очки с темными стеклами. Большой письменный стол был завален бумагами — документами и книгами.

— Каковы ваши впечатления от моей родины? — спросил президент.

Я откровенно рассказал о том, что мне удалось увидеть и услышать.

— Да, у нашей страны много трудностей. Перед нами — много сложных проблем, — заметил президент.

Амани Диори напомнил мне о мерах, которые были осуществлены его правительством, и подчеркнул, как важен в правительственных планах фактор времени. Его мыслью было, что одним рывком в такой стране, как Нигер, ничего сделать нельзя.

В ходе беседы президент осведомился, что известно в Советском Союзе о его родине, изучаются ли у нас языки хауса и сонгаи. Я рассказал ему об опубликованном исследовании члена-корреспондента Академии наук СССР Д. А. Ольдерогге по истории Западного Судана, о подготовке к печати переводов хаусанских летописей. Видимо, это очень заинтересовало Амани Диори, крупного знатока истории народов хауса и сонгаи.

Прощаясь, Амани Диори сказал:

— Приезжайте. Наши двери всегда открыты перед друзьями.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Гвинея без экзотики	5
Город и море	6
Среди старых газет	17
Конакри и Киндия	29
Дорога на Канкан	40
В глубь Нигерии	56
Лагосское море	56
Города в джунглях	70
Мир над рекой	91
Гана между прошлым и будущим	108
Акрская радуга	109
Крепости и золото	132
Север в тропиках	150
Красные дороги	165
Павшая столица	167
Абиджанские контрасты	172
Через леса	181
Маски покидают деревни	203
Огненные иероглифы	219
Земля приобретает цену	221
У предгорий Аира	231
Голоса над рекой	234

Владимир Борисович Иорданский

ОГНЕННЫЕ ИЕРОГЛИФЫ

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Н. В. Баринова*

Художник *А. Степанова*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман* Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректор *Г. В. Стругова*

Сдано в набор 27/X 1967 г. Подписано к печати 14/III 1968 г. А-01741
Формат 84×108^{1/32}. Бум. № 1. Печ. л. 7,75. Усл. п. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,14.
Гираж 30 000 экз. Изд. № 1962. Зак. № 1279. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 70 коп.

Л. С.